

Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. Апостола Иоанна Богослова профессор Николай Никанорович Глубоковский

Вводные замечания об Апокалипсисе св. Апостола Иоанна Богослова

§ 1. Апокалипсис и «откровение»

§ 2. Нормальный характер и обязательный предел истолкования Апокалипсиса

§ 3. Авторитет Апокалипсиса

§ 4. Апокалиптические письма к семи асийским церквям и их положение в целом составе книги откровения

§ 5. Апокалипсис как книга видений откровения Божия

§ 6. Способ литературного изображения в Апокалипсисе и метод экзегетического изъяснения его

§ 7. Общее содержание Апокалипсиса

Вводные замечания об апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова § 1. АПОКАЛИПСИС И «ОТКРОВЕНИЕ»

«Апокалипсис» св. Иоанна Богослова есть самая таинственная книга во всем новозаветном каноне. Дело касается не бесконечных о ней споров литературно-критического, экзегетического и догматического характера, но самого ее существа. По убеждению и предназначению писателя, она служит откровением во взятой области, раскрытием и приведением в ясность того, что было прежде темным, а теперь обрисовывается, показывается всем с достаточной отчетливостью, понятной для каждого. Естественно ожидание, что тут все должно быть наглядно и прозрачно, внушительно и вразумительно.

Фактически же имеется, что с момента своего появления и доселе Апокалипсис остается загадкой, где – по меткому выражению блаженного Иеронима – столько тайн, сколько и

слов, не говоря о том, что здесь вообще «целый лес пророчеств».

Это истина, несомненная для всех, но... как тогда постигнуть столь вопиющее противоречие между названием и содержанием, между намерением и исполнением? Не буду вдаваться в разные предположения, которые всегда субъективны и убивают себя уже самой своей многочисленностью. Обращусь к принципиальному анализу, согласно библейским данным.

«Откровение» обязательно отсылает к наличности «сокровенных тайн», а в действительности их совсем не открывает в Апокалипсисе; скорее – затемняет и усугубляет. Если все-таки писатель стремится к прояснению, то – значит – эти тайны не допускают раскрытия в желательном для нас смысле. И вина сему не в слабости и неспособности притязательного автора, ибо он сразу свидетельствует, что у него сообщается «откровение» Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре; и Он показал, послав оное чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну. Тайнозритель, конечно, видел показанное и созерцал его, и если, всецело заботясь об этом, не открывает его нам, то мы должны согласиться, что ему самому только именно и было «показано». Но раз и другая сторона желала открыть, нельзя здесь говорить о сокрытии или умолчании, а необходимо принять за аксиому, что таковы по природе своей разумеемые тайны, в которых ничего больше показать и точнее разъяснить невозможно. И слово Божие прямо утверждает, что в глубине своей «Премудрость Божия», прежде веков предназначенная к славе нашей, – есть тайна (1Кор. II, 7), сокровенная от веков (Еф. III, 9) и родов (Кол. I, 26) и до своего конкретного обнаружения утаенная от премудрых и разумных (Лк. X, 21). Даже нечто и свыше сего – Апостол Павел был восхищен в рай и разборчиво слышал неизреченные глаголы, а пересказать их человеку нельзя (2Кор. XII, 4). Все это относится к области тех вещей, «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1Кор. II, 9). Необходимо, что в этой сфере, – пока не встанем лицом к

лицу пред самыми событиями, – мы и знаем теперь отчасти, и видим яко зеркалом в гадании – как бы сквозь тусклое стекло (1Кор. XIII, 12), ибо открывает единый Отец (Мф. XI, 25, 27: ἀπεκάλυψας ἀποκαλύψαι) и являет только Единородный Сын (Иоан. I, 18).

Это не есть нечто сокрытое или секретное, но пока не доступное для нашего прямого усмотрения.

Из этих наипростейших истин вытекают не менее неотразимые выводы.

Первый главный и догматически-принципиальный – тот, что автор не искал подробного раскрытия и общепонятного истолкования. Он только приподнимает завесу и лишь показывает для созерцания постепенно сменяющиеся картины, наблюдает их и отмечает свои впечатления, но обычно не комментирует их. В таком случае и нам св. Иоанн предоставляет возможность наглядного созерцания, а вовсе не рационального уразумения, обеспеченного авторскими описаниями и научениями. Отсюда и для нас обязателен методологический принцип, что мы не должны искать в Апокалипсисе того, что там не имеется и чего не может быть в отношении автора.

§ 2. НОРМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ ИСТОЛКОВАНИЯ АПОКАЛИПСИСА

К сожалению, научная мысль шла в обратном направлении, стараясь внести солнечный свет яркого познания в гадательные видения нашего тусклого зрения. Это одинаково относится ко всем истолковательным и критическим опытам. В них наиболее привлекательны «исторические» теории, которые применяют апокалиптические видения и образы к историческим событиям и лицам и которые блещут своею фактической конкретностью, доходящею иногда до самых мелочей в родственном нам настоящем или в ближайшем будущем нашем, предполагая в Апокалипсисе «строго хронологический порядок». Таково, например, сочинение архимандрита Феодора (А. М. Бухарева): Исследования Апокалипсиса (Сергиев Посад, 1916 г.), напрасно причинившее ему столь трагическую катастрофу, но нередко подобные тенденции преобладают и ныне. То же самое верно и

для всех попыток усмотреть в Апокалипсисе живые отражения первоначальных судеб Церкви апостольского века, – гонений начинающих, распространяющихся и свирепеющих, – и прозрений постепенного умиротворения и окончательного воссияния света Христова в торжествующем христианстве. Воинствующим и страждущим исповедникам отрадно было находить у св. Иоанна божественные утешения и ободрения в земных скорбях и небесные упования – не менее того, что и нам, лишенным родины, страстно хочется читать там божественные вещания о нашем возрождении и возвращении домой под кров святой матери нашей. Но чем прозрачнее были подобные экзегетические «откровения» и исторические сближения, тем скорее и сильнее они разрушались и взаимною борьбою, и непримиримым диссонансом среди разноречивых изобретателей, равно и прямыми изобличениями действительной истории, когда она подходила к предполагаемым событиям (напр., в фантастических проекциях архим. Феодора). Это мы находим и у новейших исполнителей «временного исторического истолковательного метода», у которых все содержание Апокалипсиса есть собственно отразившаяся в нем современная история (*die Zeitgeschichte*), и он вырос из преследования христиан при Домициане, который есть обличаемый наш мировой обладатель и обозначается таинственным числом 666 для 16-го года его правления (от начала *tribunica potestas* 14 сент. 81 г.) и до его убиения (14 сент. 98 г.), по-гречески ΔΚΛΙΧ, по латыни DCLXVI. Но до какой степени эта хронологическая убедительность призрачна, об этом свидетельствует не менее уверенное заявление (у проф. Le P. E. Allö Saint Jean Apocalypse. Paris, 1933, p. 214), что 666 есть мистическая цифра Нерона («666, chiffre de Neron, était... un nombre au sens mystique consacré»). Выходит, что хронологическая очевидность представляет лишь очевидную субъективность без прочной обоснованности. То же справедливо и для эсхатологических истолкований, в свое время приобретавших чисто психопатическое влияние в научных средах и в ученых умах. И тут экзегетическая какофония в конце концов порождала совершенное отчаяние

достигнуть истины этим путем экстатических предчувствий и произвольных прозрений. Все сказанное еще более несомненно касается критических экспериментов, ставших явно ненормальным увлечением новейшей экзегетики. Она исходит из того якобы «научного догмата», что Апокалипсис должен быть не менее понятным, чем все прочие новозаветные писания. А так как ничего подобного не имелось, то с данной точки естественно было принято, что ясное первоначально сделалось тусклым потом, вследствие позднейших искажений текста, обладавшего достаточною предметною прозрачностью и логическою стройностью. Посему и надо было восстановить Апокалипсис в том виде, в каком он рисовался известному ученому по общим взглядам. Ради этого производились и делаются купюры – иногда целыми главами, – новые объединения разных отрывков с самыми смелыми комбинациями и перетасовками и с необходимыми при этом текстуальными изменениями. В этой области оказывалось умов даже больше, чем голов, ибо тут каждый соображал по-своему и фантазировал на тысячу ладов, да еще связывался тенденциозными постулатами об отношении частных отделов к избранным явлениям и доктринам. Неизбежным результатом был безбрежный произвол безграничного субъективизма, не сдерживаемого даже твердыми критическими предубеждениями. Грозною иллюстрацией служит кропотливейшая, едва ли доступная для подвижнического чтения самоотверженных мучеников науки, книга: *Die Offenbarung des Johannes, untersucht von (Prof.) Friedr. Spitta* (Halle a. S., 1889), который с жестокою откровенностью сознается (стр. VII), что в течение полугода печатания своего труда он многое изменил в кардинальном взгляде касательно композиции Апокалипсиса («beueglic der Zerlegung der Apokalypse in ihre Grundbestandteile»),

Что же теперь подумать о второстепенных пунктах, голосах и подголосках, которые грубо ошеломляют своею нескладною шумихой? Восточная фантастика заменяется индивидуально-субъективной мечтательностью ученого Запада. И если в первом отношении давалась возможность смотреть с

изумлением или увлечением, то во втором вызывалась неутолимая нужда лишь бесплодно спорить с ожесточением и безнадежностью. Потребовалось закрепить столь зыбкое положение неминуемого провала, а для этого необходимо было отыскать какую-нибудь прочную фактическую опору.

В литературной области таковая естественно являлась в форме литературных документов, которые гарантировали бы всякие трансформации и наслоения в первоначальном апокалиптическом тексте нашей книги. Ближе всего было предполагать их, конечно, в иудейских памятниках, и отселе они делаются генетическим и преобразующим фактором Апокалипсиса.¹ Начертываются две формы этого процесса, когда а) иудейская основа христианизируется, или б) христианская ткань расшивается иудейскими цветами и узорами. Здесь необозримое количество всяких конструкций и репараций, но все губится наличностью самых острых противоположностей, которые взаимно отрицают одна другую. Бесспорно, что отсутствует научно-объективный базис для этих критических реституций, если тут начало первой оказывается заключением второй и наоборот, для всей совокупности подобных построений. Тогда это есть просто палка о двух концах. Понятно, что восстановление искомого прототипа, как многоликого Януса, не может не быть произвольным, изменчивым и иллюзорным, ибо даже общим словам и фразам усвоится слишком разное содержание. Какой это фундамент, раз он считается до столь ужасающей степени зыбким и аморфным? Что можно воздвигнуть на нем прочного и стильного? Неотвратимо ожидается беспорядочное нагромождение, сопровождающееся постоянными крушениями. И, поистине, каждое новое сочинение этого сорта легко и успешно разбивает всех предшественников в данной категории, но себе уготовляет ту же самую участь, как убеждает обозрение всех трудов подобного характера с оправданием новых модификаций в общей реконструкции.

Видимо, беда заключается не в частностях, а в принципиальных дефектах всей теории. Натурально, что не избавляют ее от врожденного краха и некоторые

дополнительные новшества спасающего характера. Известно, что слепопленное иудейство не было целостным в своей первоначальной типической чистоте, но являлось многосоставным и заключало в себе разные элементы, хотя бы переработанные и приспособленные. Это в особенности вавилонские стихи, как наиболее подходящие и по идейной сродности, и по историческим связям, почему, напр., в позднейшей иудейской ангелологии они становятся преобладающими. Критическим истолкователям было проще всего обратиться в эту именно сторону и обогатить или заменить прежний экзегетический материал иудейского свойства. Самое радикальное творение этого рода дал проф. Г. Гункель, производя специальные сопоставления с вавилонскими религиозно-героическими и астерическими мифами для XII главы Апокалипсиса.² На первых порах эта попытка имела в некоторых кругах энтузиастический успех в качестве счастливого приближения к взыскуемой истине. Несомненно, что с точки зрения религиозно-исторической взаимности предложенное понимание было натуральным и многообещающим и фактически могло служить иллюстрирующим комментарием; но оно страдало неисцелимым недостатком, ибо крайне отдаленное пособие обращало в непосредственный источник, генезис религиозных верований представляло генетическим процессом происхождения одного ряда от другого,³ когда между ними было просто независимое идейное сродство⁴ или некоторый параллелизм.⁵ Посему для этой концепции потребовались самые невероятные перетолкования апокалиптического текста и не менее насильственные приспособления вавилонских мифов с весьма фантастическим изъяснением и собственным восполнением сохранившихся вавилонских фрагментов и смутных посторонних свидетельств. А в интересах идейной гармонии пришлось произвести и в новозаветном памятнике тенденциозные «исправления» текстуально-критического характера в духе и вкусе литературных экспериментаторов. Все эти «свободные» упражнения потому не казались столь заметными, что подкреплялись субъективными вавилонскими

созерцаниями. Но тут одна произвольность покрывалась другою, а каждая из них становилась сугубою. При всем том доминирующим рисовался вавилонский элемент, так как именно он почитался производящим и разъясняющим для новозаветной стихии и якобы проникал ее своим специфическим содержанием, которое оказывалось уже чисто вавилонским, хотя и несколько христианизированным при подобном искусственном освещении. Неудивительно, что в итоге Апокалипсис теряет свою христианскую индивидуальность, становясь своеобразным апокрифом, к чему иногда склоняются и некоторые церковные авторы.⁶ Но тогда падает и вся теория с ее эфемерными созданиями, ибо она не раскрывает, а уничтожает свой христианский объект.

Надо опять принимать предохранительные повороты экзегетического устремления, чтобы до известной степени обеспечить христианское понимание христианского писания. Во взятом направлении эта цель могла внешне достигаться лишь привлечением более близких христианских памятников. Это – громадная масса иудейских, иудаистических и иудейско-христианских документов в виде многочисленных апокрифов апокалиптически-фантастического содержания.

Издавна допускались отрывочные примечания, а в Новое время развиваются и систематические построения, из коих самым фундаментальным и грандиозным является колоссальный труд каноника R. H. Charles 'а «A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of St. John with Introduction, Notes and Indices, also the Greek Text and English Translation » (in two volumes, Edinburgh, 1920). Этот труд совмещает и утилизирует все предшествующие работы и воззрения, пользуясь их благами и гарантиями, но в то же время всецело разделяет и все роковые недуги. Мучительно читать этот тяжеловесный продукт четвертьвекового самоотверженного подвижнического усердия и... видеть постоянно все прежние дефекты и одинаковые погрешности. Преобладают те же произвольность всяких сближений и субъективно-свободное перетолкование обеих величин исключительно ради успеха авторских согласительных

замыслений. Во имя их нередко христианизуются туманные или обоюдные выражения апокрифически-апокалиптической невразумительности без строжайшего соображения с основными иудейско-мессианскими мечтаниями, а созерцания Апокалипсиса сглаживаются в своей христианской отчетливости и самобытной несравнимости, когда весь новозаветный документ изображается неоригинальным и – самое большее – полухристианским и полуиудаистическим. Все расплывается в бесформенную безличность, где можно предполагать многое безнаказанно и нельзя ничего усмотреть определенно – вопреки наглядной картинности Апокалипсиса, который грубо лишается всей своей типичности. Но и это достигается деспотически и необходимо требует соответственных насильственных аккомодаций в теперешнем апокалиптическом оригинале.

Получается старая «критическая» история, что новозаветный текст повсюду нарушается в многочисленных частностях, совсем исчезающих или совершенно изменяющихся⁷, а иногда – особенно в конце книги – целыми главами (XX-XXII) обрезывается и передвигается по единой предвзятости конструктора. Однако, ведь так именно делали и все «авторитетные текстуальные критики»⁸, и – следовательно – в этом отношении нет принципиального прогресса, ибо, фактически, материального развития никогда не может быть в сфере субъективизма и произвола. Везде господствует то общее и единое, что подлинный Апокалипсис, принимаемый за объект истолкования, стирается и пропадает⁹. Ясно, что причина такой все- научной катастрофы – не в личностях, а в самом существе их исследовательского умонастроения.

Апокалипсис, конечно, не есть литературно-утонченная «квадратура круга», но это и не простой общедоступный роман¹⁰. Сам созерцатель больше восхищался и потрясался, недоумевал, спрашивал о непонятном смысле виденного и не всегда слышал ясный ответ или же получал новые таинственные вещания. Он не мог предлагать свыше того, что приобрел, и лучше, чем постигал. У него немислимо намерение дать связную драму прозрачного для всех содержания, поскольку последнее сообщалось в независимом от него

движении видений, которых ему нельзя предусмотреть ни материально, ни хронологически. Обратное сему и догматически неверное стремление найти там нечто прямо обратное, ведет к текстуально-критическим вольностям, какими страдают и более трезвые, спокойные и осторожные экзегеты консервативного лагеря¹¹. Иоанн Богослов сообщил не все виденное¹² и, разумеется, нимало не замышлял представить сверх того, что он созерцал и постигал тогда. У него все эсхатологически-апокалиптично и потому не вполне постижимо для разума, которому иногда кажется даже странным¹³. Самая природа обсуждаемого предмета и опыты его изучения для нас должны служить экзегетическим принципом, и мы обязаны восстановить подлинную картину апокалиптических видений и делать догматическо-моральные применения, но не имеем ни основания, ни прав вносить их в свои экзегетические описания. Этим мы вовсе не обрекаемся на безнадежную бесплодность процесса результата подобной работы. Она не может быть бесполезной и напрасной уже потому, что должна поставить каждого изучающего в положение самого апостола, «зрителя небесных откровений», а что важнее и драгоценнее этого приобретения? Да и какой мыслим еще успех выше того, чтобы видеть и понимать вместе и согласно с непосредственным созерцателем? Тут – безусловный предел наших желаний и исканий. И если нам по-человечески хочется большого понимания, и Апокалипсис его не дает, – значит, сего не было и фактически, и апокалиптические картины этого не содержат, преследуя совсем другую цель. Их задача в том, чтобы показать «невидимое как бы видимое, – желаемое и ожидаемое, как бы настоящее».¹⁴ Реалистическая наглядность убеждает в реальности воспроизведения неведомых нам вещей и порождает живую веру в них.¹⁵ Поскольку же последняя возникает из недр самого восприимчивого существа, то наша душа и сердце органически проникаются соответственными чувствами и внутренними настроениями, чтобы не просто ожидать грядущего, но и быть наивозможно готовыми к нему и всегда сладостно взывать: «Ей, гряди. Господи Иисусе!» (Апок. XXII, 20). Это все, что потребно для нашего нормального

плодотворного бытия созданий Божиих, до тех пор, пока мы увидим непосредственно и познаем, подобно как сами познаны (1Кор. XIII, 12) Богом во Христе и в Духе Святом. Мы идем теперь по скорбному «острому» и темному пути, где перед нами зияет только мрачная пустота могилы и ни впереди, ни вверху нет ясной звездочки; но мы убеждены, что, руководясь сиянием веры, несомненно достигнем тех обителей, в коих пылает Свет присносущный и животворящий во веки.

§ 3. АВТОРИТЕТ АПОКАЛИПСИСА

В этом божественный смысл небесных видений Апокалипсиса, и от них зависит исключительное значение всей книги. Посему необходимо определить авторитетность самих видений по их достоинству и неповрежденное™. Но уже в самом начале мы читаем, что Откровение дано Богом от Христа при посредстве Ангела Божия, нарочито посланного Иоанну, который и сообщает, что он видел, почему содержание писания точно совпадает с созерцанием. Вопрос лишь в том, когда было записано (или записывалось) последнее, и не сгладилось ли оно при позднейшем закреплении на хартии. По этому предмету мы имеем достаточные указания. Апокалиптику свыше повелевалось «написать» виденное (I, 19; II, 1, 8, 12; III, 1, 7, 17; XIV, 13; XIX, 9; XXI, 5) и даже «записать» речи говорившего голоса (I, 12 и ср. 10; IV, 1; X, 8). И это внушение было тем обязательнее, что в другом случае было прямо заповедано обратное (X, 4): «Скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего!». Очевидно, записанное почитается непосредственным воспроизведением виденного и приобретает всю его божественность, ибо сказано (XXII, 18–19); «и Я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей, если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей. И если кто отнимет что от слов книги сей, у того отнимет Бог участие в книге жизни, и в Святом Граде, и в том, что написано в книге сей». Судя по несомненному различию угрожающего от удостоверяющего (в стихах 18 и 20), мы должны думать, что под первым разумеется Сам Иисус Христос, так как личное самосвидетельство автора не имело бы необходимой силы (ср.: Иоан. V, 31; VIII, 13), а

удостоверение Христово требовалось самым поручением, поскольку именно им обеспечивалось, что «блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нем» (I, 3). Следовательно, гарантирующая книжную почтенность санкция вполне бесспорна, простирается на все настоящее писание¹⁶ и должна оправдываться фактическими данными человеческой аккуратности. В этом отношении весьма существенно категорическое указание самого Тайнозрителя (X, 3–4) о том, что когда другой Ангел воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими: «и когда семь громов проговорили голосами своими, тогда я хотел писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: «Сокрой, что говорили семь громов, и не пиши сего»» (καὶ ὅτε ἔκραξεν ἐλάλησαν αἱ ἑπτὰ βρονταὶ τὰς ἑαυτῶν φωνὰς. καὶ ὅτε ἐλάλησαν αἱ ἑπτὰ βρονταὶ ἥμελλον γράφειν. καὶ ἤκουσα φωνὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσαν. σφράγισον ἃ ἐλάλησαν αἱ ἑπτὰ βρονταί, καὶ μὴ αὐτὰ γραψῆς). Тут решительно утверждается одновременность явления с записыванием его, как обычная манера автора Апокалипсиса, почему не записанное в моменты видения не сообщается в книге по воспоминанию. Этого принципиально практического правила никак нельзя отрицать.¹⁷ Правда, термин σφράγισον отсылает к «запечатлению» написанного уже завещания, которое потом, в надлежащее время, вскрывалось официально для публичного осведомления, а раньше оставалось тайной немногих лиц. Разумеется, все эти текстоментарные процедуры неисполнимы при самых созерцаниях, но возможно понимать дело и так, что не позволяется «закрепить» в удобной и принятой для завещательности форме письменного изложения, а в общем смысле этим внушается, что то или другое событие должно пока оставаться скрытым. Наоборот, слова (XXII, 10): μὴ σφραγίσῃς τοὺς λόγους τῆς προφητείας τοῦ βιβλίου τούτου заповедуют возможно немедленное и неременное сообщение, но лишь тогда, когда составитя полный свиток божественных откровений.¹⁸ Посему не следует преувеличивать хронологическую совместность видения и записывания, однако несправедливо и разделять их слишком длинным промежутком. Необходимо избрать нечто среднее, а именно допустить, что

при самых откровениях делались мнемоневтические заметки, чаще всего совсем отрывочные и взаимно несвязанные, насколько было это мыслимо при непосредственных потрясающих впечатлениях созерцаемого и слышимого свыше, а при перерывах они служили документальной основой для точного воспроизведения событий во всей реалистической наглядности и, наконец, все эти эскизы объединялись в целостной книге таинственного откровения Божия. Мы допускаем три стадии письменного изображения пережитых восприятий, но все они возводятся к фактическому созерцанию и получают значение подлинных явлений, показываемых Самим Господом Богом. И все это тем бесспорнее, что данный процесс не был продолжительным, ибо уже к концу своих видений Апокалиптик имел систематизированную книгу (XXII, 7, 9, 10), которая по своему содержанию восходила к фактическому первоисточнику неприкосновенного величия, почему нельзя в ней ни прибавить, ни убавить без страшной опасности в смысле потери вечной жизни и крайнего осуждения (XXII, 18–19). И в этом виде, именно как книга, Апокалипсис обращается к читающему и слушающим (I, 3), конечно, из числа исповедников Христовых, которые бывают и называются слышащими (XXII, 18) не иначе как потому, что есть обязательные для них и внушительные чтецы. Этим предполагаются совместные собрания тех и других для специальных религиозно-учительных назиданий, когда первые внимают, вторые наставляют. Перед нами рисуются сцены богослужебного характера, и отсюда справедливо заключать, что Апокалипсис с самого начала своего текстаментарного опубликования в качестве Завета Божия верующим параллельно Торе¹⁹ предназначается и применяется для церковного богослужебного употребления в достоинстве Священного Писания – подобно «еврейскому Евангелию Матфея».²⁰

§ 4. АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА К СЕМИ АСИЙСКИМ ЦЕРКВАМ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В ЦЕЛОМ СОСТАВЕ КНИГИ ОТКРОВЕНИЯ

Таким образом, вся книга рекомендуется достоверной по содержанию и божественной по авторитетности согласно

прологу, который относится ко всему Апокалипсису, а не к одной первой части.²¹ Дальше вопрос может быть лишь о семи посланиях Апокалиптика (I, 11 и след.), предваряемых его собственным видением. Обыкновенно допускается, что они первоначально были частными письмами, которые Тайнозритель составлял для каждой из поименованных церквей и отправлял их в отдельности. Естественно, что эти документы обособлялись по своему происхождению и не имели взаимной связи ни фактически, ни идейно. Утверждают даже, что к Апостолу Иоанну приходили посланцы указанных церквей (может быть, даже с письмами от них) и получали от него письменные разъяснения и наизидания в специальных посланиях, которые отправлялись к вопрошавшим, обращались и сохранялись среди них.²²

Лишь впоследствии все они постепенно стали объединяться по причине топографической близости адресатов и существенной общности церковных нужд, как это делалось с посланиями к Колоссянам и Ефесянам (Лаодикийцам) по прямой заповеди писателя. Слияние их собственно с Апокалипсисом произошло много позднее (например, ввиду возобладавшего верования о патмосском происхождении и малоазийском предназначении всей данной книги) и лишено исторического основания, потому что мог быть только отдельный сборник семи писем, почему к ним, в совокупности и в особенности, не относятся характеристики подлинного Откровения, данного рабу Божию Иоанну. В этом построении вполне правильно разве то, что последний, бесспорно, сообразовался с реальными условиями малоазийских церквей и так или иначе мотивировался ими, а все иное – по внешности увлекательно, но фактически совсем проблематично. Если известное письмо рассчитано на определенную среду, то оно должно отражать ее с конкретной реальностью, а когда пишущий был близко связан и знаком с нею, то в таком случае естественны тесные совпадения даже в частностях, причем послания давали бы ключ к некоторым историческим загадкам взятой церкви и сведения о ней наполняли бы фактическими подробностями отвлеченную выпренность апостольских

выражений. Законны изыскания этого рода, из которых наиболее компетентными за Новое время предполагается труд бесспорного знатока истории и географии Малой Азии, Sir Professor 'a W. M. Ramsay: The Letters to the seven Churches of Asia and their Place in the Plan of the Apocalypse (London, 1904). Книга интересна и поучительна в смысле картинных иллюстраций из религиозной и культурно-бытовой жизни малоазийских церквей, хотя часто преобладают теоретические соображения и разные догадки изворотливой фантазии. А для непосредственного уразумения апокалиптических текстов приобретает немного, а трудности их вовсе не устраняются, но – в главном даже увеличиваются.

Во-первых, непонятно забвение или опущение некоторых малоазийских церковных общин, не менее заслуживавших испытующего внимания: такова, например, Колосская церковь. Правда, она едва ли была основана самим Иоанном, но ведь это далеко не бесспорно и для св. Апостола Павла, и, однако, Апостол счел необходимым написать туда особое послание, столь важное, что оно рекомендовалось для (богослужебного) чтения и в Лаодикийской церкви, чего не заповедуется больше ни для какого новозаветного документа, кроме того, который из Лаодикии (Кол. IV, 16). А нужда в апостольском назидании у Колоссян была ничуть не менее при св. Иоанне, чем при благовестнике Павле. Во-вторых, совершенно неясно, почему избраны и характеризуются Апокалиптиком лишь взятые церкви и именно семь. Говорят, что они уже ранее сего были известны²³ как «семь церквей во Азии», но это не засвидетельствовано и ничуть не разъясняет ни их числа, ни их избрания. Если допустить, что Колосская церковь не отмечена ввиду сходства ее с другими по типичности света и теней, то все это верно и для изображаемых в Апокалипсисе, потому что некоторые из них тоже сходны между собой – особенно в своих отрицательных отличиях (напр., о Николаитах в Ефесе и Пергаме, равно в Смирне,²⁴ в Фиатире и Филадельфии), и совместное изображение их было бы гораздо более ярким и внушительным по обличению, предупреждению и врачеванию как наличных дефектов, так и дурных склонностей. Наконец, в-

третьих, непостижимо и самое расположение перечисляемых церквей. Пусть они были в центрах военных и судебных округов, чего нельзя утверждать категорически. Верно и то, что в миссионерском делании имели тогда большое значение пути сообщения данной территории, взаимные связи городов и центральных пунктов. Однако это не был самый решающий фактор, ибо в миссионерских интересах возможно было для Апостола Андрея ходить из Византии в Рим через Киев, хотя по естественным соображениям подобный маршрут представляется иррациональным. Но, во всяком случае, необходимо было считаться с этими внешними условиями, чтобы не тратить напрасно сил на преодоление излишних путевых трудностей и не обрекать себя на разные неприятные случайности среди непросвещенных и грубых захолустий. Ведь допускают же (prof. W. M. Ramsay), что Марк покинул Павла в Памфилии и не захотел идти с ним в глубь малоазийского материка из опасения тяжелых путевых препятствий в том направлении, а Галаты, принявшие Апостола языков с детской восторженностью и чистым обожанием своего просветителя, вскоре жестоко поразили благовестника своим неожиданным и непредвиденным отпадением. Культурный элемент, более способный к восприятию и не менее жаждавший евангельской проповеди, был разбросан вдоль удобных дорог по городам и прилегающим селениям. Тем обязательнее было все это для успешности и обеспеченности корреспонденции у человека, который якобы сам отправлял свои ответные письма по известному назначению. В этом отношении было бы всячески практичнее посылать своих вестников с постепенным движением их от начального пункта к следующему, а в Апокалипсисе мы видим тут большой беспорядок: сначала отмечается отдаленное место для вручения посланий, а потом уже ближайшее, или же предполагается, что посланец идет в разные, несоприкосновенные стороны. Здесь ничуть не помогает миссионерская иррегулярность, но равно безнадежна и путническая корректность.

Проф. W. M. Ramsay употребил много ученых усилий и изобретательного остроумия, чтобы пролить свет историко-

географической отчетливости, но он удачно справляется со своей задачей лишь в частях, самоочевидных издавна, а вся классификация распределения городов остается непроницаемой и неразгаданной, несмотря на всякие искусственные комбинации. В самом лучшем случае получаются допустимые возможности, но наряду с ними не менее вероятны другие, – и для нас совсем непонятно, почему взяты первые, а не вторые. Надо согласиться, что с историко-географической точки зрения нет надежды на удовлетворительное разъяснение; однако нельзя и примириться с предположением, что Апостол в этом важном пункте путал намеренно или по неведению. Нужно думать, что тут есть глубокий смысл – только никак не историко-географический. Последнему, наконец, не соответствует и текст апокалиптических посланий. Они вовсе не предполагают частных запросов и уполномоченных вопрошателей, ибо исполняют повеление Божие, точно указавшее адресируемые церкви в установленном распорядке (I, 4).

И это было тогда, когда Апокалиптик находился «в духе», будучи в состоянии «пророческого восхищения» (I, 9, 10, 19). В нем нет места географическим расчетам. Посему и самые письма не удостоверяют лишь местного предназначения. Они обращаются ко «всякому имеющему ухо слышать» (II, 7, 11, 17, 29; III, 6, 13, 22) и направляются к точно поименованным церквам (II, 7, 11, 29; III, 6, 13, 22), дабы уразумели «все церкви в Азии» внушения Господни (II, 23).²⁵ Этим не отрицается применение их к отдельным лицам того времени: «Каждому воздам из вас по делам и заслугам» (II, 23), но в каждом из них должно видеть в словах Божиих догматические, общеобязательные заповеди Апостола для всего христианства.²⁶

С этой стороны они близко соответствуют общему тону Апокалипсиса в его вселенской церковно-авторитетной увещательности, поскольку открывают и констатируют «что есть и что будет после сего»; вместе с тем тут и не просто теоретические рассуждения и моральные назидания на то, что Иоанн «видел» (I, 19). Поэтому дальнейшее течение рассказа

тесно связывается с рефератом о посланиях, как передача бывшего «после сего» (IV, 1).

Эта краткая отметка иногда подвергается напряженным перетолкованиям, между тем тут же обеспечивается за нею строго темпоральная энергия. И таковая относится не к повествованию, а к процессу видения, в котором был известный перерыв, как это случилось и потом (VII, 1; XV, 5; XVIII, 1). Соображая все отмеченное, мы вынуждаемся принять, что апокалиптические послания не были памятником частной случайной корреспонденции. Это – принципиально-догматические документы, которые могли иметь пред собою названия исторические церквей, их применяют и выражают тайны Божии. Они неразрывны от целого, и для них допустимо лишь одно определение, что этот комплекс написан прежде других рефератов (IV, 1) во время перерыва²⁷ и, может быть, даже в особой книге (I, 11) или в законченной отрывке, потом присоединенном к целостному изложению видений, собиравшемуся и составлявшемуся последовательно в соответствии фактическому ходу божественного Откровения. Вероятно, были сначала особые свитки, но лишь как части общей литературной композиции, задуманной заранее (I, 1; срав. XXII, 16) и включавшей все апокалиптическое содержание. Посему сам я решаюсь утверждать, что Асийские послания св. Иоанна ни обособленно, ни в совокупности²⁸ не выпускались отдельно от всего Апокалипсиса и являются идейно-ингредиентными его элементами,²⁹ получая равную с ним достоверность и одинаковый авторитет. Все иные опыты, не оправдываемые фактическими данными, компрометируют себя уже тем, что должны производить произвольные текстуальные корректуры, опускать или искажать все введение (I, 4 и след.) и конец книги (XXII, 16, срав. I, 4, 11, 20; II, 11, 17, 23, 29; III, 6, 13, 22) – не во имя объективной критики, не представляющей ни малейших текстуальных опор, а для прилаживания к своим теориям, которые по этому самому оказываются насильственными, непригодными и бесплодными.

§ 5. АПОКАЛИПСИС КАК КНИГА ВИДЕНИЙ ОТКРОВЕНИЯ БОЖИЯ

В итоге всего мы находим, что Апокалипсис есть книга видений откровения тайн Божиих. Она удостоверяет нас видения не прямыми сообщениями и ясными словами, а в созерцаемых образах, потому что самые таинственные предметы не поддаются нашему разумению и не могут быть выражены для него простыми описаниями. Значит, все апокалиптические видения имеют заменяющий характер символического напоминания и типически-иллюстрирующей наглядности. Но символы никогда нельзя принимать за подлинную «вещь истину», а надо проникать в са-

(Rev. Prof. H. B. Swete The Apocalypse of St. John. P. XL); однако нельзя забывать и того, что вся книга (с I, 4 до конца) есть собственно единое письмо (R. H. Charles: A Commentary on the Revelation of St. John, I, p. 8; ср. у Rev. Prof. H. B. Swete The Apocalypse of St. John. P. 40). мую их сущность и усвоить их идейно-доктринальное содержание. Это касается и апокалиптических посланий. Они изданы по вдохновению Того, Кто есть «Альфа и Омега» (I, 10), и предлагают то, что Тайнозритель видел, почему лишь это виденное и получили малоазийские церкви. В самых письмах-посланиях говорится больше об избличениях совершающегося и об указаниях нормального порядка, о теоретических назиданиях; но ведь и в самом повелении насчет записи виденного доминирует, собственно, громкий голос, который можно слышать, а не видеть глазами. Ясно, что под понятием видений, одинаково созерцаемых и слышимых, в их взаимном сочетании с преобладанием того или другого элемента, обнимается все откровение свыше, в силу чего общая характеристика Апокалипсиса приложима и к сборнику посланий. Но они обеспечиваются в своей апокалиптической авторитетности и вводными сведениями о них, которые простираются на все дальнейшее содержание, ибо везде выступает один и тот же верховный деятель, как «Альфа и Омега, Первый и Последний», только касаются ближе и прежде всего этой части, заключающей в себе апостольские письма.

Что же мы там находим? – Автор сначала констатирует, что он – брат во Христе для читателей и соучастник их в скорби за

обетованное царство, с терпением в духе и силе Его Божественного Основателя, Господа Спасителя, а теперь находится на небольшом острове Эгейского моря, Патмосе, за слово Божие, которое он возвещал, и за свидетельство Иисуса Христа (I, 9), Свидетеля Верного в искупительном служении, живоносной смерти и владычественно-царственном воскресении, после омытия нас от грехов Кровию Своей, по безмерной любви сделавшего нас соцарственными с Ним и, следовательно, уподобившего нас Его самопреданности Отцу, т. е. в качестве священнослужителей Богу. И Христос – Сын – не оставит Своих истинных исповедников, а явится вторично с неотразимой яркостью для врагов и язычников во всей вселенной, как это несомненно по верховному авторитету в Первоисточнике и Завершителе всего бытия, Который в этом Своем эссенциальном достоинстве, естественно, превышает всякого тварного бытия и потому вневременен по началу и концу – был, есть и будет во веки (I, 5–8). Он же Сам и вдохновитель Апокалиптики при пророческом восхищении на острове Патмосе в день воскресный (I, 10).

При непосредственном рассмотрении оказалось, что это был первосвященнически облеченный – подобный Сыну Человеческому, с опытом и мудростью почтенного старца, с острою пронизательностью зрелого мужа и с несокрушимой крепостью взрослого юноши, а в целом – Владыка всех церквей, нелицемерный Судия и блистательное для всех солнце, спасительно освещающее наше земное положение и весь дальнейший путь на небо (I, 12–16). И, поскольку для земнородного невозможно видеть Бога (ср.: Иоан. I, 18), – созерцатель от восторженного ужаса пал к ногам Господним, как мертвый. Но это был Виновник и Источник вечного живота, создавший его Своим воскресением и заключивший в Своей деснице ад и смерть, почему немедленно и воздвиг Тайнозрителя и повторил повеление о написании виденного (I, 16–19).

В этом изображении воспринимаются черты Бога- Отца и Сына-Искупителя; однако выступает именно Последний, объединивший в Своем лице и деле все Божественные

достоинства. И это потому, что Христос-Господь является в Апокалипсисе везде персонально Божественным и единым с Богом-Отцом, а во всех видениях и явлениях действует Единое Божество на протяжении всей книги Откровения, где господствует это эссенциальное объединение Божественных Лиц по общему Божеству.

В таком случае тем ослепительнее божественное удостоверение сборника посланий вместе со всем целым, как писания божественного, которое утверждает в истине образами и должно быть понимаемо в духе таинственной символики.³⁰

§ 6. СПОСОБ ЛИТЕРАТУРНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В АПОКАЛИПСИСЕ И МЕТОД ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОГО ИЗЪЯСНЕНИЯ ЕГО

Тогда дальше несомненно, что символы употребляются там вместо и в достоинстве слов, заступают их по значению и расположению. К этим символам мы обязаны прилагать все особенности словесно-литературной речи и руководствоваться одинаковыми правилами истолкования Апокалипсиса, усвояемого Иоанну Богослову, и, следовательно, мы должны сообразоваться при экзегетике книги Откровения с литературными приемами и манерами Апостола любви. А для него характерно, что он избегает догматически-законченных выражений, которые сразу констатируют всю истину во всей ее закругленности и детальной отчетливости. Напротив, сначала дается общее изображение, а потом из него выделяется одна черта, затем последняя отмечается снова и характеризуется всесторонне в своей индивидуальности, наполняясь собственным специальным содержанием. При таких повторениях фразы нанизываются одна на другую и связываются между собою, подобно кольцам в цепи, а мысль постепенно нарастает и с каждым предложением обогащается новыми материями, когда в результате достигает всей идейной законченности точного обозначения. Эта литературная манера Апостола Иоанна в преобладающем употреблении анафоры³¹ всецело сказывается и в апокалиптическом пользовании образами и символами, часть коих в данном видении повторяется, в следующем раскрывается больше и продолжает

избранную концепцию в ее естественном развитии и возрастании.

Параллельно языку мы в апокалиптических созерцаниях находим постепенные обобщения на основе предшествующего, прибавления новых картин и т. д.

Всем этим формулируется для нас экзегетическая норма, которая должна служить руководящим принципом истолкования. Здесь мы сближаемся и как бы совпадаем с давно принятой в науке «рекапитуляционной системой» в раскрытии образов Апокалипсиса, но сходство между нами лишь в идее «повторения», а утилизируется она весьма различно. «Рекапитуляция», методологически не обоснованная ничем, кроме лучшей экзегетической пригодности, утверждает воспроизведение всего образца или даже целого комплекса их и предполагает лишь чистые возобновления прежнего (*repetitio*), хотя бы с другой стороны и под другой символической формой. Основная мысль не развивается и не расширяется, а образ, покрываемый сверху последующими наслоениями, растет только ввысь и постепенно удаляется от созерцания, становится грузным и тускнеет. При нашем методе, когда к части общего присоединяется новое добавление, расширение идет вширь и сопровождается органическим дополнением реалистических подробностей, а в результате получается яркая и живая картина, где все частности связаны тесно и своею совокупностью выражают идеи во всем объеме. Тут нет утомительного и напрасного удвоения тождественного содержания, но господствует неизменное обновление его с прогрессивным обогащением и конкретной выразительностью.

§ 7. ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ АПОКАЛИПСИСА

Разумеется, для сего должны быть законченные циклы, которые в свою очередь связываются взаимно, образуя целую гармоническую галерею сродных картин, наглядно и пластично иллюстрирующих все таинственное явление. Но эти круги не отмечены точно и должны быть определены по соображению с поставленной апокалиптической целью, чтобы соответственно ей предначертывалось и самое содержание в своем органическом раскрытии. В этом отношении ясно, что послания,

предваряемые общим для всей книги (I, 1–3) и специальным для них (I, 4–20) введением, обособляются в связную группу по сравнению с остальными частями; все находят свое место в цепи откровения уже по связи со всеми частями, как одинаково служащими единому устремлению, достигаемому по систематическому плану.

Задача Апокалиптики заключалась в том, чтобы созерцать показываемое и записать виденное (I, 2, 11, 19) относительно того, «чему надлежит быть вскоре» (I, 1; XXII, 6), как будто удостоверяется исторический прогноз, но констатируемая «скорость» вовсе не абсолютная и соизмеряется тем, что «время близко» (I, 3; XXII, 10), а последнее обнимает весь неограниченный период всецелого осуществления судеб Божиих в мире (ср.: 1Кор. VII, 29) и ускорялось в первохристианском сознании напряженными «парусийными» ожиданиями,³² которые и теперь решительно усматриваются в ὑπομονή (I, 9).³³ Следовательно, захватывается все будущее христианства, открываемое в сменяющихся хронологических видениях (IV, 1). По этому своему эсхатологическому характеру и весь Апокалипсис справедливо называется книгой пророчества (XXII, 7, 18),³⁴ как и сам Иоанн иногда прямо призывался пророчествовать (X, 11). Но будущее чего-либо немыслимо без наличности его в известном фактическом состоянии. Поэтому и здесь утверждается, что Апокалиптик должен был изобразить и историческую христианскую реальность, как она рисовалась во свете откровения по связи со всем грядущим. Иоанн не мог созерцать ничего вне этих границ, и потому в словах повеления ему (I, 19): «Напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего», – первое «и» является экзегетическим и выражает, что виденное именно и было настоящим и будущим.

Разумеется, всякая современность покоится на предшествующем и непременно утверждает его, но последнее уже поглощено возникшею действительностью и вне ее не имеет значимости. В этой ассоциации характерно свидетельство (I, 8), что Вседержитель «есть, и был, и грядет», несколько необычное, поскольку минувшее всегда бывает раньше позднейшего и никогда – наоборот. И нельзя говорить, что

первый термин дает знать «Сущего» в Иегове, Который всегда был и вечно будет. С этим толкованием невозможно согласиться, ибо «есть» – ничуть не квалифицируемый объект, а самая квалификация его наравне с двумя другими. И она дается с точки зрения бытия как такового, и отсюда объясняется экстраординарная форма ὁ ἦν, решительно констатирующая эту сторону самую своею оригинальностью; поставление же ее на втором месте говорит, что прошедшее вовсе не минуло в потоке времен в качестве исчезнувшей струи, но всецело заключается в настоящем, которое только поэтому и существует в своем онтологическом достоинстве. В свою очередь и о бывшем заявляется, что оно имеет важность лишь в своем продолжении, как предшествующая стадия, функционирующая в дальнейшем, а сама по себе уже не обладающая энергией самостоятельной силы и действительности. В этом отношении и апокалиптические послания предполагают нечто прошлое, но в своей наличности освещаются сиянием всего грядущего. В этом их взаимная связь и внутреннее соотношение. Мы теперь получаем для Апокалипсиса две главнейшие части, из коих первая конкретно описывает и принципиально анализирует христианскую современность, вторая открывает для нее неизбежное грядущее. Для одной указано семь пунктов приложения, другая должна показать ближайшее последующее и окончательное в истории воинствующей Церкви Божией, а обе они изображают судьбы царства Христова на земле. Таково общее апокалиптическое содержание.

Экзегетическое обозрение Апокалипсиса,

**которое мы даем в общих, принципиальных
очертаниях, без историко-археологических деталей**

Часть первая

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ К СЕМИ АСИЙСКИМ ЦЕРКВАМ

(главы I–III)

В своих семи посланиях к малоазийским церквам³⁵ Тайнозритель показывает их фактическое состояние в существенных дефектах и обязательных идеалах, а этим самым устанавливает основные начала истины христианской жизни и ее нормального исторического развития.

Названы семь церквей (I, 4), потом точно поименованные (I, 11) и фактически адресуемые (II–III), но мы уже упоминали, что они служат для Апокалиптика лишь конкретными точками отправления и являются символическими³⁶. Знаменательно, что сначала отмечается лишь голая цифра (I, 4), но она не могла быть напрасной и случайной и должна заключать что-то сама в себе. Но семь – чуть ли не самое излюбленное число Апокалиптика (Откр. 1:4, 13, 16, 20, 8:2, 6, 13:1, 15:1, 6, 7, 8, 16:1, 21:9 ср. Откр. 5:1, 6, 17:1, 3, 7, 9, 10, 11) и везде означает у него законченность и совершенство того или иного характера. Посему и в семичленном сборнике апокалиптических писем мы обязаны усматривать законченное выражение известной истины с разных сторон и точек зрения. В каждом из них надо видеть частичное Откровение этой истины, которая, в совокупности всех посланий, имеет найти целостную обрисовку, для чего важны не историко-археологические примеры, а вдохновляющие и проникающие идеи.

Первое письмо направлено Ефесской церкви, и она заслуживает этого первого места не по своему гражданскому положению в провинции³⁷, где главным городом официально числился Пергам, а потому, что ей говорит *«Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди золотых светильников»* (II, 1), но раньше сказано (I, 20), что семь звезд суть Ангелы семи церквей, которых представляют семь светильников. Следовательно, Ангел Ефесский являлся носителем всего небесного церковного руководства для

новой вселенской Церкви. Его голос оказывается основоположительным и принципиально догматическим.

Бесполезно спорить о конкретном значении Ангелов церквей и вдаваться в измышления или разбор разных гипотетических, даже фантастических теорий³⁸. Никто из тогдашних иудейских и христианских читателей ни на минуту не мог сомневаться, что Бог, назирающий за миром и его стихиями³⁹, за отдельными людьми (Пс. 90:1; Мф. 4:6, 18:10; Лк. 4:10) и за целыми народами⁴⁰ через небесных вестников⁴¹, тем более содержит на небе Свое духовное водительство для всей Церкви Христовой и этим способом ведет ее среди земных испытаний к конечной небесной цели (ср.: Евр. 1:14), охраняя от коварства духов злобы поднебесной (Еф. 6:12). Отмечают, что тогда все упреки Апокалиптика придется перенести и на небесных служителей Божиих, как ответственных за фактические недочеты и падения своей церкви⁴²; но до известной степени то же самое затруднение касается и земных начальников, которые несут ответственность за разные дефекты, хотя сами чисты и не зазорны во всем, – напр. Иоанн и Павел в отношении основанных ими церквей, в частности, в Малой Азии, где издавна колебались и двигались все светильники. Говоря по-человечески, с этой стороны и Богу усвоится в Библии раскаяние (Быт. 6:6; Евр. 4:3); в Ангелах, не всегда проникающих в глубину Божественных тайн (1Пет. 1:12), усматривается нечто стропотное (Иов. 4:18); по Книге Юбилеев (XV, ср. «Псалмы Соломона», XVII, 17) Бог даже «ведет тяжбы против Своих Ангелов и Своих духов». Понятно само собою, что небесные Ангелы фактически действуют через своих земных представителей, как полномочных начальников церквей, соответственных конкретных лиц церковной иерархии, т.е. – понынешнему – через епископов⁴³.

Положительное достоинство ефесских христиан было в том, что они веру свою воплощали в свойственных делах и в этом неослабном труде все претерпевали ради имени Господня, решительно не позволяя себе увлекаться разным духовным развращением даже от некоторых мнимых апостолов, фактически же – просто лжецов, и с ненавистью отвергая

всякую николаитскую практику. Но наряду с этим Ефесяне вызывают против себя Божественное осуждение, что они оставили первую любовь (II, 4: ὅτι τὴν ἀγάπην σου τὴν πρῶτην ἄφῃκας). Однако и теперь вполне доступно спасительное восстановление чрез очищающее покаяние и возвращение первоначальной активности. По ассоциациям мыслей ясно, что разумеется «вера, поспешествуемая любовью» (Гал. 5:6) пламенного горения всесовершенной самопреданности Богу во Христе и в Св. Духе, когда все сияет светом Христова идеала в каждом помышлении и движении. В этом отношении несомненно, что ослабление и угасание такой веры свидетельствуют об отпадении.

Итак, горячая любовь плодоносной веры рисуется основным началом благословенного христианского развития, которое увенчивается райскою живительностью. Но уже отмечалось, что на этом спасительном пути встречаются многие трудности, а теперь это удостоверяет для Смирнской церкви (II, 8 и сл.) Божественный Искупитель, свидетельствуя, что смерть за истину Христову ведет к жизни, вопреки всем человеческим расчетам. Решительно утверждается, что вышеописанные дела ради и во имя Христа создают скорбь внешних мучений, способную разрешиться смертью⁴⁴, даже мученической⁴⁵, и физическую и материальную нищету – при всем духовном богатстве – по злословию иудейского происхождения, причем измышляются всякие темные и грязные хулы на христиан, не только не обоснованные нимало, но намеренно позорные, ехидно возбуждающие к ним ненависть во всех слоях общества. Эти темные клеветники называют себя иудеями, ратующими за библейские идеалы, однако извращенное раввинистическое понимание последних сделало их антихристианскими борцами чисто сатанинского характера, потому что они стали служителями сатаны, спадшего с неба (Лк. 10:18) для того, чтобы сеять всех верных как пшеницу (Лк. 22:31). Ближайшим образом это относится к апостольским временам, когда именно асийские иудеи с демоническим неистовством предали св. Павла (Деян. 21:27 и сл.). Но так было и после, и до наших дней (с турецкою зверскою кровавою баней в самой Смирне),

пронизанных антихристианским коварством. Но Апокалиптик категорически заявляет, что разумеемые хульники были не истинные иудеи, хранители божественных заветов и обетований. Это – поправшие их отступники, хорошо организованные как συναγωγή τοῦ σατανᾶ (II, 9)⁴⁶ и с сатанинским фанатизмом осуществляющие свои антихристианские замыслы. Они заставят много терпеть исповедников Христовых, поскольку мотивируются исключительно дьяволом, который подвергает все общество физическим мукам (напр., тюремным заключениям) и длительным мучениям («дней на десять» – каковое число означает закругленный не краткий период времени; ср.: XIII, 12; XVIII, 3, 7, 12, 16). Тут вполне возможна преждевременная и даже насильственная смерть, но это будет великою победой христиански несокрушимого духа и потому обеспечивает для него вечную жизненность с избавлением от второй, после физической, смерти и, очевидно, духовной в конечном осуждении.

Все изложенное предполагает фактическое господство иудейского возбужденного терроризма, исторически несомненного для Малой Азии апостольской эпохи, но заповедывается с ним решительная борьба, как против сатанинского покушения. А раз на другой стороне истина, то и бесспорно ее торжество. Пример тому – Пергамская церковь (II, 12 и сл.), пред которой Господь выступает уже в качестве Божественного Судии того, что люди должны и могут делать во имя Христова, но идут в сторону любодейно-изменнического принятия зазорных религиозных обычаев, практически осуществляя усвоенные николаитские теории⁴⁷. В последних было и нечто языческо-распущенное, но в антихристианских интересах тогдашние фанатичные иудеи способны были на всякие языческие подделки и, например, всегда усердствовали в возбуждении языческих масс против христиан и доводили дело до кровавых катастроф⁴⁸, так что при мученичестве св. Поликарпа Смирнского (23 февраля 155 года), когда решено было его сжечь, всего скорее сбежались по обычаю иудеи с нужными материалами (τῶν ὀχλῶν παραχρῆμα συναγόντων ἔκ τε τῶν ἐργαστηρίων καὶ βαλανείων ξύλα, καὶ φρύγανα μάλιστα

ἰουδαίων προθύμως, ὡς ἔθος αὐτοῖς, εἰς ταῦτα ὑπουρχόνιον) на казнь этого апостольского и пророческого мужа, причем центурион выдал святителя на сожжение (θεὶς αὐτὸν, ἐν μέσῳ, ὡς ἔθος αὐτοῖς, ἔκασεν) по крайне яростному настоянию иудеев, которые вместе с язычниками вопили об «οἱ ἡμέτεροι θεοί», якобы это – «учитель христиан, разрушитель наших богов, учащий многих не приносить им жертвы и не поклоняться»⁴⁹. Подобные люди были готовы на все ради гибели ненавистных христиан.

В Пергаме находится «престол сатаны», который живет там, являясь организующим и заправляющим агентом⁵⁰. По сказанному о смирнских злословах надо думать, что разумеется именно «сборище сатанинское» ожесточенного псевдоиудаизма, но оно имело свой производящий и властвующий центр в Пергаме, где выковывались и повелительно проводились повсюду иудаистические противохристианские интриги⁵¹. Там находился царственный трон антихристианского владычества. Было страшно и опасно жить под мрачной его сенью, и тем не менее пергамские христиане, пребывая в такой угрожающей близости, продолжали свою христианскую активность в соответствующих делах, содержа непостыдно и открыто имя Христово и нимало не колеблясь в своей спасительной вере, даже в те кровавые дни, когда насильственно умерщвлен Антипа, доказавший мученичеством, что он – свидетель верный (II, 13): Αντίπας, ὁ μάρτυς μου ὁ πιστός до смерти (ср. II, 10 и XVII, 6), которая и была этим священным свидетельством⁵², сохраняясь в достохвальной чисте.

Пергамская церковь, однако, осквернилась в некоторых своих частях, где распространилась Валаамская искусительность к употреблению идоложертвенного и к любодейству. В буквальном смысле это едва ли допустимо, а было лишь нечто подобное в соблазне к религиозной измене, являвшейся истинным духовным любодейством⁵³ в отношении Церкви как τῇ παρθένῳ μητρί⁵⁴. Такую аналогичность и отмечает Апокалиптик (II, 15) выразительным сближением: «так как имеешь и ты держащихся учения Николаитов» – οὕτως εἷς καὶ σύ κρατοῦντας τὴν διδαχὴν τῶν Νικολαϊτῶν ὁμοίως. Фраза

неотразимо гласит, что в Пергаме последние действовали подобно древнему Валааму в отношении Израиля, а там совсем не было подлинных «Валаамитов», и такое раннее ниспадение в язычество, вообще не склонное облекаться в христианскую одежду ради пропаганды, совершенно немыслимо. Гораздо вернее, что находились лишь немногие (II, 14) валаамитские подражатели, а о них мы должны думать, что это были иудеохристиане или иудаиты, которые увлекали к валаамитскому соблазнительству φαυεῖν εἰδωλόθυτα καὶ πορνείᾳ⁵⁵, даже во имя якобы христианской свободы.

Такое предательство со стороны христиан недопустимо и грозит мечом Божественного отвержения. Всякий соблазняемый материальными благами, хотя бы в области питания (что несомненно для тогдашних малоазийцев и с беспредельной иудейской жестокостью было), должен помнить, что ему обеспечено небесное насыщение вроде того, как Израиль имел в пустыне манну. Колеблющихся искушали тем, что, принимая рекомендуемую практику, они получают и соответствующее предохраняющее прозвание вместо имени «христианин», которое было их отличием и ясным «вызывательством» для внешних, особенно для иудеев (но вначале вовсе не для иудеев). Новое имя для верных победителей будет из той же категории (напр.: «Сын Божий»), – чистым, как белый камешек, на котором писалось избираемое лицо, и одинаково сокровенным, известным получателю и не раздражающим никого другого самим своим названием, вроде исповеднического заявления: «χριστιανός (χριστιανή) εἰμί».

Значит, непозволительно ни малейшее отступление от принципа веры, любви поспешествуемой и реализуемой. Тем паче предосудительны и нетерпимы прямые уклонения аналогичного свойства, и они непременно навлекут праведный гнев *«Сына Божия, у Которого очи как пламень огненный и ноги подобны халколивану»*.

Эта истина несомненна по судьбе Фиатирской церкви (II, 18 и сл.). Последняя обладала высокими качествами дел любви в служении веры и неизбежного на земле страстотерпчества за нее. Даже больше того – она превзошла Ефесскую церковь, ибо

в нормальном христианском развитии возросла своими делами по сравнению с первоначальными стадиями. И, однако, здесь тоже оказалось нечто зазорное и пагубное. Фиатирцы попускали «жене *Иезавели*», называвшей себя пророчицею, и учить, и вводить христиан в заблуждение, любодействовать и есть идоложертвенное. Ввиду ее нераскаянности Господь повергает ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь и угрожает поразить детей ее смертью. Изображение это столь наглядно, что некоторые из ученых видят в фиатирской соблазнительнице действительное историческое лицо, иногда предполагая в ней даже жену фиатирского епископа⁵⁶. Как ни увлекательно для реалистических комментаторов это толкование, оно весьма сомнительно по самой неопределенности и неясности апокалиптического описания, которое тогда потребовало бы просто сурового осуждения фиатирского предстоятеля или его полного отвержения. Библейская Иезавель была язычницей и яростно работала в пользу язычества, между тем о фиатирской соименнице говорится, что она соблазняла на вкушение идоложертвенного, подобно пергамским смутьянам. Очевидно, и эта Иезавель была сходна с ними и являлась николаитскою сектанткой с язычествующими тенденциями⁵⁷, обольщая фиатирцев и привлекая некоторых из них (II, 23) в свои сети с энергией жены Ахавовой, которая вовсе не ограничивалась обходными путями приобщения израильтян к язычеству чрез ядение идольских жертв. Фиатирская Иезавель (подобно пергамским Валаамитам) только по методу жестокой настойчивости напоминала свою библейскую одноименницу и буйствовала в своем родственном кругу. Отсюда в немалой степени вероятно, что это была иудейская лжепророчица (II, 20, ср. II, 9) с либертинической пропагандой⁵⁸. Подтверждение сему мы усматриваем в том, что ее противники не держали Иезавелина учения и не разумели так называемых «*глубин сатанинских*» (II, 24), какими несомненно означаются иудейские доктрины и аккомодации, но только примененные здесь для непотребной иезавелитской практики⁵⁹. В Смирне и Пергаме они распространялись среди христиан в своем непосредственном виде, но в Фиатирах был сделан

дальнейший роковой шаг, хотя, кажется, пока не (много) дальше участия в языческих жертвенных трапезах⁶⁰. Прежняя соблазнительность была облечена в форму обоснованного учения, находившего преданных служителей (II, 23), и такое убеждение покоилось на том, что провозглашаемая доктрина находится в полном согласии с иудейскими предпосылками, ибо партизаны обладают всецелым иудейским видением и точно знают все «сатанинские глубины» высшего иудейского созерцания – по противоположности с истинными τὰ βᾶθη τοῦ θεοῦ (1Кор. 2:10). Но нужно принять, что теперь произошел сильный уклон в языческую сторону. Измена христианству в пользу иудейского сектантства, естественно, располагала верующих к некоторому религиозному индифферентизму, особенно когда она допускалась ради материальных интересов и при насилиях подобного характера. Безразличность постепенно переходила к предпочтению конкретно лучшего в этом смысле и разрешалась языческим либертинизмом, где в тогдешнее время всякая распущенность покрывалась религиозным освящением (как потом у гностиков). И подобное понимание может опираться на то замечание у Апокалиптика, что христианскому победителю обещается крепкая сокрушительная власть над язычниками (II, 26). Очевидно, что к последним поклонники пророчицы уже раньше имели касательство, но оно связывалось лишь с предосудительными и гибельными языческими крайностями, а истинный успех в этой области лежит там, где исповедники Господни имеют «звезду утреннюю»⁶¹ (II, 28), сияющего дня света Христова (XXII, 16).

Конечным выводом всех наблюдений является та истина, что деятельная равными плодами любовь веры Христовой не терпит иудаистических приражений и падений и решительно устраняет всякие языческие примеси. Для каждого христианина должен повелительно звучать единственный призыв: буди верен первой любви до смерти! Иначе постигнет крайнее омертвление духовного организма, загрязнение его и смерть. Печальную иллюстрацию сего дает Сардикийская церковь (III, 1 и сл.), которую обличает Великий Судия, обладающий всей

Божественной полнотой и хранящий в деснице всю вселенскую Церковь.

Сарды утешались обманчивым сознанием, что они носят животворное имя – конечно, христианского населения, – но под ними совсем не было адекватного содержания, и потому инертная отвлеченная номенклатура скрывала реальную безжизненность. Это в принципиальном смысле бесспорно, но в Сардах и фактически совершилось столь активное приближение к смерти, что им грозил неожиданный конечный приговор, если они не будут бдительны в сохранении полученного залога и в осуществлении его тождественною практикою. Но это лишь гипотетическая возможность, спасительная потому, что (подобно обещанному для Содома и Гоморры: Быт. 18:26 и сл.) в Сардах есть несколько людей, не осквернивших одежд своих, а все другие, очевидно, осквернили их.

Данное преступление может находиться в связи с либертинистической разнузданностью и частью даже выражается в ней, но обетование белых одежд категорически говорит о духовной чистоте и светлости немногих сардийцев. Этим необходимо внушается, что и там в большинстве было духовное помрачение, повлекшее за собой *«скверну плоти и духа»* (2Кор. 7:1). Причина тому – в отсутствии бодрствования, когда духовная спячка вызывает замирание жизненных функций и сопровождается ослаблением их и фактической бездеятельностью. Принятый дар веры от живительного Первоисточника Божественного с сохранением лишь мертвого теоретического ведения, при котором *(и бесы веруют и трепещут: Иак. 2:12)*, естественно, подобная бесовская настроенность открывает простор для бесовских влияний, и потому *«иссякание любви многих»* (Мф. 24:12) называется у Господа одним из предварений последних времен и пришествия антихриста.

Отсюда – догматически моральный завет: быть всегда бодрственными в исполнении нормы данного нами залога во всем житейском исповедании, не допуская ни идейных, ни практических aberrаций. Трудно это в земном мире всяких соблазнов, но Бог не попускает искушений сверх сил наших, а

открывает им и удобный выход (1Кор. 10:13) для немощи нашей (2Кор. 12:9–10). Посему христианское торжество чистой верности всегда доступно нам и ярко подтверждается судьбой Филадельфийской церкви (III, 7 и сл.), пред которою Господь является в качестве владетеля ключа Давидова, отворяющего и запирающего входы в обетованный «дом» (Ис. 22:22) Его мессиански-духовного царства (Мф. 16:19). Это зависит в конце концов от единой воли Божией, но для пользования ею необходимо и личное усердие по нашему состоянию. Вот Филадельфийская церковь, внешне совсем маломощная, а все-таки оказалась достойной благословенного восхождения, ибо сохранила слово учения своего Искупителя, никогда не отрекалась от Имени Его, но всегда и явно исповедовала себя Христовой. Посему победная сила Господня совершается в немощи ее (2Кор. 12:9), несмотря на жестокий напор грубо торжествующих врагов. Их – целая рать, образующая сплоченное «сборище», однако последнее есть сатанинский союз антихристианского лживого иудейства, ибо и появилось оно в язычески эллинизированной Антиохии (Деян. 11:26), которое непременно должно погибнуть от собственной внутренней неправды и покорно поклониться носителям и исповедникам благодатной силы. Никто не вправе отговариваться своею слабостью, т.к. для всех одинаково открыта вседейственная благодать Христова по мере усердия и восприимлемости каждого. Правда, пока этим создаются такие жизненные условия, что потребно тягостное терпение по заповеди и примеру Христову, но тем выше и совершеннее подобный исповеднический успех, обеспечивающий непоколебимую устойчивость христианского процветания.

Значит, сколь легко падение, постепенно увлекающее в бездну гибели, столь же возможно и возрастание, ибо тут нужно только следование слову Господню: *«Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего»* (III, 11), памятуя о вознесении смиренных (Лк. 1:52), которые теперешними незаслуженными страданиями закаляются против грядущих повсеместных искушений, усиливающих и расширяющихся до вселенского объема, соответственно всемирному возобладанию

христианства. В этом смысле христианское исповедничество смиренной преданности является постоянным столпом храма Божия и носит звание Того, Кому он посвящен в высшем гражданстве нового имени Христа как воскресшего, торжествующего и царствующего Икупителя.

В двух последних письмах мы видели две конечные крайности – полного омертвления и неисчерпываемой жизненности. Перед этими противоположностями недопустимо апатическое безразличие, поскольку фактически нет и теоретически немыслимо нечто третье и среднее, примиряющее между двумя отрицаниями. Необходим решительный выбор со всецелым поворотом туда или сюда, а иначе – при убийственных колебаниях будет все потеряно; между тем желательно лишь творческое созидание согласно живительной истине Христовой.

Эту печальную фатальность устрашающе открывает нам следующая Лаодикийская церковь (III, 14 и сл.), которой теперь говорит непреклонный по Своему существу Свидетель Достоверный, по непосредственному наблюдению и соответствию объективной истине, созерцавший все бываемое с самого его начала, как Первовиновник создания Божия. И вот Он провозглашает, что лаодикиец ни холоден, ни горяч, – лишен типической определенности, поскольку и сам совсем не определился, а беспомощно и пассивно качается на обе стороны, куда в данный момент клонит его стихийное веяние обманчивого увлечения. Это – как бы противная на вкус тепловатая вода, чаще всего вызывающая тошноту и извержение. Подобным было и религиозно-моральное умонастроение лаодикийцев. Они стали богатыми, потому что разбогатели и ни в чем не нуждаются. По внешности бесспорно, но относится исключительно к материальной обеспеченности, которая приобретает свою важность лишь от своей духовной основы, а в этой связи является соблазнительной мишурой. Поэтому и лаодикийское богатство скрывало жалкое несчастье духовной нищеты и ослепления касательно ее наличности у них. Нужно то единственное богатство, какое приобретает только у Бога и представляет чистое пробное золото благодатных даров,

доставляет духовное одеяние белоснежной чистоты, устраняющей видение даже обнаженной наготы и избавляет человека от болезненной слепоты неослабной зрительностью. Лаодикиец не отрекся от всего этого прямо и ясно, но питает к сему холодное безразличие, и Господь обличает и предупреждает, как любящий отец, не теряющий даже последней надежды. Надо услышать и всем сердцем воспринять призывной голос к водворению и жизненному общению со своим Спасителем в Его обителях, когда христианин естественно победит и воцарится вместе с воссевшим при Отце Господом-Искупителем. Это благосостояние требует неослабного применения, в озарении коего теряются все житейские шероховатости и люди будут белыми, т.е. избранными наследниками по «книге жизни», засвидетельствованными Сыном у Отца Своего и пред Ангелами – зрителями спасительного искупления.

Здесь венец и конец всего изображения, потому что дальше следует непрерывное бесконечное пребывание в царстве Божиим. Обеспеченное и устойчивое продолжение гарантируется и освещается своим предварением и потому не требует детального описания. Понятно, что апокалиптическая эпистолография прекращается, а мы должны собрать воедино и идейно выразить все ее содержание. Там предначертывается судьба Церкви Божией в ее историческом течении и небесном завершении. Но первое уже предрешает собою второе, если они совпадают между собой как благое начинание и блаженное достижение. С этой стороны особенно опасным бывает средний период, когда возможны всякие отклонения от нормального направления на разные распутия. Подобные колебания способны погубить весь успех, и потому естественно, что Тайнозритель сосредоточивается на этом моменте как роковом для всего движения, где обычный ход должен идти с указанною выше регулярностью и не допускает ни потрясений, ни катастроф.

В данном случае такую соблазняющей и разрушительной для христианства силой называется Николаитская секта (II, 6), которая параллелизирует с древним искусителем Валаамом (II,

15, ср. Числ. 31:16), но только он действует теперь среди христиан и увлекает их в свои сети религиозно-моральной распущенности. Из других сближений и намеков следует, что подобная пропаганда процветает в области сатаны (II, 13), а его «сборище сатанинское», с верховодством дьявола (II, 10), было иудейское по происхождению и составу (II, 9) и исповедовало таинственное учение с сокровенными сатанинскими глубинами (II, 24) в *arcane hæreticæ*⁶², оправдывавшими всякие непотребства у гностиков⁶³. Николаитство было, видимо, иудейской генеалогии, хотя в извращенных отпрысках, как некоторыми принимается это и для их антиподов – колосских фанатиков. Поэтому я считаю совсем необоснованным возведение апокалиптических николаитов к соvrращенному ими⁶⁴ диакону Николаю⁶⁵, ибо несомненно, что он был прозелит (Деян. 6:5), т.е. человек языческого рода, перешедший к христианству от воспринятого иудейства, которое у него не могло иметь и не заключало сатанинского устремления и фактически было благоприятной пропедевтикой к христианскому просвещению. А в апостольские времена, разумеется, было много Николаев из чистых евреев, хотя бы через греческое перезвукование имени «Валаам»⁶⁶. Этого не разрушает окончательно и скрупулезная филология, поскольку ею ничуть и нигде не определялась вся ономотологическая игра с разноразличными обозначениями одного субъекта.

Сначала эта организованная иудейская интрига⁶⁷ проникла в Малую Азию извне в виде легатов-посланников, вероятно из Иерусалима, хорошо знавших фанатические настроения тамошнего иудейства, но когда она была разоблачена в своем лжеапостольстве, то уже успела оставить свое злое наследие в николаитстве. Нет основания существенно отличать их, судя по отношениям к ним ефесян и Тайнозрителя⁶⁸.

Эти пришельцы постарались поколебать основные устои в активной и животворной любви Христовой и путем жестоких внешних стеснений вызвать у верующих изменнические настроения языческого характера во имя Павловой свободы и под покровом Иоаннова всепрощения. Это достаточно соответствует течению христианской истории, где иудейское

коварство связывалось с языческими примешениями и увлечениями, даже проникало их с антихристианской намеренностью. Но во всех этих видах и формах подобное вражеское нападение победимо благодатной верностью при малых человеческих силах и должно быть разрушено всесовершенно, ибо иначе предстоит поражение христианства, как внешне был умерщвлен Христос. Неясно тут до непосредственной очевидности повсюдное участие иудейства, но оно было «началом создания» всего антихристианства и во все века, для всяких комбинаций, являлось творцом его, соучастником, распространителем и патроном.

Отсюда видим, что иудейско-демонические покушения продолжаются напряженно за все историческое течение христианства. Для него все это обуревание вовсе не абсолютно и должно быть подавляемо человеческим усердием при помощи благодати Божией, а она заключается в живой вере и в деятельной любви, когда вера поспешествуется и достигает совершенства делами (Иак. 2:22), почему Господь и во всех Асийских церквах прежде исследует их дела (II, 2, 9, 13, 19; III, 2, 8, 15) как обязательные для истинно христианской жизни и ее правильного исторического развития.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВИДЕНИЯ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗЕМНОЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ПО ПУТИ К ЦАРСТВУ СЛАВЫ

(глава IV)

Таково принципиальное идейное содержание малоазийских писем апокалиптического Откровения, которое дальше должно показать фактическое осуществление нормативных начал в будущих судьбах Церкви.

Эту именно задачу и исполняет вторая часть Апокалипсиса, которая в ярких видениях и живых картинах потрясающего свойства представляет нам исторический ход Церкви Христовой по пути к Царству Славы. Но если там теоретическое учение раскрывалось постепенно с разных сторон, то, тем более, здесь ожидается длительное созерцание, поскольку образы всегда дольше слова и выражают мысль действием на чувства гораздо медленнее и сложнее. Этим обуславливается состав и характер второго, наибольшего, апокалиптического отдела. Здесь мы входим в область собственно таинственных видений и небесных откровений. Естественно, что тут и понимание, и разъяснение гораздо труднее, иногда же они для нас совсем невозможны⁶⁹. Если апокалиптические послания содержат знакомые имена и общепринятые речения, то в описании созерцаний ходячие названия являются скорее символическими обозначениями, а слова чаще констатируют невероятные вещи и описывают их в непостижимых чертах; видения же получают прямо странный, невообразимый характер, ибо в них воспринимаемые образы должны передавать или внушать нечто недоступное и неприступное по неведомой отдаленности и по божественной выпренности, вмещающая невместимое. В целом это создает впечатление некоторой хаотичности⁷⁰, но так необходимо по самому существу предметов и задачи во всех подобных случаях.⁷¹ В посланиях мы имеем достаточно данных для более или менее конкретного понимания и истолкования, а для апокалиптических созерцаний ничего такого нет даже в самой малой степени. Отсюда самый ближайший вывод будет тот, что апокалиптические картины эссенциально типичны, но не суть

реалистические репродукции, и не вняты непосредственно в силу своих небесных соотношений, лишенных исторически фактической аналогичности. Тайнозритель разделяет тут судьбу всякого литературного типа, который никогда не бывает ни единоличной фотографией, ни механическим воспроизведением общего содержания во многих людях; поскольку первое лишено всякой художественной принципиальности, второе теряет самое главное типическое свойство в живой индивидуальности, которая творчески отображает все единицы взятой категории, не сливаясь ни с одной из них, почему сам автор, в большинстве, не может указать подлинных субъектов, послуживших к созданию типического изображения, как вошедших в него частичными элементами.⁷² Тем более все это неизбежно до преобладающей степени при пластическом живописании сцен и лиц, захватывающих мировые события и исключительные личности. Однако этим нимало не предполагается, что таковые – лишь субъективные создания, чуждые обязательной важности сверх ограниченной авторской значимости. Вот здесь и оказывается особенно плодотворной идея боговдохновенности священных библейских писаний. Апокалиптические созерцания представляют высшее воспарение человеческого духа в надмирные области, когда несуществующее или будущее рисуется для нашего сознания вполне реальным или даже отчетливо наблюдаемым, – а это есть сфера действия чисто Божественного творчества. Посему именно тут наиболее близко соприкосновение человеческого с Божественным и натурально соприкосновение первого с последним настолько, что человеческое приносит очищенный от всего случайного материал со священной жадой его окончательного преобразования; а Божественное сообщает ему непреходящую силу повсюдной и всецелой самодостаточности. В этом состоит и боговдохновенность Апокалипсиса, определяющая наше экзегетическое отношение к нему.

Фактический его багаж не дает чего-либо исторически-реального в нашем земном бытии, но предполагает лишь некоторые точки опоры для нашего духовного парения и, следовательно, не заключает реальных исторических оснований

и объяснений, каких ищут все до последних дней. С другой стороны, и вся возможная реальность, уже лишенная своей конкретности в человеческой типичности, преобразилась чрез Божественное претворение в принципиальный руководящий символ, в свете его приобретает свое истинное значение и лишь в нем должна быть понимаема и воспринимается. Посему правильное, объективное истолкование Апокалипсиса, соответствующее самой природе предмета Откровения, представляется принципиально-символическим⁷³ даже и в тех местах, где многие допускают отражение живой истории своего времени.

Это простирается на все дальнейшее содержание после апокалиптических писем. В послании обрисовываются перед нами основы и формы настоящего, утверждающегося христианского бытия, которое в историческом течении должно стремиться к своему окончательному увенчанию в царстве Бога и Отца. Этим нормально определяются две части, из коих одна изображает земную историю христианства в борьбе за свое победное величие (IV-XIX, 10), а вторая описывает окончательное его торжество в славе всесовершенного господства и вечного блаженства (XIX, 11-XXII, 21). Все здесь сосредоточивается на том, чтобы пришедший и основавший Свою Церковь Христос постепенно воплотился повсюду и на веки воссиял со Своими братьями у Отца Своего. При этом и Сам Господь должен был непрерывно воинствовать во имя добра против всякого зла, утвердившегося во вселенной, и уничтожал его принципиально. Дальше требовалось достигнуть возобладания благодатно-спасительных стихий во всех людях и во всем мире и через это обеспечить последний триумф. На всех стадиях предначертывается постоянная и неослабная брань. И если у Самого Христа Спасителя она сопровождалась многими осложнениями и переплетениями, то в человечестве необходимо предполагаются чрезвычайно запутанные комбинации со всевозможными колебаниями, восхождениями и падениями, временными перемириями и новыми взрывами. Понятно, что все это должно соответственно сказываться и на самом изображении, которое в каждой части может слагаться из

нескольких эпизодов, особенно обильных за период воинствующей Церкви. Движение вперед выясняется в целостной картине, где в частностях вполне мыслимы не только перерывы и потрясения, но и измены и отпадения. Связь всех отдельных моментов определяется не прямой последовательной прогрессией, а внутренним соотношением главенствующих символов.

В этом именно духе должна по преимуществу разъясняться первая часть видений, рисующая нам земную историю христианства во всей его многочастности и в фактическом многообразии; однако при этом утверждая полное единство Первовиновника и Совершителя судеб Божиих о мире (гл. VI).

Отселе начинаются истинные видения, и – в качестве предварения – Тайнозритель естественно описывает, где и как он имел свои созерцания, и какой был для них высший первоисточник, обязательный и для всех дальнейших картин, для которых здесь даются авторитетные небесные предпосылки (IV, 1–1).

Занятый своим поручением относительно семи Асийских церквей, Апокалиптик только теперь, по окончании своей работы, взглянул вверх и увидел дверь, отверстую на небе, а прежний голос (I, 10) пригласил его подняться туда «духом», чтобы видеть от него, чему надлежит быть потом в историческом течении Церкви Божией. Там восседал Некто блистательный в сияющей радуге, а кругом на двадцати четырех престолах сидели 24 старца в белых одеждах и с золотыми венцами на головах; от престола Божия неслись молнии, и громы, и гласы среди горевших перед Ним семи светильников, которые были семь духов Божиих. Объединение 24-х лиц, по своему возрасту, белизне одеяний с драгоценными победными венцами, являющихся санкционированными носителями моральной чистоты и совершенной святости, относится к полноте Церкви Божией (ср.: XI, 16), включающей в себе и истинных Израильян, и верных язычников (Мф. 19:28; Лк. 22:30), как семь светильников-духов означают законченную силу Божию в Духе Святом. Понятно, что такое седалище Преславного Бога внушало трепет всем созерцающим, будучи

источником карающих, предупреждающих и внушающих велений Божиих, почему Господа Вседержителя непрестанно и славословит вся возрожденная (Рим. 8:19–23) живая тварь, которая и в гордой силе, и в смиренной жертвенности, и в человекообразной разумности стремится, подобно орлу, воспарить ко Всевышнему и Вечному Владыке, а перед Ним преклоняются в своем величии и все старцы Церкви Господней, ибо Он – виновник всякого бытия и нормальный управитель и законный судья Своего творения.

В таком именно Божественном достоинстве единственного первоисточника-руководителя всего созданного и вершителя его принимается и провозглашается Бог всеми и повсюду во всей вселенной. С этим необходимо связывается одинаково всеобщее признание, что в Его руках находится вся судьба мира и человечества.

КАК ПРЕДРЕШАЕТСЯ И ЧЕМ РЕГУЛИРУЕТСЯ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

(глава V)

Это – своего рода книга Завета Божия (V, 1 и сл.), изображаемая, по-видимому, в форме листов кодекса, исписанных на обеих сторонах – внутри и отвне – и запечатанных вместе семью печатями, подобно всем человеческим текстаментарным документам⁷⁴. Но здесь дело касается всей мировой истории после засвидетельствования ею вседержавности Божией, неотразимой для всех и навсегда, а такое всемирное исповедание было создано и обеспечено духовным торжеством в учреждении подобной и спасительной Церкви Господней, поскольку у Бога всякое обетование о творении Своем могло регулировать и гарантировать ему блаженное сопребывание со своим Создателем. Неудивительно, что, несмотря на громкие воззвания Ангела сильного, никто из сотворенных нигде не оказался в состоянии раскрыть книгу и посмотреть в нее, ибо Божественное деяние допускало лишь Божественное соучастие, которое в Ветхом Завете принадлежало колену Иудину. Натурально, что на него же должно было падать и завершение, которое продолжало ветхозаветное промысление и создавало ему новую эру, для чего и является царственный носитель Иудиной службы и Давидовой власти. Но если прежде человечеству не хватало достойной чистоты для восприятия Божией благодати, то теперь, очевидно, требовалось всецелое очищение для каждой личности по всему миру, когда все люди, соединяясь с Богом чрез Христа, приобретали духовное царственное превосходство, поскольку и доколе они оставались преданными служителями Божиими, как бы призванными иереями Всевышнего. Ясно, что этим описывается не должностное служение верующих в Церкви, а их новое положение через Церковь, которое по самому существу есть общество духовно-царственных читателей Божиих на земле. Это торжественно и благоговейно признает вся Церковь, вознося к Богу благодарные

молитвы святых своих сочленов, и – соответственно новым условиям – воспекает новую песнь Христу как Божественному Избавителю и Устроителю благодатных судеб Царства Божия на земле. В этой гармонии слились голоса всей твари небесной, земной, подземной и морской, удостоверяя, что Бог есть Владыка всех веков, а Его Агнец является созидателем и распространителем спасающего верховенства Божия во вселенной.

Итак: все от Бога через Христа, достойного воспринять книгу мировых судеб (V, 9, 12) по единству Его с Живущим во веки веков (V, 13). При таком положении вполне несомненно, что задачей мирового развития могло быть только полное возобладание благодатно-спасительного добра, но в нашем мире, среди ограниченных существ, все это совершается с медленной и колеблющейся постепенностью и достигается лишь преодолением и устранением зла в постоянной всесторонней борьбе с ним во всех областях и на всех жизненных путях. Принципиальное должно стать индивидуальным во всех личностях и через них сделаться универсальным во всем нашем космосе, который ради сего подлежит всецелому перерождению во всем своем составе. Для этого необходимо, чтобы самый спасительный принцип был бесспорен в своей абсолютной силе, несмотря на все яростные обуревания, которые и показывают нам – видения семи печатей.

ВИДЕНИЯ СЕМИ ПЕЧАТЕЙ

(главы VI-VIII)

По снятии Агнцем первой печати (VI, 1–2) одно из четырех животных, как представитель властной державности в среде мировых стихий, предлагает Тайнозрителю взглянуть, что вот вышел конь белый, символизирующий своим цветом чистоту и святость мировых начал, заправляющих движением спасительных действий искупления Божия. А сидящий на коне всадник с луком является уже с венцом победителя, который вышел, чтобы непременно победить.

Но вторая печать (VI, 3–4), после которой приглашает посмотреть второе животное, олицетворяющее смиренную покорность, обнаруживает, что окончательный результат утверждается не столь скоро и просто. Теперь выходит конь рыжий, знаменующий бурное кипение страстей человеческих и хаотическое столкновение естественных космических элементов. Неизбежно, что при господстве их не может быть ни порядка, ни мира, а, напротив, вполне неизбежно взаимное истребление людей всякими губительными способами, в знак чего сидящий получает большой меч. Но смуты в человеческом обществе сопровождаются потрясениями в области жизненных условий, обеспечивающих человеческое существование в его разумном течении, которое гарантируется человеческой интеллигентностью.

За третьей печатью (VI, 5–6) выступает конь вороной, предвещающий жестокое наступление черных дней, когда последует крайнее обесценение всех питательных продуктов, грозящее их полным исчезновением (как в новейшие времена обильные урожаи чего-либо нужного для людей влекли за собой не общедоступность таковых для народа, а варварское истребление излишков для поддержания высоких цен), и людям придется спасать себя сбереженными запасами елей и вина. Несомненно, без надлежащего питания это было бы лишь временным обманом, едва-едва охраняющим гаснущую

лампаду истерзанной жизни, которая неудержимо клонится к своему печальному концу.

Посему после четвертой печати (VI, 7–8) показывается истощенный бледный конь и на нем всадник, несущий смерть, за чем идет уже ад всяческих мучений, поскольку над четвертой частью земли смертоносный всадник получит власть умерщвлять мечом войн и наступающими за ними голодом, мором и освирепевшими от ненасытности зверьми. Значит, растревожены и потрясены все стихии земные, возмущенные человеческим злом, которое, разрастаясь постепенно, всюду создает анархическую смуту гибели и разрушения. Если при этом погибают участники столь страшной трагедии, то тем более страдают и терпят те, над головами коих она с дикой стремительностью разыгрывается в своей бешеной ярости. Тогда неизбежно должны мучиться, бедствовать и пропадать все, чуждые господствующему злу, ибо последнее и прямо будет обрушиваться на них, чтобы очистить себе кровавую дорогу к конечной цели.

Поэтому за пятой печатью (VI, 9–11) представляются под небесным жертвенником молитвенных курений (ср. V, 8) души умерших за возвешение слова Божия и за неизменную верность ему даже до смерти, которая их и фактически постигла. Понятно с их стороны глубочайшее возмущение тиранической неправдой нечестивого беснования. Но хотя их вопли естественны и законны по отношению к абсолютному Владыке, Носителю всецелой святости и безусловного соответствия подлинной истины, все же ход событий не может радикально измениться, пока продолжается существующее соотношение взаимно противоположных сил. Чтобы создать другую ситуацию, необходимо для страждущих прежнее подчинение, дабы торжествующая стихия развилась до полной абсурдности и лишилась всякой опоры для своего дальнейшего бытия: тут чем больше реальных жертв, тем меньше онтологических оснований, которые исчезают в усиленной прогрессии, если одна частная неправда необходимо подрывает все право, позволяющее ее. Этой пропорциональностью определяются «число» и краткость жертвенного процесса до его завершения.

Но именно пред своим падением обреченная энергия развивает особенно решительное напряжение сколько в проявлении свойственной злостности, столько и в целях собственного самосохранения, а в итоге сего бывают самые крайние пертурбации.

Так и было после шестой печати (VI, 12–17), когда жестоко потряслась вся земля, исчез весь небесный свет и во мраке скрылось небо, свернувшись, как свиток книжный (ср. Ис. 34:4), а на земле сдвинулись со своих мест горы и острова, люди же всех званий и состояний постарались спрятаться в пещеры и ущелья от непреодолимого ужаса, желая лишь скорейшего испарения своего ввиду обрушившегося гнева Божия, пред которым никто эссенциально не может устоять. По-видимому, теперь должно уничтожиться все бытие, ибо природа испортилась для каких-либо функций и человечество уже само и всецело жаждало только смерти.

Этим обязательно предполагается последний конец, и потому требовалось специальное разъяснение касательно дальнейшей истории осужденного космоса. Но раньше отмечалось лишь человеческое ничтожество пред Сидящим на престоле, а гнев принадлежал собственно Агнцу (VI, 16), хотя и при единстве Его со Владыкою всяческих (VI, 17: ἡ ἡμέρα ἡ μευάλη τῆς ὀρυῖς αὐτοῦ).

Бесспорно отсюда, что пока дело идет не столько о самом существенном, сколько о его извращенной ненормальности в отношении благодатно дарованного Икупителем спасения. Можно ли этот погибающий строй исправить и избавить от крушения? А если нельзя, то не будет ли подобный крах свидетельствовать о бессилии Божественного Агнца и Его икупительного подвига?

Ясно, что тут вовсе не перерыв в течении небесных откровений или неуместная, механическая вставка из другого источника, а необходимый элемент в поступательном движении универсальной мировой драмы. Она не прекращается, – но почему? Это мы и усматриваем в промежуточном видении (VII, 1), охватывающем весь мир, на четырех углах которого стражами стоят четыре Ангела, обладающие запорами

живительных для земных стихий веяний. Так было непосредственно по выяснении неизбежности космического уничтожения, убеждая, что последнее пока преграждается высшими силами, получающими охранительные миссии. Следовательно, для земного течения должны быть спасительные небесные цели. Об этом и возвещает другой – по сравнению с четырьмя – Ангел, который восходит от центра вечного света и имеет печать Бога Живого, Виновника, Источника и Блюстителя жизни, дабы пользоваться ею для запечатления принадлежащих вечному Владыке. Этим удостоверялось, что мир имеет достойных спасителей в лице ста сорока тысяч сынов Израилевых (по двенадцати тысяч от каждого колена. VII, 4). Затем и перечисляются все они, за исключением колена Данова, – чему придавалось специальное символическое значение по связи с иудейско-христианскими верованиями о возобладании там идолослужения и происхождении оттуда антихриста⁷⁵. Но раз прямо сказано ἐκ πάσης φυλῆς υἱὸν ἰσραήλ (VII, 4), то, несомненно, никакого фактического пропуска нет, а Дан не назван ввиду особого выделения Левия, для выражения того, что наряду со священством участвует и левитство, как все остальные племена. Раз это вызвало выделение, то необходимо и параллельное ему включение для Дана, например, в имени Завулону. Во всяком случае, такое умолчание гораздо вероятнее без всяких скрытых тенденций, которые тут не были бы заметны и понятны. Берется равное число запечатленных для всех колен, из коих каждое заключает всю их богоугодную полноту, ибо цифра 12 000 объемлет всю совокупность двенадцати израильских колен, а тысяча знаменует законченное совершенство, например, в тысячелетнем царстве Христовом, за этот срок достигающем положенного завершения.

Значит, берется в своем истинном существе весь Израиль, во всех богоизбранных его сынах. Но кто он реально? Исчисление производится ввиду гнева Агнца, для смягчения чего потребны прежде всего достойные Его приверженцы, а таковыми могли быть, конечно, лишь христиане из евреев в своей преобладающей отличительности, как и обращенные

язычники, образующие нового Израиля Божия (Гал. 6:16). Неудивительно, что это понимание – в смысле уверовавших израильтян – является и распространенным, и доминирующим. Но раньше (VI, 9–10) назывались мученики-христиане и предызбранные их сопутники, которых незачем было запечатлевать печатью, раз они запечатлены кровью и увенчаны в своей исповеднической чистоте. С другой стороны, после исчисления достойных израильтян, особо упоминается великое, необозримое множество людей из всех племен, колен и народов, и языков пред Престолом и пред Агнцем, тоже в белых одеждах христианской святости и с победными ветвями в руках. О них нигде не упоминается, что они где-либо и как-нибудь запечатлевались, почему это и не вышереченные израелиты, а исключительно лишь верующие и преимущественно язычники, каковыми будут и вопиявшие об отмщении мученики (VI, 9–11). Никто из всех этих классов уже не нуждался в запечатлении, которое – в качестве предохранительного и спасительного средства, было пригодно единственно для тех, кто иначе подлежал бы общей для всего состава гибели. В предыдущем назывались только две категории: мученики-христиане и мучители-нехристи; поскольку в первых вырисовывалось отчетливо множество людей внеиудейского общества, то ясно, что ко второму разряду принадлежали именно израелиты.

В этом и принципиально страшная беда мировой трагедии, что богоизбранный некогда народ яростно и неуклонно пошел против богопризванного и христиански-возвеличенного язычества из-за своего богоизбрания, т.е. во имя Господа Бога, не признавая Его соприсутствие на другой стороне. Отсюда неизбежно и понятно, что эта борьба представляется догматически-принципиальной и функционирующей независимо от всяких внешних условий дурного или доброго свойства. Она могла бы исчезнуть лишь в том случае, если бы иудейство стало христианским или христианство возвратилось бы в свое язычество, сделавшись потом религиозным безбожничеством и истребимым рабом еврейства. Но ни тогда, ни теперь не обнаруживалось ни малейших предрасположений ко всеобщему иудейскому обращению, равно и христианство всегда веровало

в свое повсюдное возобладание. Посему тут нимало не помогли случайные приятельства и временные сближения, ибо вопрос затрагивал эссенциальные глубины иудейства и христианства, из коих одно не хотело, а другое не могло быть чем-либо другим. Война велась за самое исповедание, исчерпывавшее все духовное бытие, и приобретала характер священной необходимости, [обязательной для обеих партий; и если для христиан присутствует один вековечный принцип свободного привлечения своих] (смысл текста восстановлен, так как в подлиннике допущены пропуски слов и перестановки строк. – Ред.) противников, то для иудейства абсолютно требовалось всецелое их порабощение с совершенным испарением простой христианской независимости. Такова жизненная природа борющихся величин, непременно сказывающаяся соответственным образом во всех исторических взаимоотношениях, которые не могут изменяться, а отсюда и неугасимая вечная вражда иудейства: оно с самых первых времен христианства упорно отрицает Христа, даже не называет Его по имени (Деян. 4:17, 5:28), несмотря на призывные христианские приглашения. Здесь – корень и двигатель апокалиптической борьбы, как это проглядывается через всю мировую историю поныне, чрез разные обманчивые прикрытия. Но не ужасна ли эта потрясающая тайна, что богоизбранные гонят Возлюбленного Божия? Правда, исповедники и даже фанатики своего мессианизма распяли истинного Мессию, однако почему это не просто роковая печальная беда, а всегдашняя норма? Перед этим мучительным недоумением своей веры невольно останавливается христианская мысль, ища или ожидая высшей разгадки. Но нечто подобное уже было во дни пророка Ильи, когда казалось, что он остался один, а весь Израиль погиб духовно. Тем не менее, вопреки наружной фактической очевидности, обнаружилось, что сохранилось еще семь тысяч не преклонивших колен своих перед Ваалом (3Цар. 19:14, 18), откуда было несомненно, что не отверг Бог народа Своего, почему и обо всем последующем мы должны рассуждать, что там всегда соблюдается здоровый и живительный остаток, гарантирующий, что, в конце концов, так

спасется истинный Израиль (Рим. 11:2, 5, 26). Но в отношении благовестия иудеи остаются врагами христиан⁷⁶ ради возрастания в них евангельского спасения (Рим. 11:28), с отрицанием всего националистического и фанатического воззрения в позднейшем его развитии. И если все такое мы видим в апокалиптическом изображении, то должны согласиться, что в нем разумеется неверующее и воинствующее иудейство. Оно непрерывно подкапывает и взрывает всю мировую историю. По Апокалипсису последняя должна быть всецело христианской, а фактически выходило, что она постоянно разрушается и тиранически заменяется победоносно-иудейской. Но и тут повторяется бывшее при Илии, что во всем Израиле, как в многовековой каменной пирамиде, всегда пребывает некое живительное зерно его духовного обращения. В виде сего, все мировые катастрофы являются только неизбежными осложнениями, которые обостряются противниками, именно, по неугасимому предчувствию несомненного верховного возобладания христианства. Залогом столь славного будущего и служат запечатленные истинные израильтяне; в них заключается удостоверенная по своему достоинству гарантия христианских результатов мирового процесса, остающаяся в среде погибающей иудейской массы в качестве будущих ее избавителей, для чего пока и скрывается в общеизраильских глубинах. Это еще не христиане, но бесспорно истинные израильтяне, пребывающие в чистой богооткровенной вере и потому избранные запечатлением Божиим для окончательного христианского торжества.

Этим достаточно освещается тревожная историческая тайна и решается тягостный для всякой совести вопрос принципиально, а — значит, окончательно и навсегда, по началам премудрости и ведения Божия. Утверждает провиденциальную силу и спасительную действенность израильское избранничество, но вместе с этим ограждаются и верховные христианские успехи согласно исконному плану Божию, хотя не во всем для нас понятном при исторической его реализации на пути к достижению славы царства Божия во вселенной. Что может быть дальше, или требуется больше в

данной области, когда касательно мироправления Господа Бога теперь несомненно, что тут все из Него, Им и к Нему (Рим. 11:36)? Посему и в видениях неисчислимо количество верующих язычников, которые победоносно восклицали, что предреченное спасение бесспорно принадлежит Восседающему на престоле Господу Богу и Агнцу, в их общей искупительной активности и, составляя их исключительное дело, имеет все обеспечение всецелого торжества, вопреки всяким преградам и сомнительностям. И все Ангелы Божии благословляюще подтверждают это на вечные времена, а Тайнозритель уверяется одним из небесных представителей, что великие скорби мученичества за Христа являются погружением в искупительную кровь Агнца и, значит, не мешают универсальному благодатному прогрессу, но, напротив, доставляют всем исповедникам Христовым вечное пребывание с Богом и в Боге и светлую беспечальную жизнь, чуждую земных ограничений и лишений.

Теперь относительно тайны христианского миропромышления было все закончено и гарантировано: будут большие и постоянные беды, однако вполне несомненно абсолютное христианское верховенство в достойном завершении смутной и бурной мировой истории. К этому нечего и незачем прибавлять что-либо в смысле новых разъяснений. Посему, по снятии Самим Агнцем последней седьмой печати водворяется на небе безмолвие как бы на полчаса (VIII, 1) – время небольшое, но достаточное для необходимого перерыва, ибо прежнее должно быть усвоено в качестве божественного удостоверения безусловной христианской победы, которая только и могла быть его единственным завершением, а оно, естественно, отодвигается до заключения всего мирового развития. Этому надо было непоколебимо и благоговейно верить, не развлекаясь эгоистическими мечтаниями о времени, способах и характере реализации обетования Божия. Но, с другой стороны, подобное свидетельство внушает, что, очевидно, мировая история в своем постепенном развертывании будет по внешности совсем не такова, если стало необходимым чрезвычайное божественное утверждение

касательно счастливого и спасительного для всех исхода мирового процесса. И догматическая логика, и живая действительность неотразимо убеждали в неослабевающем возобладании разъяряющегося и сокрушающего зла, которое непременно должно проявляться с возрастающей энергией для обладания универсальным верховенством. Нужно было закрепить в себе раннейшее и приготовиться к новым страшным перипетиям в мировом запутанном движении. Естественно, что за молчанием по открытии седьмой печати показываются уже иные картины – семи Ангелов пред Богом, с семью трубами, которые, по их принятому употреблению, должны были предупреждать о наступлении особо важных событий в ограждении желанного роста устранением всего враждебного ему. Это и дают видения семи труб с возвращением мук для неисправимых противников христианского прогресса.

ВИДЕНИЯ СЕМИ ТРУБ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ МУК ДЛЯ НЕИСПРАВИМЫХ ПРОТИВНИКОВ ХРИСТИАНСКОГО ПРОГРЕССА

(главы VIII -IX)

В промыслении Божиим не могло быть ничего уничтожающего для божественных предначертаний. И вот является новый Ангел-благовеститель пред жертвенником золотым под престолом Божиим – с золотой кадильницей, чтобы данный ему фимиам воскурить пред Богом с молитвами всех святых, для выражения всецелой благодарности за обеспеченное будущее и полной готовности быть верными Ему среди всех роковых испытаний (VIII, 1 и сл.). В ознаменование последних тот же Ангел наполняет кадильницу огнем с жертвенника и повергает на землю, где происходят громы, молнии и землетрясения с голосами ужаса всех живых существ. Видимо, в мире не будет ни прочности, ни устойчивости, в частности же, изображаются дальше действиями семи труб, которые составляют содержание седьмой печати, а иначе она оставалась бы пустой и напрасной, лишенной силы и значения. И когда первый Ангел вострубил – сделались град и огонь, смешанные с кровью, вид каковой придал градинам огненное просвечивание; от этой напасти сгорела третья часть деревьев и пропала вся зеленая трава (VIII, 7), а этим – для земнородных животных сократилась самая возможность укрываться и питаться. После второй трубы – как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море, и третья часть его сделалась кровью (VIII, 8). По-видимому, вероятнее, что от пылавшего огня вода окрасилась до кроваво-красного цвета, но во всяком случае результат один – что на этом пространстве умерла соответствующая часть одушевленных морских тварей и погибла такая же, третья, часть судов (VIII, 9). Опять ограничивается количественно органическая жизнь на земле и стесняются способы снабжения привозными продуктами, в чем всегда нуждались люди. Беда близко достигает человека, и третья труба, повергая большую, светоносно-горящую звезду на

третью часть рек и источников, делает воду их смертоносно-горькою, ибо эта звезда по самой своей природе есть «попынь» и непременно отравляет всякую водную стихию (VIII, 10–11), а человечество уже не обладало предохранительными и восстанавливающими средствами (ср.: Исх. 15:25; 4Цар. 2:19–22) и во множестве погибало. Четвертая труба поглотила третью часть у небесных светильников, и на третью часть умалилась свойственная им светлость дня и ночи, т.е. половина суток стала совсем темною, отнимая возможности чисто физического бытия у людей и достаточной производительности у природы (VIII, 12). Последняя стала неспособной служить человеку в необходимую полноту его жизненных потребностей, и это естественно навлекло на все человечество страшную опасность: она, конечно, могла отворотиться, но по фактическому ходу вещей – от худого к худшему – сделалась неизбежной, почему небесный голос летящего по всему миру Ангела⁷⁷ возвещает живущим на земле тройное горе от остальных трубных звуков (VIII, 13). И действительно, вслед за пятой трубой оказывается, что с неба ниспала звезда, получившая ключ от кладезя бездны, где скрываются бесчисленные злые силы со всякими губительными действиями и влияниями (IX, 1 и сл.). Бесспорно, тут разумеется личное существо с определенной индивидуальностью и энергией, осуществляющее небесные веления по небесному полномочию. Можно принимать его за служебного Ангела стихий, управляющего природными элементами с их функциями. Однако теперь вся важность лишь в самых явлениях, которые состоялись в том, что из отворенного колодца пошел сильный дым, помрачивший солнце и воздух, а из дыма вышла саранча со властью, какую имеют земные скорпионы (IX, 2–3). Последние в конечном результате всегда причиняют смерть, а следовательно – и саранча принесла бы всеобщую гибель, неизменно сопровождающую ее посещения⁷⁸. Поэтому ей ставятся ограничения: чтобы она не касалась земных произрастений – травы, зелени и деревьев, сосредоточиваясь только на людях, и притом исключительно на тех, у которых не было печати на челах их (IX, 4). В своем постепенном развитии зло все более и более убивает само

себя. Неверный и извратившийся Израиль был страшным бичом для исповедников Христовых, но это не было обнаружением его достойной силы, а только пагубной злостности. Ясно, что таковая, прогрессивно разрастаясь и укрепляясь, становится настолько доминирующей и неудержимой, что необходимо обрушивается на своих носителей и исполнителей. Впрочем, и в этом случае зло не может быть произвольным господином жизни, и потому оно обладает энергией только мучить, но не убивать. Однако эти мучения, подобные ужалению человека скорпионом, были тем более жестоки, что не сопровождались для страждущих желанной смертью и продолжались не менее пяти месяцев, т.е. около полугода, или полного срока. А саранча тогда должна была действовать в качестве сильного вооруженного войска, как приготовленная к бою колесница, заранее обеспеченная в победном успехе обдуманно-человеческих нападений, которые гарантировались страшным вооружением соответственно имени вождя «Аваддон» или «Аполлион», означаящему «Губитель» (IX, 5–11).

Несмотря на весь ужас, это первое горе из предвозвещенных иных трех (IX, 12; ср. VIII, 13) было лишь *«начало болезней»* и прошло, потому что было до известной степени стихийным бедствием, хотя и разыгрывавшимся с осмысленной разумностью. Дальше и выдвигается уже эта последняя, в своем пагубном обнаружении. После трубы шестого Ангела Тайнозрителю был голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом. Очевидно, тут сказывалось общее требование, ищущее удовлетворения во всю свою полноту, а оно сводилось к тому, чтобы шестой Ангел освободил четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрат (IX, 13–14), которая всегда рисовалась для цивилизации непреодолимой преградой (Иер. 46:6) и конечным пределом, а за нею предполагалось уже всецелое язычество, дикое и боговраждебное. Это совершенно особый круг, как бы отдельный мир, и, подобно другому, он наблюдается и представляется своими четырьмя Ангелами. Последние пока были связаны и лишены всякой свободы для своих проявлений, потому что иначе развязали бы все языческие стихийно

разрушительные силы безбожия и нечестия. Посему и сейчас они являются приготовленными лишь на точно указанный срок, а именно – на час, на день, и на месяц, и на год (IX, 15). Думается, что первые краткие величины указываются не сверху года, но входят в его состав и выражают собой, что в течение всего данного времени губительная работа будет функционировать без передышки, непрерывно и неослабно, всякую минуту, только не дольше года. Этот срок как будто краткий, и все-таки он больше чем вдвое против яростного господства саранчи. Естественно, ожидаются грандиозные опустошения, которые требовалось строго регулировать, чтобы таковые не стали безграничными и необъятными. Создавалась подобная необходимость и необъятной величиной, выступившей против божественной рати, о которой слух Тайнозрителя уловил, что одно число конного войска достигало (20 000 X 10 000) 200 000 000 единиц, а самые всадники защищены при помощи броней, отсвечивающих разными отблесками, кони же – с головами, напоминающими львиные головы, причиняли три язвы от выходящих из рта огня, дыма и серы (поддерживающей при горении тот и другой), а также чрез свои змеевидные хвосты с вредоносными головами. От всего этого умерла третья часть людей (IX, 16–19). Однако и столь тяжкая беда ничуть не вразумила оставшихся; напротив, они совсем не раскаялись в делах рук своих, но продолжали бесовско-идольское служение и не отказались от нравственной преступности (IX, 20–21).

Кто эти люди (οἱ ἀνθρώποι), частью истребленные и частью сохранившиеся в своей бесовской извращенности? Ранее (IX, 4) было категорически выражено, что подлежат небесным карам исключительно те, которые не имеют печати Божией на челах своих. Тут ясно подчеркивается отличие от всех владеющих данным спасительным знаком, а таковых выше (VII, 4–8) были решительно названы 144 000 из всех колен сынов Израилевых. Посему и в первом случае нужно прежде всего разуместь неверных и злокозненных израелитов, которых и действительно ничто не исправляло в антихристианском упорстве. А допускать контраст одной категории людей с совсем особой от нее частью

было бы совершенно неестественно, как, например, приводить различные предметы в общую сумму веса или количества. Следовательно, иудейство рисуется главнейшим противохристианским врагом, жестоко наказуемым и все же неослабевающим в своей злобе, которая, видимо, не поддается даже смягчению и потому требует всецелого уничтожения во всех своих носителях и источниках. Но наряду с этим нельзя забывать, что при запечатленных сынах Израилевых Тайнозрителю было показано великое множество людей из всех (ἐκ παντὸς) племен, и колен, и народов, и языков (VII, 9) явно не иудейского происхождения и состава. Это – увенчанные праведники, но раз они – из всех разрядов, то, несомненно, не все и отсылаются к наличности собратий иных качеств. Равно и избежавшие гибели при смерти третьей части людей характеризуются такими чертами, которые нельзя усвоить иудейству: ему несвойственно было ни бесовское почитание, ни идольское служение, а моральные дефекты убийств, чародейств, блудодеяний, воровства (IX, 21) в столь возмутительной степени более натуральны в язычестве, которое погрязло и упорствовало в своих безнравственных падениях. Мы должны принять, что у Апокалиптики мыслится все богоненавистное человечество во главе и под водительством израелитского антихристианского воинства эссенциальных врагов и патентованных всесветных прельстителей. Все предшествующее должно было с неотразимостью убеждать, что торжество царства Христова в будущем несомненно и, хотя в мировом развитии последуют величайшие затруднения и стеснения, однако будет постепенно производиться и подготовительная чистка. Мы наблюдаем ее в ярких картинах жестоких катастроф и теперь должны получить уверенность, что все это было неустранимой необходимостью вроде той, что сорное и запущенное поле надо восстанавливать уничтожением всякой гадости, чтобы возможен был благословенный посев: это и обнаруживается пред нашим напряженным взором в дальнейшем откровении.

О ТАЙНЕ СУДЕБ БОЖИИХ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ НЕСОМНЕННОГО ТОРЖЕСТВА ЦАРСТВА ХРИСТОВА

(главы X-XI)

Тайнозритель видит (X, 1 и сл.) Ангела – другого по сравнению со всеми раннейшими и особенно могучего, – сходящего с неба как бы в облаке, служащем ему достаточной для воздушных сфер колесницей, окруженной ореолом успокоительной при бурях радуги (ср.: Быт. 9:13 и сл.) и сияющего солнцем, обладающего несокрушимыми ногами просто потому, что они вроде «столпов огненных», к которым не может приблизиться ничто враждебное. В руках у него «книжка» или небольшой пергамент целостного свитка промыслительных судеб Божиих в истории мира. Правая нога поставлена на море, а левая на земле. Согласно древнейшей практике и символизму, это должно означать, что ему рабски подчинены, как побежденные враги в своем безбожном противлении, обе эти стихии, со всем своим активным содержанием, и он является для них безусловным владыкой, которого Приморий принимал даже за Христа. Однако это был несомненный Ангел, другой в ряду прежних, но с великими преимуществами. И вот он воскликнул громким голосом, точно рыкающий лев, и тогда семь громов проговорили голосами своими, которые были настолько отчетливы, что Апокалиптик хотел было тотчас же записать то, что говорили семь громов, но Ангел запретил (X, 2–4): *«не пиши сего!»* Ясно, что было нечто вполне членораздельное, которое можно было не просто описать, а прямо записать с пунктуальностью. Отсюда гораздо вероятнее, что с неба были семь последовательных громоподобных вещаний соответственного такому обнаружению содержания, т.е. зловеще-страшного. Но явившийся Ангел имел примирительную среди бурь миссию, как радуга при бушующем дожде; громы тут были аксессуарами центрального образа, не имели самостоятельного значения и лишь предупреждали, что предреченные ими беды не остановят верховного увенчания. Вносить их здесь отдельно было бы неправильным или

несвоевременным, почему Ангел и не позволяет непосредственно воспроизводить громовые глаголы. Его цель была совсем другая, и он осуществляет ее фактически. Ангел, с общепринятым речательством поднимая руку свою к небу, торжественно клянется (Быт. 14:22; Втор. 32:40) Творцом всего сущего, во всем объеме и содержании, в достоинстве Его, как живущего во веки веков, и потому всегда заправляющего Своим творением, а не просто лишь созданным и предоставленным своей воле. Последнего не было, и все тварное подчинялось своим ограничениям, развиваясь и функционируя в течение предназначенных каждому периодов, которые, чередуясь и связываясь взаимно, образуют непрерывно продолжающееся время. Но это не есть нечто независимое, существующее в качестве такого мирового начала, куда все явления входят, получая свои хронологические определения; напротив, оно само условливается сменой разных мировых актов и различной их длительностью, причем одна больше другой, согласно чему образуется счет по взятым средним мерам продолжительности. Значит, время предполагает наличие тварного чередующегося бытия и без него фактически исчезнет, потому что тогда не по кому и некого учитывать. Согласно сему «в начале» о творении и о Слове (Ин. 1:1) относится к дальнейшему тварному миротечению, утверждая для предшествующего неизменное постоянство – без тягучести, без перерывов и колебаний, ибо там все равно и неразлично, как необозримая и неопределимая вечность. Вот именно это самое с клятвой пред вечным Богом и удостоверяет Ангел сильный, – что «*времени уже не будет*» (X, 6: ὅτι χρόνος οὐκέτι ἔσται) и исчезнет последовательно сменяющаяся тварность. Для этого требуется, чтобы в будущем творчество прекратилось, а в настоящем частью совсем исчезло, а частью стало вечным бытием. Однако все это случится не теперь, но потом, в те дни, когда за трубою седьмого Ангела исполнится тайна Божия (X, 7: ἐτελέσθη τὸ μυστήριον τοῦ Θεοῦ). Эта тайна имеет совершенную индивидуальную типичность – не в смысле происхождения от Бога, каким является все тварное, а в том, что она принадлежит только Богу и, будучи сокрыта в Его неисследимых глубинах,

ведома лишь Ему одному. Пока мы знаем только то, что она несомненно есть, поскольку Бог благовествовал о ней рабам Своим, пророкам (Х, 7). Разумеемая тайна относится к тому периоду, когда и «*времени уже не будет*», а термин «благовествование» указывает на евангельское засвидетельствование о ней окончательное и несомненное, прежде предлагавшееся пророками с неизбежной мутностью и общностью, а ныне даваемое Евангелием с ясностью и отчетливостью. Очевидно, это есть возведение Христово о последних временах, непосредственно поглощаемых безграничной вечностью царства Божия, и о сообщении сего Апостолам, которые, продолжая и завершая дело пророческое, сами становятся пророками, поскольку раскрывают заключительное для истории будущее.

Очевидно, тайна Божия, венчающая все колебательно-хронологическое течение мира вечным сиянием небесного царства Божия, совершится в неизвестной отдаленности. Она бесспорна, но пока непроницаема, а станет понятной не ранее своего осуществления. Правда, эта тайна всегда действует как неизменно искомый конец (*ἐτελέσθη*), в котором и реализуется со всей типической конкретностью и возможной прозрачностью для достойных наблюдателей, а до тех пор остается туманно зримой «*яко зеркалом в гадании*» (1Кор.13:12) в разных «*знамениях времен*» (Мф.16:3), постепенно достигающих размера знамений великих с небесе (Лк. 21:25; Мф. 24:24) до решительного «*знамения Сына Человеческого на небеси*» (Мф. 24:30). Идет просто фактическое подготовление, медленное и непроразуемое, и потому неведомое раньше реализации. Естественно, что и седьмая труба доселе не раздастся, чтобы не смущать преждевременными и непроницаемыми видениями. Все люди должны сами воспитываться тщательно для сознательного и убежденного усвоения всего содержания тайны Божией в ее постепенном развитии, вплоть до последнего совершения. Но за этим не будет уже ничего, кроме непрерывного статического состояния вечной и неизменной продолжаемости в царстве Бога и Отца.

В этом отношении описанные внушения Ангела сильного, с одной стороны, снова убеждают верующих в несомненном и славном увенчании их скорбного подвига среди земных бед и страданий, а с другой – направляют всех к соответствующему тренированию для получения небесного гражданства. Но если первое бесспорно, то качество и способы второго оказывались далеко не ясными, по неведомости самого объекта, впредь до откровения тайны Божией. В интересах воспитательных требовалось внести в целую апокалиптическую цепь именно это звено и сосредоточиться теперь на данном предмете, чтобы обеспечить для людей необходимую пропедевтику. С этой целью прежний (X, 4) небесный голос заповедует Тайнозрителю взять бывшую у сильного Ангела (X, 2) раскрытую книжку (X, 8), которая в общем свитке мировых судеб занимает, очевидно, лишь известную ограничительную часть, пригодную для разрешения выдвинутого вопроса о надлежащем подготовке человечества к окончательному ликвидации мирового течения. Повеленное было сделано, но Ангел, передавая «книжку», приказал ее съесть (подобно Иез. 3:1) и предупредил, что в чреве она будет горька, а в устах – сладка, как мед. Это именно и случилось фактически, знаменуя все нужное для рассматриваемого момента. Речь идет об указаниях на счет пропедевтических условий, которые, ради их применения, нужно усвоить, воспринять внутри себя в качестве руководительной нормы. Естественно, что сообщение ее ставит человека на истинный путь и дает должное направление. Это само по себе бывает сладостным, как самое главное для дела, как готовая и правильная программа его. Однако чаще встречается, что самое содержание оказывается не благоприятным и потому горьким по сравнению со сладостью верного знания для предстоящего процесса. И мы видели, что именно такими представлялись все предпоследние мировые стадии с проявлениями наказующего суда Божия во всех его горестных формах. Но теперь Апокалиптик получил более точную осведомленность о свойствах и размерах ожидавшейся эсхатологической мировой горечи и мог говорить о сем твердо, как уполномоченный возвеститель Божий, которому,

естественно, было сказано Ангелом, что ему надлежит опять «пророчествовать о народах, и племенах, и языках, и царях многих» (X, 11). Все будет совершаться «вновь» по-прежнему, т.е. при помощи символических видений и пластических откровений, которые внушительнее и влиятельнее всяких речей и, относясь к грядущему, являются истинными пророчествами. Главным предметом их является безбожная антихристианская масса языческая во всех ее расчленениях и со всем множеством своих земных владык. Судьба этого богоненавистного люда в конечных мировых борьбах еще оставалась темною и теперь понемногу освещается таинственным апокалиптическим образом.

Прежде всего мы имеем тут символическое действие, когда Тайнозритель, как будто лежавший на земле от заключавшихся в проглоченной книжке предвещаний, получает мирную трость достаточной длины для определения площадей, зданий и количества людей. Ему сказано, чтобы он произвел это измерение для храма Божия и жертвенника и поклоняющихся в нем, а внешний двор храма не трогал, ибо он дан язычникам, которые будут попираť сбитый город сорок два месяца, или три с половиной года (XI, 1–2). По всему ясно, что разумеются земные отношения, топографически связанные с Иерусалимом и его святилищем. Но тогда оказывается загадочным, что храм наполнен поклонниками и курениями жертвенника, а внешний двор, окружающий его и заграждающий вход, захвачен со всем городом бушующим язычеством, с властью победителя попирающим священную иудейскую столицу. Этого положения никогда не было, и оно совсем немыслимо по фактической невозможности, чтобы люди спасались от враждебного натиска три с половиной года, будучи замкнуты на тесной территории, лишенные всяких способов для добывания необходимого пропитания. Значит, это вовсе не враги и потому не христиане, которые непременно были бы таковыми для всего безбожного язычества. Не менее трудно допустить, что разумеются обратившиеся или предопределенные к сему израильтяне, одинаково не благоприятные для языческого беснования. Перед нами обрисовываются в общей антихристианской массе как бы

два слоя, из коих каждый действует в общем направлении своими особенными средствами. Поэтому наиболее правдоподобно, что предполагаются не просто иудеи неверующие, но ожесточенно антихристианские, недостойные запечатления Божия. Они, конечно, не солидарны духовно с богоборческим язычеством, но ради сходных антихристианских целей сближаются и даже сдружаются с ним, как неоднократно случилось нечто подобное при разных исторических перипетиях. На все описанное отводится половина полного числа, т.е. достаточное время для раскрытия иудейско-языческого антихристианского неистовства, где соизволяющим, благословляющим и вдохновляющим будет элемент злобного противления иудейского. Восставшие будут буйствовать сорок два месяца, без перерыва хотя бы на один из них, и не встретят организованного отпора, однако, не останутся без обличения их принципиального нечестия. Верующих по всей истине – гораздо меньше, и они должны постоянно «свидетельствовать» свое непреклонное исповедание мученичеством скорбной жизни и трагического конца. И вот из этой священной среды восстанут два мужественные «свидетеля», которым дано будет пророчествовать о неизбежных и неотвратимых последствиях тысячу двести шестьдесят дней, т.е. в течение тех же трех с половиной лет, без исключения даже одного дня. Все время оба будут в печальном вретисце, в знак глубочайшей печали от наблюдаемого и предвидимого. Они – не яростные борцы, а лишь светлые миротворцы и являются пред Богом всей земли как бы маслинами, производящими елей мира, и горящими от него светочами. Их только двое – соответственно двум антихристианским союзникам, заслуживающим пророческого прещения. Они внешне безоружны и не страшны. У них сила единственно в обличающих устах, и огнем из последних, огнем неотразимого прожигания, будут заклеены на смерть все обидчики, ибо противники истины должны необходимо уничтожиться ею. Таков вообще закон подлинной правды Божией, но в данном случае он поддерживается у «свидетелей» их великой властью, что они – подобно пророку Илии и законоположителю Моисею⁷⁹ во все время пророчествования –

когда захотят – могут затворять небеса для дождя и превращать воду в кровь, поражая землю всякой язвой. Впрочем, для этой деятельности есть точная грань, и лишь в этих рамках должно совершиться все их пророческое служение (XI, 3–6). Оно направлено к изобличению и в случае успеха имело бы завершиться раскаянием противников. Но мы знаем, что спасшиеся от трубных язв люди неспособны ни сознать, ни отвергнуть свои грехи (IX, 20–21) и фактически торжествуют в своем неисправимом упорстве, которым они и побеждают, а оппоненты должны исчезнуть за ненужностью ввиду внешней реальной бесполезности. В результате ликующее зло усиливается и выдвигает уже на авансцену своих основных ратников. А вместилищем их служит кладезь бездны (IX, 1) с царем над нею в ангеле бездны (IX, 11). Понятно, что достигнутой победой нечестия эта бездна разверзается (ср. IX, 2) и для окончательной ликвидации всякой оппозиции высылает самого типического своего зверя, который преодолевает «свидетелей» и убьет их, а для надругательства над ними и для манифестации своей мощи оставит трупы на улице великого города, оказавшегося теперь духовно-развращенным Содомом и богопротивным Египтом, как некогда там распят был Господь наш. Представители озверевшего язычества будут наслаждаться этим благоприятным для них зрелищем, три с половиной дня станут пиршествовать и даже будут взаимно приветствовать друг друга дарами⁸⁰ с избавлением от обличительного для них мученичества (ср.: Мк. 6:20) в проповеди «свидетелей» Божиих. Но зло всегда преходяще и нигде не может добиться полноты обладания пребыванием: после трех с половиной дней «свидетели» оживляются от Бога к ужасу созерцающих, и на глазах их, согласно приглашению свыше, возносятся на небо во «свидетельство» не дремлющего и праведного суда Божия. Тотчас же произошло великое сокрушительное землетрясение, разрушившее десятую часть города и уничтожившее семь тысяч тех, которые носили только имена человеческие и не имели никаких священно-предохранительных обозначений, а прочие, вопреки прежнему опыту (ср. IX, 20–21), воздали славу Богу Небесному, хотя и под

действием обуявшего страха (XI, 7–13). Так, после первого горя от саранчи (IX, 12) пришло теперь второе горе, предвещающее третье (XI, 14), уже обещанное горе (IX, 12). Но пока была несомненна победа благодатного добра решительно на всех фронтах, и настало время для наглядного и решительного удостоверения в окончательном и повсюдном триумфе христианского блага. Именно сейчас только и вострубил Ангел седьмой, а голоса на небе авторитетно провозгласили, что *«царство мира сделалось царством Господа нашего и Христа Его»*, почему, как всецело божественное, оно *«будет царствовать во веки веков»* (XI, 15). Важность здесь не в самой победе, которая сопровождается пропорциональным ей разрушением, а в духовном торжестве, влекущем у оппозиционеров внутреннее перерождение и взаимное объединение в одну семью. С этой стороны и веско знаменательно, что царство мирское сделалось божественным, восприняло в себя силу Божию и вечную неизменность. Естественно, что представители всей Церкви – ветхозаветной и новозаветной – все вместе преклонились пред Сущим всегда Богом, Который никогда не исчезал, но непрерывно действовал и будет вечно действовать (функционировать). Он только удерживал временно Свою великую силу, а ныне приял ее и воцарился как раз в тот момент, когда в неистовстве своем язычники окончательно рассвирепели, и нужно было судить мертвых, вина которых бесспорна, и дать возмездие рабам Божиим в лице пророков, вещавших о будущем Церкви Христовой, ее освященных членов и взыскующих этого звания, будут ли все они малые или великие, равно истребить разрушителей земли, лишив их возможности производить губительную антиморальную работу извратителей всех нормальных земных отношений (XI, 16–18). Все облака теперь рассеяны с горизонта, и открывается безбрежный простор для блистания яркого солнца. Показался на небесах храм Божий для благоговейного, хотя бы и временного (ср. XV, 5) созерцания, и для торжественного утверждения, что закончен новый, последний завет Бога с призванным человечеством,

удостоверенный грозными знаменами вроде бывших при Синае (XI, 19).

Все пути расчищены к царству Божию. Надо только войти туда, а это – дело не столь простое и легкое. Сам Господь вел евреев по пустыне Синайской, питал и поил их, ограждал на каждом шагу и венчал бездомных странников великими победами, – и, однако, несомненные наследники не могли вступить в свое бесспорное наследие (ср.: [Евр. 3:7](#) и сл.). Потребовались долгие годы, чтобы воспитать из юридических претендентов – заслуженных обладателей, закаленных борцов, надежных хозяев. Нечто подобное обязательно и для наследников новой земли. Тут естественно и рисуется история этих достойных царства Божия граждан, которые по доказанному праву должны получить то, что даруется им свыше.

ПОБЕДОНОСНЫЕ ВОСПРИЕМНИКИ ЦАРСТВА ХРИСТОВА

(главы XII-XIV)

Происхождение такого имени потомства и раскрывается нами символически следующим «великим знамением» на небе – великим по внешнему составу и по глубокому внутреннему смыслу. Перед нами является жена, облеченная в солнце как бы одеждой, и вся светлосияющая. Под ногами у нее низшая солнца луна, указывающая на возвышенность ее небесного положения, где она царственно господствует с венцом на голове из двенадцати звезд, – видимо, нового, духовного Израиля, т.е. Апостолов, жена – во всех отношениях достойнейшая своего небесного превозношения со всем своим потомством. Это – живой элемент царства Божия – правоспособных членов его, каких и вполне готова производить эта жена, уже чревоболящая муками рождения (XII, 1–2). Но в это самое время показывается на небе новое знамение большого красного дракона с семью головами и десятью рогами, а на головах семь диадем, или царственных повязок, какие носили восточные деспоты. Дракон всегда был для Востока образом сокрушительной силы (ср.: Втор. 32:33; Иер. 51:34), преимущественно злой, свойственной «змию древнему» (XII, 9; XX, 2), как это отмечается в данном случае кроваво-красным его цветом. По связи с другими видениями, это – первенствующий из духов злобы поднебесных (Еф. 6:12), обладающий всей полнотой власти и преизобилием своего могущества (знаменуемых законченным числом голов и рогов), с царственным величием. И действительно, один хвост его увлек третью часть звезд и поверг их на землю, существенно ослабив небесную светлость своим мрачным действием. И тогда, на омраченном просторе, дракон становится пред чревоболящей женой, чтобы сейчас же пожрать рожденного младенца. И вот она родила сына, и именно – мужеского пола, т.е. имевшего все права полного законного наследника (XII, 3–5). Как сын царственной матери, он по самой природе назначался к царственному обладанию и активному

господству, чтобы пасти все народы жезлом железным. Поскольку это относится к небесным сферам и событиям, здесь никак нельзя усматривать мессианское снисхождение на землю Сына Божия, в каковом приложении понималось это ветхозаветное выражение (Пс. 2:9) о непрекословном духовном владычестве Спасителя мира. Здесь же речь, очевидно, об истинном и правоспособном потомстве наследников Церкви Христовой в царстве Божиим. Ему теперь не предстояло ни подчинять, ни воспитывать кого-либо по заключении всего мирового процесса, а остается только возможность наказывать отступнические безбожные народы, конечно, не своей карающей силой, но самым мучительным для грешников положением своим (ср. XI, 10). Ввиду сего мы должны допустить, что все нечестивцы не исчезнут бесследно в своем бытии; напротив, они сохраняются для вечного мучительства наряду с блаженствующими праведниками.⁸¹

Но и судьба последних не сразу и безусловно обеспечена, ибо красный дракон всегда злоумышляет своими коварными нападениями и обольстительными соблазнами. В области естественных возможностей обе стороны являются как бы равными, и благая скорее и больше подвергается опасностям от демонической, не гнушающейся никакими средствами и способами силы. Необходима внешняя спасительная сила, – и нам сказано, что рожденное дитя было восхищено к Богу и престолу Его (XII, 5) в высшие небесные сферы божественного обитания по сравнению с областью жительства праведников, как это допускается Библией в различении нескольких небес. В свою очередь, ограждено было и дальнейшее потомство, поскольку жена убежала в пустыню, чтобы укрыться в приготовленное для нее место, где бы питали ее тысячу двести шестьдесят дней (XII, 6), или время, полагавшееся для проповеди «двух свидетелей» (XI, 3) и, следовательно, не менее знаменательное, но только теперь не в смысле бесплодного благовествования, а лишь в смысле напрасной борьбы врагов с недоступной для поражения богохранимой беженкой.

Где все это предполагается? О драконе констатируется, что он был потом, после поражения от Михаила, низвержен на землю (XII, 9), конечно, с неба, – о жене же ничего подобного не говорится и не намекается. Усвояемое ей самой бегство свидетельствует о пребывании ее в прежнем пространстве и о движении по данному уровню. Как будто требуется принять, что разумеется небесная область пребывания жены, которая только спаслась там от демонического злоумышления. Нам трудно представить эту сцену конкретно, но не забудем, что все здесь живописуется символически и приурочивается к низшей по сравнению с жилищем Божиим небесной полосе⁸², где совершаются чисто человеческие акты чревоболития и деторождения. Во всяком случае, существенная важность эпизода – не в детальной топографии, а в том, что для ярости зверской совсем не оказалось никакого подходящего материала. Столь искусным маневром она уже окончательно располагается и естественно должна подлежать решительной ликвидации от спасителя; таким для израильского – и вообще верующего народа – всегда почитался Архангел Михаил со своим небесным воинством. Он и нападает ныне на дракона, а тот со своими ангелами обрушивается на него. Происходит ожесточенная война за власть в небесной сфере праведников Божиих, где желает царствовать и править свою атеистическую волю один дракон. События выяснили, что это для него непосильно, и нет даже точки опоры, чтобы ему возможно было там держаться. Понятно, что дракон низвергается оттуда на землю со всеми своими содружниками (XII, 9), т.к. вся природа его – абсолютно не соответствующая. Этот великий дракон фактически есть исконный, древний змий-искуситель, всем известный под именем дьявола – клеветника на богозданный род человеческий – и враждебного этому роду противника, Сатаны, вся энергия которого направлялась на то, чтобы обольщать всю вселенную и совращать с нормального пути, когда за падшим человеком гибнет и земля (Рим. 8:20 и сл.).

Прежде вечное царство Божие было обеспечено в своем явлении и пребывании устранением всех враждебных стихий, вынуждавших сосредоточиться на борьбе с ними и на

укреплении фундамента. Теперь оно рисуется гарантированным и со стороны своих достойных обитателей, раз после происшедшего краха настали спасение от всяких покушений, непоколебимая сила и всецелое царство Бога нашего с благодатной властью Христа-Искупителя. Невозможны ни смуты, ни соращения, поскольку низвержен с неба извечный клеветник, день и ночь, или всякое мгновение, заблуждавший и соблазнявший братьев наших, которые отныне победили его искупительной кровью Агнца и твердым засвидетельствованием своего христианского исповедания, со всегдашней готовностью пожертвовать за него жизнью. Это – великая радость для небес и для тамошних обитателей и, напротив, – тут большое горе для живущих на земле и на море, ибо к ним сошел низвергнутый диавол в теле большой ярости оттого, что ему осталось немного времени для активности из-за полного изменения всей обстановки, где ему не будет возможности не только для свойственного дела, но и для самого бытия.

Той порой, обратно пропорционально сокращенному сроку, усиливается демонская разрушительная энергия, чтобы в кратчайший период закончить всю потребную и задуманную работу. А она сводилась к тому, чтобы захватить всю небесную сферу, устранив всех соперников в лице избранного потомства. Поэтому оказавшийся на земле дракон, будучи не в состоянии достигнуть превознесенного к Богу младенца, обрушивается на жену-родительницу с целью прекратить далее всякую производительность. Тут жена рисуется уже в одном кругу с драконом, т.е. на земле, и, конечно, потому, что она служит представительницей всех «от семени ее» в лице тех потомков, которые сохраняют заповеди Господни и имеют за себя собственное свидетельство в разных земных страданиях за Иисуса Христа (XII, 17). И здесь жена, снабженная двумя крылами большого орла, улетает в пустыню для сокрытия в ей предназначенном месте, где должна питаться в продолжение времени, времен и полувремени. Соотносительно с ранее указанным периодом (XII, 6), это, вероятно, те же три с половиной года, но разделенные на три части (1+2+1/2) с явным предупреждением, что перелом в пользу бежавшей должен

совершиться через год, или потом еще через 2 года и, наконец – не дальше прибавочного полугодия, когда исчерпаются все начавшиеся гонения змия, удлиняющиеся вдвое и безмерно усиливающиеся ввиду гонительского истощения (ср.: XII, 12). Чтобы захватить спасающуюся жену, змий пустил вслед ее воду вроде реки, способной увлечь своим стремительным течением. Жена, хотя и ускоряющими движение крыльями, видимо, держится земли, может быть, после первоначального взлета, и является в этом случае подобной страусу. Но тут помогла предчувствующая свое освобождение земля, которая, разверзшись, поглотила реку, которую пустил дракон. Это окончательно взбесило его против неуловимой жены, и он ополчается на решительную брань с «прочими от семени ее» (XII, 17) и такой же категории, оставшимися еще на земле (ср.: XI, 13; XIX, 21; XX, 5) после победоносных и ликующих на небе братий наших. О них нигде не подчеркивается, чтобы они были генетически связаны по своему происхождению с женой, но это лишь расширяет ее потомственность до символического обозначения всей Церкви Христовой, восходящей в славу царства Божия со всем своим потомством.

Земная арена была расчищена, но все поднебесное Пространство мыслится состоящим из земли и моря (ср. XII, 12). Надо было разъяснить в отношении второго⁸³. И вот Тайнозритель оказывается на песке морском (XIII, 1 и сл.) и видит выходящего из морской пучины зверя с семью головами и десятью рогами, т.е. со всей полнотой власти и силы (ср.: XII, 3). По всему он является боговраждебным, но в этом его истинная сущность и открытая цель, ибо узурпаторская диадема его носит «имена богохульные», намеренно и оскорбительно позорящие Бога, хотя Последний и признается в Своем бытии и именно поэтому поносится особенно, как якобы неправильно захвативший Свой высочайший пост. Понятно со стороны зверя яростное ожесточение свирепого и неукротимого леопарда (или барса), с уверенной устойчивостью медведя и с ненасытной алчностью льва. Пораженный своей неудачей дракон передает зверю все свои натурально-юридические преимущества и самую богоборческую миссию (XIII, 2). Не успевшие в открытом

бою теперь выступают с коварством и обманом. Апокалиптик усматривает, что одна из голов зверя как бы смертельно ранена, но эта смертельная рана неожиданно и непонятно исцелела. О происхождении поранения ничего не сообщается, и смертоносность его была больше мнимая и фальшивая. По видимому, зверь уже вышел с такой страшной фикцией, чтобы своим фокусом произвести магическое впечатление на зрителей, как это доселе делают все государственные и религиозные захватчики. Здесь мы имеем одно из предреченных знамений и ложных чудес в эсхатологические времена (Мф. 24:24; 2Фес. 2:9), всегда по первому эффекту крайне обольстительных, в силу уже самого злостного расчета на такое именно пленяющее действие столь ловко устроенного обмана; между тем в истинном чуде представляется непосредственному восприятию каждого, отражает ли небесный глас просто гром или же речи Ангела (Ин. 12:28–29). Начинается прямой поворот в пользу демонических обманщиков. Даже отрезвевшая было земля с невольным восхищением дивится, следя за зверем, а обитатели поклоняются его вдохновителю и снабдителю-дракону, уже во многом пораженному, но снова старающемуся добиться желанной удачи иными способами. Разумеется, равного поклонения удостоивается и сам магический исполнитель воли своего патрона, вызывая в заблуждших почти несомненную уверенность, что едва ли кто-нибудь сможет сразиться с ним. При подобных благоприятных условиях зверь начинает говорить и держать себя гордо и богохульно в течение назначенного для его власти, не столь краткого, времени, опять же на три с половиной года, но обозначенные сроком двумя месяцами для символизации равномерного проявления звериной ярости во все составные хронологические моменты отведенного для него срока (XIII, 3–5). Он спешит воспользоваться благосклонной для него обстановкой и провозглашает хуления на Бога, на пренебесное Его жилище и живущих на небе. Были люди иудейского рода, избегавшие даже произносить имя Божие и не желавшие осквернять себя названием Иисуса Христа (Деян. 4:17–18, 5:28, 40). Теперь, напротив, это священное обозначение Самой Божественной

Природы выносятся на открытый позор и бесчестно хулятся всякими непристойностями и клеветами. А в войне со святыми исповедниками дано было зверю победить их, конечно, в том смысле, что они погибли, зверь же оказался торжествующим, возобладав над всяким коленом и народом, языком и племенем. Ввиду таких повсюдных успехов вполне понятно, что оставшиеся на земле поклоняются драконовскому зверю все, но не целиком, а только те, имена коих не написаны «в книге жизни» у Агнца, закланного от создания мира (XIII, 6–8). Тут достопримечательно, что лишаются вечного спасения все, увлеченные демоническими соблазнами нечестия и богохульства, хотя такое спасение было предположено от самого начала мира и приобретено для всех одинаково искуплением Господа Христа. Необходимо воспринять и запомнить это трагическое предупреждение всякому, способному слышать вещание времен и событий. Все тут страшно, но безусловно необходимо фактически, как и в тех случаях, когда уводящий других в плен сам попадает туда и убивающий других сам тоже погибает от меча. Аналогично сему и здесь соблазнитель должны будут разделить участь соблазненных. Не сразу это ясно, и не сейчас происходит, однако – вполне неизбежно.

В этом у святых, преданных воле Божией – фактическая опора для спокойного и безропотного терпения при всех сваливающихся на них бедах и несчастьях, поскольку реальная наличность уверяет каждого, что все эти невзгоды – скоропреходящи и обращаются потому на самих гонителей. Но это – лишь пассивное качество, не обещающее ничего больше, как то, что, перенесши некое зло и избавившись одним покорным унижением, человек должен ожидать потом другого, причем победа всегда будет на стороне обидящих и торжествующих. Такое положение несвойственно и даже противно христианам, которые все выносят во имя высших идеалов, ради и в пользу их. Наряду с пассивным пренебрежением ко всему окружающему сумраку необходима душевная преданность светлому будущему, со всецелым убеждением, что оно несомненно последует и станет моим в

полном объеме. Такова и есть вера христианская, которая дает исповедникам спокойное самообладание при всех внешних поражениях и радостную надежду на совершенную реализацию их блаженных упований (XIII, 9–10). Это есть отличительное достоинство святых и безусловный завет для всех других собратий. Как видно, тяжкие времена еще не кончились, и праведным потребны терпеливая надежда и животворная вера.

Эту перспективу и раскрывает дальнейшая картина, дополнительная к предшествующему изображению, ожидаемого преклонения пред драконовским зверем. Тайнозритель видит другого зверя, выходящего уже из земли, которая уже достаточно развращена сатанинским ядом и должна стать последней ареной заключительных мировых событий. Он гораздо скромнее и как бы симпатичнее: у него только два рога и притом, подобных Агнчим, символизирующим услужливую кротость и благожелательную готовность (XIII, 11). Но тут была просто мишурная внешность, обманчивая и обольстительная, ибо он говорил, как сам дракон, в качестве его двойника и заместителя, имея всю власть первого зверя и заставляя оказывать и ему всеобщее поклонение. Он продолжает работу своих предшественников – и именно в отношении Агнчей искупительности, показывая в себе всемогущего владыку с великими знаменами своей силы, достигающими того, что и огонь низводит с неба на землю пред людьми (XIII, 13). Все идет у него по реченному в Писании, и своими чудесами пред лицом и во имя явившегося зверя он убеждает обитателей земли сделать образ того зверя, который был с раной от меча и ожил. Этот образ должен был говорить и действовать и, следовательно, представлял полную фигуру зверя, или статую. И если прежде люди благоговейно дивились зверю, то теперь склонялись к обоготворению, раз даже образ его получал дух жизни и активности, утверждая в нем божественное всемогущество. Непочтение к такому образу было тут уже выражением злочестивого пренебрежения к обожествленному первообразу и неотвратимо наказывалось смертью, а почитание должно было сопровождаться тем, что все люди, всякого положения и состояния, от мала до велика, получали особое

начертание на правой руке или на челе их (XIII, 13–16). Нам не сказано, что это было за начертание (χάρῳμα), но несомненно, что оно как-то вытаскивалось (напр., острым предметом) на человеческом теле и оставалось постоянно видимым знаком при помощи втираний в рану красящих веществ, причем получалось нечто вроде тавро или теперешних подобных знаков (особенно у моряков и членов разных организаций). Как христиане пользовались лишь одной фигурой креста, так и здесь скрывался, вероятно, некоторый символ, но он был страшен тем, что выражал принадлежность и верность зверю до смерти. Это было ужасное обязательство, однако оно фактически оправдывалось той неотразимостью, что даже вещественный, изработанный образ зверя оказывался как бы живым, имея свободу речи и силу действия. И в этом не было ничего невозможного исторически, ибо у нас достаточно известий о подобного рода фокусах, в частности – околохристианских времен, когда при помощи разных приспособлений более или менее искусного, иногда же грубого свойства достигали того, что статуи начинали издавать звуки и как бы самостоятельно говорить⁸⁴. И замечательно при этом, что такое фокусничество держалось временами подолгу и производило мистически-покоряющее влияние на большие массы народа, внушая им безотчетное преклонение суеверного благоговения. Тем возможнее все это было для специальной демонической силы, развивающей напряженную активность всей прельщающей энергии. И она достигла своей цели порабощения всего человечества, для которого служила отблеском верховного, божественного владычества. Понятно, что все сотворенное представлялось орудием в руках зверя, и только принадлежащие ему могли пользоваться жизненными благами. Посему и свидетельствуется (XIII, 17), что тогда *«никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его»*. При этом достойно внимания, что все это смертоносное тиранство практикуется для укрепления узурпаторской власти, которая обнаруживает свое фактическое верховенство, когда повсюду и никто не мог проскользнуть мимо нее, ибо

обязательно было удостоверить свою рабскую приверженность символическим начертанием, или обозначением имени зверя, или числом этого имени. Нельзя не сознаться, что все вышеописанное представляется чрезвычайно хитрым по плану и не менее изобретательным по исполнению. Тут несомненная мудрость (XIII, 18), но качество и достоинства ее должны подлежать нарочитому определению. В области мудрования необходимо участие испытующего разума. А там всецело фигурирует злодейственный зверь, неизвестный в реальных очертаниях, и выступает он под символическими отметками. Однако последние не имели бы смысла, если бы не выражали самую природу своего предмета. И вот всякий обладающий умом должен *«сосчитать число зверя, ибо это – число человеческое, а число его шестьсот шестьдесят шесть»* (XIII, 18). Разъяснение дается здесь чисто апокалиптическое, прилагающее к одной тайне другую и удвояющее ее темноту. Поэтому составилось большое количество разнообразнейших толкований, из коих каждое в одинаковой степени и вероятно (для изобретателей), и сомнительно (для читателей). Между тем автор внушает с решительностью, что его слова всем доставляют потребное по их восприятию разъяснение. Следовательно, обязательное экзегетическое правило вынуждает всецело сосредоточиться на самом таинственном тексте и не выходить за его пределы в темную область туманных мечтаний.

Необходимо взять и взвесить все текстуальные частности. В них прежде всего выдвигается «число зверя». Арифметическое, количественное определение чего-либо всегда бывает наиболее точным раскрытием его величины, внушительности и ценности в своей категории; имя же служит для обозначения самой сущности данного субъекта. Посему арифметическое раскрытие первого будет истинной характеристикой второго. В рассматриваемом случае успех тем несомненнее, что разбирается *«число человеческое»* (ἀριθμὸς γὰρ ἀνθρώπου, ἑστίν). Ссылка на это свойство делается для обоснования и оправдания заповеди о счислении, конечно, в том смысле, что она понятна для Тайнозрителя и достаточна для разрешения,

как всегдашняя для обыкновенных и знакомых ему отношений, принадлежащая к земным человеческим обычаям. Естественно, что тут подсчитать человеку вполне возможно. Аналогичные выражения еще более обрисовывают специальные оттенки. Так, πρὸσωπα ἀνθρώπων (IX, 7) констатирует лица человеческие, свойственные людям. Об измерившем стену города Ангеле говорится (XXI, 17), что он употреблял μέτρον ἀνθρώπου, ὃ ἐστὶν ἀγγέλου. Сравниваются две меры, из коих вторая могла быть совсем необычной, – тогда все выкладки оказались бы для человеческого разума и научного опыта совершенно непостижимыми, неподдающимися человеческому учету. Обязательно требовалось приблизить их к законным нормам принятых среди людей и потому доступных человеческих сопоставлений и вычислений. И нами теперь категорически свидетельствуется, что ангельская мера была такая же, как и человеческая, применявшаяся во всеобщем человеческом обиходе. Соответственно этим непосредственным филологическим аналогиям и об интересующем нас числе нужно со всей убедительностью думать, что оно было чисто человеческое, ходившее повсюду и постоянно у людей и, следовательно, удобное для человеческого разумения.

Искомое число должно было получаться от имени зверя (XV, 2) и выражалось цифрой 666. Существует и другое чтение – 616, но, по моему мнению, это указание не первоначально и создано ради тех или иных исторических сближений, а они явились позднее и все в целом кажутся нам неудачными и принципиально, и фактически. При помощи разных искусственных способов, напр., алгебры, обращающей буквы в цифры и слагавшей их арифметически, можно было подобрать разные имена для всяких чисел, по которым никак нельзя точно установить подлинные названия. В нашем случае нет в этом и надобности, ибо речь идет не о точном имени, а только о численном достоинстве его. Хотя нашему толкованию не противоречит и 616, но для меня более вероятно 666. В нем все цифры одинаковы и тем самым предполагают субъекта равномерных качеств во всех отношениях, где ничто не хуже и не лучше другого. А в рассматриваемом примере ни одна из

цифр не знаменует ни полноты, ни совершенства, а, напротив, каждая свидетельствует об эссенциональной недостаточности, приближающейся, но не достигающей совершенства 7-ми, являясь в целом составом сплошным *testimonium paupertatis*⁸⁵. Это лишь напрасное и бесплодное стремление к седмичной полноте, свидетельствующее о безумном и злостном притязании на то, чего нет реально и быть не может идеально. И поскольку в анализируемом месте трактуется о мудрости, то тут нельзя разуместь несмысленного дурака, а необходимо предполагает сознательного подлеца и коварного нахала, который намеренно подделывается под неоспоримого авторитета и обманно украшает себя его ярким ореолом, чтобы успешно достигать своих злокозненных целей. И мы видели, что зверь отличался великими знамениями и чудесами и поражал народное воображение до того, что прямо обоготворялся как властитель всего мира. Все совершалось по эсхатологическим предречениям Спасителя о лжепророках и лжехристах (Мф. 24:11, 24; Мк. 13:22), а о главнейшем из них Апостол Павел предсказал, что это – *«сын погибели, противящийся и превозносящийся»* до того, что *«в храме Божиим сядет, как Бог, выдавая себя за Бога»* (2Фес. 2:3–4). Но он не просто человек, а наихудший из людей, и *«которого Господь Иисус Христос убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего»*, именно того беззаконника, *«которого пришествие, по действию сатаны... со всякою силою и знамениями, и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих»* (2Фес. 2:8–10). Разве все это не подходит точно к начертанной Апокалипсисом картине? В ней мы видим не только самообожение, но прямое обожествление и воплощение мирового зла. Тем не менее оно чисто человеческое в самых наихудших извращениях, и его наружный блеск, широких побед и рабских пред ними преклонений, является последней вспышкой пред надвигающимся закатом в ту бездну, где ему было изначальное место. Происходил лишь внешний мишурный фейерверк, долженствующий погаснуть с тягостным зловонием, ибо ничто человеческое не может само по себе выдержать похищенное богоравенство.

Действительность непременно будет, и, несомненно, бывает она совсем иная. Речь шла об отвлечении людей от Христа и об отвержении Его спасительного искупления разными сатанинскими прелестями. Как будто был некто абсолютно великий, – но вот пред Тайнозрителем показывается на Сионе Сам Агнец и вместе с Ним сто сорок четыре тысячи преданных приверженцев, у которых на челах имя Его и Отца Его (XIV, 1). А ранее таковыми провозглашались (VII, 4–8) избранные из всех двенадцати колен сынов Израилевых, по двенадцати тысяч из каждого, которые только еще запечатлеваются, как ратники Христовы, верные до смерти. Но сейчас это уже искупленные от земли и свойственных ей греховных ограничений (VII, 3), то есть из среды падшего человечества, опытно познавшие всю силу и сладость благодатного искупления. Вполне естественно, что лишь они одни способны для постижения восторженного гимна этому спасительному чуду милости Божией. Эта песнь, среди предваряющего и сопровождающего аккомпанемента, многочисленного и громогласного, идущего с небес, называется как бы новою (XIV, 2–3). Первое показывает, что земные «ратоборцы Христа» уже *«приступили к горе Сиону и ко граду Бога Живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу, и к крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева»* (Евр. 12:22–24). Они, войдя в живой союз с небесными братьями, в самом их примере имеют высшее подкрепление и ободрение, а, в свою очередь, своей стойкостью утешают и вдохновляют к радованию своих увенчанных предшественников. Естественно, что у них был некоторый общий язык славословия Богу-Спасителю и они, духовно единые, понимали друг друга взаимно. Посему и самая небесная песнь восхваляющих гуслистов была лишь как бы новою – ὥς ᾠδοῦν καὶ ψάλλειν, и потому хвалебные ее голоса уже звучат в их собственных душах. Для сего есть все фактические данные. Эти люди вообще не осквернились с женщинами, ибо они девственники (XIV, 4: οὐτί ἐίσιν, οἱ μετὰ γυναικῶν οὐκ

ἐμολύνθησαν). Физическая девственность вовсе не утверждает духовной чистоты и в этом виде ни во всем Новом Завете, ни в Апокалипсисе не возносится, сама по себе, на первенствующую христианскую высоту. Напротив, Апостол Павел смело заповедует (1Кор. 7:9), что *«лучше вступать в брак, чем разжигаться»*. Истинное девство требует совершенного устранения всякого вожделения (Мф. 5:28) и с этой стороны вовсе не отвергает союза мужа и жены (Мф. 19:4 и сл.) в чистом браке, где ложе актуального сожития бывает непорочным (Евр. 13:4). Конкретное толкование рассматриваемой характеристики не соответствует ни духу, ни букве Писания, хотя истинное девство, требовавшее особых предрасположений (Мф. 19:12; и 1Кор. 7:37–38), всегда почиталось в христианской Церкви. Наряду с этим мы слишком хорошо знаем, что религиозный союз верности Богу всегда уподоблялся чистому брачному единению, и Апокалиптик о себе говорит, что он *«увидел святой город Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего»* (XXI, 2). Посему и религиозные измены и предательства обычно провозглашались блудодейственным осквернением брачного чистого сочетания. Согласно этому и в анализируемой реалистически-грубоватой фразе нужно разуместь религиозно-христианскую непорочность и всецелую твердость в спасительном исповедании, как это предполагают и дальнейшие слова (XIV, 4), что описываемые лица следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел⁸⁶. Здесь не усматривалось бы ни малейшей связи с физической девственностью и, наоборот, вполне естественно, что непоколебимая преданность Господу, при всех создавшихся жизненных коллизиях и бедах в земном течении водительства Божия, могла вести к большим искушениям человеческой слабости, как раскрыто самим Тайнозрителем в потрясающих изображениях массовых увлечений и народных отпадений от Бога на сторону сатаны со всеми его клеветами.

Но в нашем примере все члены остались искупленными из людей и сохранили неприкосновенным это достоинство, являясь для Бога и Агнца со всеми преимуществами первенцев,

имеющих все реальные права неоспоримых наследников Божиих. В устах их никогда не было и нет ни малейшей лжи, какую многие часто грешили и грешат от страха угроз и притеснений, говоря о себе лукавую неправду для снискания внешней безопасности. Чуждые чего-либо подобного, данные лица были чистыми всецело (ἄμωοί εἰσιν), вроде беспорочных жертв по закону (XIV, 5) и, очевидно, сподобились именно такого конца.

Предыдущие трагические откровения повсюдного страшного ренегатства в человечестве необходимо вызвали тревогу в самых твердых христианских сердцах, а теперь мы находим, что спасение обеспечено избранными Божиими, причем сравнительная немногочисленность таковых свидетельствует лишь об их исключительности, которая никогда не свойственна большинству. С этой стороны мы неотразимо гарантированы, что *«весь Израиль спасется»* (Рим. 11:26), ибо названные 144 000 считаются запечатленными израелитами, на что намекает название их «первенцами» и сравнение их с непорочными жертвами. Нет никакой причины уклоняться от бесспорного значения представителей двенадцати колен сынов Израилевых; только, запечатленные прежде в качестве избранных Божиих, они теперь открыто следуют за Агнцем во всех Его спасительных хождениях и безбоязненно исповедуют свою христианскую веру, показав себя ясно в последние часы мировой истории.

Не менее это несомненно и для языческой части. Употребляя по обычаю ἄλλος просто для количественного отличия одинаковых по категории величин, Апокалиптик усматривает затем (XIV, 6) нового, по сравнению с прежними, Ангела, который летел по середине неба, имея возможность видеть и привлекать всех поднебесных. У него было «Евангелие вечное», конечно, не в парусийном смысле⁸⁷, а по вечной обязательности самого содержания, которое никогда не прекратится, пока не воплотится всецело и станет реальной действительностью, и до тех пор возвращается всем живущим на земле во всей разноязычной многочисленности. Призывая к своему вечному, непреходящему благовестию, Ангел во

всеуслышание всем громко взывал с небесной высоты, чтобы нечестивцы и индифференты наконец убоялись Бога и выразили Ему торжественное внешнее прославление, не отлагая сего ни на минуту, ибо наступил час суда Божия (XIV, 7), с решительным разбором всех земнородных, которые должны теперь благоговейно преклониться пред Богом, с открытым исповеданием в Нем – Творца и Владыки вселенной. Разумеется, Ангел не мог ошибиться в своих расчетах и приглашает тот языческий отдел, который подавал надежды на обращение. Но были и совсем упорные, заранее обреченные на гибель. И они должны были услышать отрезвляющее слово последнего увещания. Новый Ангел и возвещает прежде всего, что нет никакой внешней опоры или извинения для дальнейшего противления, ибо самый соблазняющий и отравляющий оплот уже исчез безвозвратно. Для сего повторяется и подтверждается (XIV, 8), что Вавилон, город великий, пал, и пал окончательно, за то самое, чем прежде привлекал и подчинял всех других, когда одурманивал все народы языческие яростным вином, которое не только опьяняет, но своей буйной крепостью надолго подавляет и разрушает весь организм. И результаты тем печальнее, что разумеется вино блуда Вавилонского, – несомненно, не в собственном смысле, а в том, какой предполагался и в речи о праведниках, не осквернившихся с женами (XIV, 4). Согласно сему и здесь мыслится языческое нечестие, распространявшееся из Вавилона наряду с политическим порабощением. Но так было давно, и самый источник разрушился, почему может теперь служить лишь напоминающим и предостерегающим примером. Исторического соответствия ему не было и нельзя отыскать. Его привыкли указывать в Риме, но политическое возобладание последнего вовсе не сопровождалось религиозной пропагандой и гегемонией. Напротив, нам удостоверяют, что все мерзости Востока стекались в Рим, который служил их восприимчиком⁸⁸, а не производителем и насадителем. Насчет императорского культа Цезарей нужно согласиться, что он скорее служил политическим интересам Римско-императорской вседержавности и не требовал непременно внутреннего

религиозного признания, ибо по мученическим актам вполне ясно, что все представители власти довольствовались всяким внешним проявлением подчинения – даже чисто формальным и лицемерным в глазах обеих сторон, и не искали ничего иного, в виде религиозного исповедания, ограничиваясь брошенной горсточкой куренья. Да и как мог языческий Рим соблазнять к блудодейственной измене, когда с религиозной точки зрения тут не было ни малейшего ренегатства, а лишь переход от наихудшего к несколько лучшему и, во всяком случае, более осмысленному и понятному, и в последующем историческом течении Римского верховенства не имеется фактических иллюстраций апокалиптических слов. Поэтому приходится толковать их в чисто символическом значении о современном падении язычества по низвержении антихристианского деспотизма. Нет даже ни того, ни другого, и приверженность к ним становится принципиально иррациональной, никак и ничем не извинительной и явно самоосуждающей. Об этом и восклицает громко третий Ангел всем поклонникам и приверженцам зверя, что они будут пить вино ярости Божией по поводу такого нелепого богопротивления, – вино цельное во всей его крепости, – и подвергнутся вечному наказанию. Часть суда Божия совершится без всякого снисхождения за отсутствием даже фиктивных оправданий, а без них – какое возможно снисхождение (XIV, 9–11)?

В этом именно и заключается основание для безропотного терпения святых (XIV, 12), почему они в мрачные периоды буйства сохраняют фактически заповеди Божии, не изменяя им в своей христианской практике, и продолжают твердо исповедывать веру в Искупителя Иисуса. Посему с неба раздается голос, повелевающий Тайнозрителю записать (XIV, 13), что раз теперь все выяснилось всесторонне и окончательно, то отныне блаженны все умирающие о Господе, пребывающие в Его сфере с преданностью и неизменностью. Там будет для них блаженство упокоения от тягостных трудов постоянной жизненной борьбы за веру в пользу торжества ее во всем мире. Это есть прежде всего сознательное субъективное чувство покоя, когда повсюду разливается настроение желанного

освобождения и ожидаемой безопасности. Но будут для всего этого и объективные резоны, с забвением всякой своей обособленности и эгоистичности. Человек исключительно сосредоточивается на христианской активности и вере и вне их не существует, всецело перешедши всей своей личностью именно в них. Естественно, что подобные дела последуют за почившими на небо и там будут свидетельствовать о них как добропобедных борцах Христовых. Этим предрешается последняя жатва и ее плоды.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖАТВА И ЕЕ ПЛОДЫ

(главы XIV, 14 – XIX, 10)

Бесспорно, что так было всегда, но отныне это для всех открыто и ясно по сознательному убеждению. Во всяком случае, для правых и виноватых все было приготовлено и несомненно. Пришло время расчета при жатве, означающей «кончину лета» (Мф. 13:39), и надо было каждому воспринять по достоянию, согласно заслугам своего христианского жития. Отсюда – новое видение светлого облака, на котором сидит подобный Сыну Человеческому, и у Него на голове золотой венец, а в руке – острый серп (XIV, 14). Пред нами тут превознесенный и торжествующий Избавитель, выступивший для сбора жатвы Своего спасительного подвига. В это время выходит новый Ангел из храма с повелением для Сына Человеческого (XIV, 15). Этот храм находится на небе, ибо дальше говорится о жатве на земле, и притом так, что свыше могут исходить для Искупителя обязательные указания. В таком случае, мы должны допустить храм Божий и место присутствия Божия на небе, где пребывают и избранные вестники воли Божией (XI, 19; XIV, 17; XV, 5–8; XVI, 1, 17). По голосу Ангела сидящий на облаке посылает Свой серп для наступившей жатвы на землю, каковая и действительно была пожата (XIV, 15–16). Тогда появляется из небесного храма другой Ангел, тоже с острым мечом, а следующий Ангел, имеющий власть над огнем и вышедший из небесного (при храме, пред Богом) жертвенника (ср.: VI, 9; VIII, 3; IX, 13), заповедует предыдущему, чтобы и он послал свой серп для обрезывания гроздов винограда (XIV, 17–19). О земле мы должны думать, что вся она была пожата, а теперь узнаем, что этих гроздов было брошено в загородное великое точило гнева Божия столь много, что истоптанная кроваво-красная жидкость потекла высоким потоком – до узд конских – на протяжении тысячи шестисот стадий (XIV, 20). Упоминаемый город относится, конечно, к Иерусалиму, куда древними (особенно иудейскими) преданиями приурочивались сцены последнего суда Божия над народами. А путешественник в Святую Землю,

Антонин, измеряет все расстояние от Тира до потока Египетского (Эль-Арим) в 1664 стадии⁸⁹. Тогда имеем, что кровавая виноградная река залила всю Палестину. Господин жатвы (Мф. 9:38) произвел полный сбор, который оказался обильным, судя по чрезвычайному обилию виноградной жидкости. Теперь нужно было все распределить по классам и назначить окончательную судьбу. Ожидаются последние решения и действия.

Апокалиптик видит на небе (XV, 1) иное знамение, которое называется как великое и чудесное (μέγα καὶ θαυμαστόν) – великое по его результатам и чудесное по связи с открываемыми новыми отношениями. Там же показались семь Ангелов, имеющие семь последних язв, которыми должна была вполне исчерпаться ярость Божия, выражающаяся в том, что одни спасутся, другие исчезнут. Следовательно, ярость эта – наказующий суд Божий по его фактическому проявлению и применению. Кроме Ангелов усматривались еще верные христиане, победившие зверя именно тем, что при земных состязаниях они не признали этого богоборца и отвергли всякие его символы – образ, начертания и число имени его (XV, 2). Все они стояли на море, как бы стеклянном, которое находилось пред престолом Божиим и ранее (IV, 6) называлось подобным кристаллу, а здесь представляется смешанным с огнем. Разницы существенной тут нет, ибо в обоих случаях рисуется нечто блестящее, но только теперь описывается более наглядно, что огонь, просвечивая сквозь стеклянную массу, представляется как бы смешанным с нею. Образ моря вызван, вероятно, воспоминанием о ветхозаветном храме, где было «медное море», но на небе нет земных перегородок, потому что там везде царствует Бог и соприсутствуют Его исповедники. Последние уже омыты кровью Агнца и не нуждаются в водном очищении, почему и стоят на стеклянном море, каким при особом сиянии и атмосферном отражении может казаться небесный свод, теперь огненно прозрачный для того, чтобы видеть находящихся на нем вверху. Слышится, что эти праведники поют песнь раба Божия Моисея и песнь Агнца (XV, 3), откуда мы обязаны заключить с несомненностью, что это

израелиты по крови и прежней вере и христианские исповедники по завершении земного подвига. В самом содержании их хвалений нет ничего специально Моисеевского, и потому надо разуместь сходство положения, что, перейдя «жителейское море», святые мученики воспевают подобно спасшемуся законодателю (Исх. 14:31–15:1 и сл.). Они тоже рабы Божии, но уже через Христа и во Христе, ибо избавлены Им на земле и с Ним достигли небесного престола и поют с энергией своего Икупителя, так что по своему внутреннему характеру и выпренному тону данное хваление было песнью Агнца. Она гласила, что дела Божии велики по своему объему и свойству, как беспримерное чудо, возможное лишь потому, что его сотворил Господь Бог Вседержитель, Владыка всего вообще и каждой отдельной частности: все находится в деснице Его. Иногда промыслительные планы божественного водительства непостижимы и фактически неожиданны, даже прямо странны, судя, например, по горькой участи язычества, как будто внешне торжествовавшего, а в результате – осужденного и погибшего. Нечто подобное возбуждает и судьба праведников, но издавна все принимали, что их земной удел – печальный, однако они находятся под особым покровом Божиим. Посему из двух разночтений (в конце XV, 3) ὁ Βασιλεὺς τῶν ἁγίων и τῶν ἔθνων приемлеее и для нас второе. Оно голосом прямых свидетелей удостоверяет, что пути Господни праведны и в своих суровых решениях соответствуют бесспорным нормам справедливости, потому что истинны – ἀληθινὰι – в том смысле, что фактически обоснованы и не допускают ни малейшего отклонения или преувеличения в отношении действительно бывшего. Тут все строго, но согласно с правдой и пропорционально подлинным размерам явлений. Ничего иного и нельзя было ожидать, ибо Решителем является «Царь языков», Глава их и Владыка, направляющий все ко благу. Совершенное им вызывает неизбежный страх, но он связывается с благоговением и должен сопровождаться прославлением премудрого величия Господа. А так вышло потому, что это – μόνος ὅσιος (XV, 4) – святой по внутреннему существу (ἅγιος) и по тождественному всегдашнему выражению во всех применениях (ср.: Пс. 145:1–7)

даже судов Своих (Втор. 32:4). Такая точнейшая гармония оказывается абсолютно единственной, не бывающей ни у кого другого. Здесь немыслимо ни суровости, ни послабления, а лишь чистая беспристрастная правда, которая настолько несомненна, и для открывшихся решений Божиих, что все народы языческие придут и поклонятся пред Господом (XV, 4). Предполагается нечто вроде всеобщего обращения человечества. Все это подготавливается следующим видением, что отверзся храм скинии свидетельства на небе (XV, 5). Употребленное выражение – слишком сложное и позволяет такое толкование, что предносится храм, но состоявший лишь в скинии, которая и называется здесь несобственным для нее именем в смысле жилища Божия. Однако совсем непонятно возвращение к такой отдаленной, давно исчезнувшей старине, которая ниже (XV, 8) титулуется просто храмом и рисуется наполненным от дыма до того, что это не вполне подходит к нашим данным о скинии и ее устройстве. Скорее можно допустить, что храм особенно характеризуется в качестве прямого преемника скинии со всеми его преимуществами и символами. Это было бы согласно и с общеиудейским верованием, что сокрытый некогда ковчег завета в мессианские времена снова водворится на свое прежнее, уготованное Богом место (ср.: Евр. 8:5 – тем паче должен был предполагаться в небесном святилище). Из него вышли семь Ангелов, имевшие семь язв, предреченных как последние, которыми оканчивается ярость Божия (ср. XV, 1). Будучи исполнителями воли Божией, они являются облеченными в белую и светлую одежду, свойственную небожителям (Мф. 28:3; Мк. 16:5; Лк. 24:4), с золотыми поясами по персям, как уполномоченные и приготовленные для своей миссии служители со всей потребной властью (XV, 6). Но такая ответственная задача подкреплялась и со стороны небесных представителей вселенной, ибо одно из четырех животных дало Ангелам семь золотых чаш, наполненных гневом Бога, живущего во веки веков (XV, 7). Он часто описывается в Апокалипсисе подобными эпитетами для контраста с уничтожающими катастрофами и для гарантии, что есть Верховный Хранитель истинного бытия, которое, во всяком

случае, обеспечено всесовершенно. В нашем повествовании все последующее должно раскрываться порученными ангельскими актами, и до их проявления храм остается окутанным дымом (XV, 8), присущим славе и силе Божией, с коими вместе иногда и упоминается.

Теперь, естественно, раздается из храма повеление Ангелам об исполнении их функций (XVI, 1). И когда первый Ангел вылил свою чашу на землю (XVI, 2), то на всех, кто имел начертание зверя и поклонялся образу его, сделались раны скверные и пакостные, как бы от злокачественных нарывов, отвратительные по внешности и болезненно-зловредные (вроде, напр., чумных). Печать гарантированной избранности обратилась в убийственное поражение, создавшееся и порчею всех жизненных источников. Второй Ангел опрокидывает свою чашу на море (XVI, 3), и оно становится точно разложившаяся кровь мертвеца, почему убивает все живые морские существа. Третий Ангел избирает реки и источники вод, которые повсюду превратились в кровь (XVI, 4). Теперь и люди, и необходимые средства для их поддержания оказались обреченными, создавая для живущих тяжкие смертные страдания, которые достойны ужаса и сожаления – не без отдаленного намека на излишнее немилосердие при отсутствии малейшего смягчения. Но Ангел вод засвидетельствовал (XVI, 5), что вечный Господь в Своих присудах праведен сейчас, как и прежде, ибо свят эссенциально и во всех Своих обнаружениях; Он только заставит тех, кто проливал кровь верующих святых и предвозвестников воли Божией, пить кровь (XVI, 6), и это авторитетно подтверждается голосом от небесного жертвенника (XVI, 7), что справедливы Божественные приговоры и по фактическим данным, и по юридическим нормам. Четвертый Ангел вызывает своей чашей жгучее пламенение солнца и губительный зной для людей, особенно мучительный при отсутствии воды; но несчастные увидели здесь только враждебное для них вмешательство Бога и хулили Его вместо того, чтобы прославить Владыку сих язв и просить небесных милостей (XVI, 8–9). Тирания зверя и преклонение пред ним продолжались. Посему пятый Ангел выливает свою чашу прямо

на престол зверя (XVI, 10), который служил для приверженцев блистающим центром притяжения, а сейчас погас, и все царство зверя покрылось мраком, люди же, не имея возможности что-либо видеть и найти хотя бы суррогат для некоторого утоления своих болей, кусали от страданий свои языки и лишь хулили Бога небесного, нимало не раскаиваясь в своих делах (XVI, 11).

Предчувствуется окончательная брань. Шестой Ангел иссушает своей чашей великую реку Евфрат, почитавшуюся пределом для восточного богоборческого язычества, и освобождает простор для нечестивых царей от самого востока солнца (XVI, 12). Но те, конечно, понимали рискованность своего богопротивного предприятия, и для неистового возбуждения их приходит на помощь дракон, зверь и лжепророк, упоминавшийся и предполагавшийся раньше; из уст их вышли три нечистых духа, подобных жабам по своей омерзительности и сопутствующие демоническим наступлениям. Аналогично своим патронам, они творят знамения, и в этом ореоле выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя, допуская, что Он Сам открыто и громко возвестит Свою решительную войну всем нечестивым врагам (XVI, 15). Но Господь стоит у двери каждой души и благостно предупреждает, что идет неприметно, как тать. При таких условиях блаженным и внутренне довольным окажется лишь тот, кто бодрствует и хранит при себе одеяние свое, чтобы при неожиданности не оказаться, по растерянности, нагим, с открытой для всех срамотой (XVI, 15). И теперь именно Он созвал сплотившееся вражеское воинство к Себе на место, называемое по-еврейски Армагеддон (XVI, 16). Бесполезно его отыскивать топографически и мечтать по самым отдаленным мелким и случайным сопоставлениям: такого места для подобных операций история не упоминает, да и не может называть, поскольку оно вообще мыслится не просто в далеком будущем, но всецело в неизвестном, почему и само должно оставаться в неизвестности. Несомненно, однако, что оно предполагается в Палестине, как это естественно, потому что трактуется о нападении на народ Божий и, конечно, в сфере его

владений, куда, по иудейским верованиям, относились все эсхатологические события. Той порой седьмой Ангел выливает свою чашу прямо на воздух (XVI, 17), почему уничтожены и поражены все земные возможности. В этом смысле, из храма небесного, от самого престола Господа славы, раздается решительный суммирующий голос: «совершилось!» – в ознаменование того, что последние язвы уже проявлены и нельзя допускать новых, а следует лишь ожидать полного применения, со всеми актами и последствиями. Но это несомненно как неизбежное и соответственное дело по абсолютному слову Божию. При столь несомненном положении неминуемых окончательных катастроф естественны страшные мировые катаклизмы, с таким землетрясением, какого человечество не видало от начала своего бытия и о котором можно только вопиять, что оно невыразимо и несравнимо велико (XVI, 18). При этом распался на три части город великий, а это никакой другой, как Иерусалим, ставший духовно Содомом и Египтом (ср. XI, 8) и разделивший участь городов языческих. При этом не забыт и его первообраз во всемирном губителе, великом Вавилоне; за свои развратительные соблазны он должен достаточно хлебнуть из страшной чаши сокрушительной ярости Божией, которая одинаково коснется и центра, и периферии: острова куда-то скроются, как бы убегут, и гор не станет, все выровняется и исчезнет от верховного всегубительства. И на людей падал град величиной с талант, или около трех пудов каждая градина, а это вызвало тягчайшие поражения; нужно было допустить исключительные, особо наказуемые причины в самих страждущих субъектах, которые навлекали на себя столь страшные казни, но они воспринимали и соображали только жестокое действие и хулили Бога как карающего виновника по сравнению с создававшим и доставлявшим всякие потворства драконом, зверем и лжепророком (XVI, 19–21). Будучи привязаны всем бытием именно к последним, люди боялись погибнуть без них и остались нераскаянными в своей демонической приверженности.

Что могло ожидать это злосчастное поколение? Оно было осуждено принципиально и должно было пострадать, со всей конкретностью и полнотой. Один из семи Ангелов, имеющих семь губительных чаш, и показывает Тайнозрителю самый суд над блудницей, сидящей на водах многих (XVII, 1). Такое выражение не совсем ясно само по себе и может констатировать распространение властного влияния во многих водах и чрез водные пути. В древности они были более доступны и простирались гораздо дальше земных сообщений, которые были крайне ограничены известными районами, трудны для пользования и всегда находились под угрозой разбойников и грабителей, – а их страшная сила понятна и для нас даже теперь, хотя бы по примеру китайских бандитов (хунхузов), разрушающих целые поезда при наличии там охраняющей военной стражи. Правда, и на море поджидали не менее кровожадные корсары, но все-таки легче было предусмотреть их нападения, можно было лучше вооружиться и удобнее ускользнуть. В этом смысле перед нами и представляется предшественница новейшей владычицы морей, современной Англии, которая через свои морские связи захватывала почти все мировые континенты, извлекая оттуда бесчисленные блага и сбывая по всему свету продукты своего производства. Только в древности торговля была совсем иная. Тогда действовала великая блудница, которая достигла того, что с нею блудодействовали цари земные, а по их примеру и соблазну вином ее блудодеяния упивались живущие на земле (XVII, 2). Невозможно исторически отыскать нечто подобное с аналогичной приблизительностью, ибо морские народы (напр., финикияне) не отличались разумеемыми свойствами развратительного прельщения, да и само по себе совсем немыслимо отравляющее блудодейственное влияние в таких мировых размерах. Необходимо возвратиться к общему пониманию, а именно, что мыслится религиозная измена союзу с истинным Богом; а языческое нечестие, конечно, легче и дальше распространялось в мире по морским путям и связывалось с каждой частицей развозившегося товара, когда покупающие невольно говорили друг другу, что это оттуда, где

почитают того-то и так-то как покровителя известной производительности (по всеобщему в древности обычаю). Своим видением Ангел раскрывает главную беду человеческой гибели в изменническом языческом падении людей. Но при столь несомненном результате естественно спрашивается о самой возможности его, – и Ангел обнаруживает это, приведя Апокалиптика «в духе», или в состоянии духовного восхищения, в пустыню, где он видит жену, сидящую на звере багряном, преисполненном богохульными именами, с семью головами и десятью рогами (XVII, 3). Восседающая на столь зловещем престоле, эта жена показывала свою подлинную природу, как идущая чрез всецелое богохульство окончательных безбожнических интересов, со всей энергией разума и с огромной силой власти. Так ведь поступали сначала и продолжали всегда действовать язычники. То же видится и у женщины: она является в царственном величии порфириносной владельницы, а ее кровавое существо прикрывается блеском драгоценных обетований, якобы уже находящихся в ее золотой чаше, с соответственным несметным сокровищем, хотя фактически там были всякие пакости и нечистоты блудодействия (XVII, 4). Представляется непостижимым, чтобы такое величие было столь отвратительным по своей сущности. Посему и на челе значится (XVII, 5), что это есть тайна: как великий Вавилон мог подняться до царственной высоты, будучи лишь родоначальником и поставщиком продолжающих его блудниц со всеми земными мерзостями. Тем удивительнее, что жена до пресыщения упоена кровью святых членов христианского братства и верных свидетелей Христа, жертвующих за Него жизнью (XVII, 6). Это величайшее недоумение Тайнозрителя в отношении жены и зверя Ангел и разъясняет по-апокалиптически, не менее таинственно. Он говорит, что виденный (и теперь как будто исчезнувший из взора) зверь был, и его нет: такова его естественная судьба, и потому он снова выйдет, тоже из бездны, в оставшемся всеоружии бывшего могущества, но все-таки пойдет в гибель (XVII, 8), так как у него не имеется иного пути, кроме возврата к своему пагубному первоисточнику. Неизбежное, принципиально описанное течение

будет изумительно лишь для извергнутых из «книги жизни» демонических клеветов, которым непонятно, что зверь был с необъятным могуществом – и, однако, исчез, как мишурный обольститель, а потом явится, конечно, в прежнем блеске. Как возможны эти загадочные переходы, и какой в них смысл, когда тут все, по внешности, противостоит и иррационально? Очевидно, что в столь величественной игре должен быть особый скрытый «разум», вроде как механический процесс материалистического развития, непостижимый по внутреннему ходу и идейному прогрессу, по гегелианскому закону положения, противоположения и примирения, с постепенным нарастанием последовательных приобретений. Нечто аналогичное имеем и в настоящем случае, в том, что он таит ум с мудрыми – по замыслам – планами: ведь семь голов зверя, на которых сидит жена, суть семь гор (XVII, 9). Но ранее (XVII, 1) было сказано, что она сидит на водах многих. При конкретном понимании здесь никакое примирение или соглашение немыслимы. Требуется фигуральное разъяснение по духовному знаменованию. С этой стороны, горы символизируют крепчайшие опоры, которые, судя по числу семь, всесовершенны. А они заключаются в возвышенной миродержавной царственности, неограниченной и несокрушимой – по той же арифметике, но натуральной, земной и эссенциально-тленной: после пяти падших царей уже царствует шестой, однако это лишь предшественник решительной гибели, потому что седьмому не долго быть (XVII, 10). Такова эфемерная энергия блудодейственной прельстительности той жены, которая, при подобной внутренней непрочности, не может быть обеспеченной и во внешнем могуществе. Ему всецело служил зверь, который был и которого нет; но это уже восьмой, как излишний, агент, привходящий к одинаковой полноте семи сходственных элементов, и потому он неизбежно погибнет (XVII, 11). Правда, у зверя десять рогов, свидетельствующих об огромной распространенности его повсюдной силы, но ведь обозначенных десяти царей фактически еще не было, и они теоретически допускались лишь по обманчивому убеждению в абсолютности звериной власти.

Реального фундамента для торжества нет, и оно может быть лишь мимолетным – на час (XVII, 12), хотя и одновременным. Это – многочисленные вспышки, разбросанные по разным странам и равномерно сияющие, но без собственной опоры, блистающие только со зверем и в результате исчезающие в нем, как его послушные факторы. В таком качестве они станут ратоборствовать против Агнца и будут побеждены, ибо Агнец есть Господь над всеми господами и Царь над всеми царями и, естественно, не может иметь никаких соперников, а приверженцы Агнции суть призванные и избранные, – следовательно, несомненны и по высшему решению, и по собственным достоинствам (XVII, 13–14). Эта крепость неприступна и неуязвима. С другой стороны, воды, на которых сидит блудница, суть люди, народы, племена и языки в рассеянных по вселенной языческих массах. Последние покорны рабски, пока чувствуют над собой деспотическую силу десяти рогов, а таковые, в лице символизируемых ими десяти царей, должны исчезнуть в самом звере (ср.: XVII, 13) и в свое время постигнуть, что служили жене напрасно, по роковому ее соблазну, – почему разъярятся, разорят ее, обнажат на жалкое посмешище и истребительное разложение и в конце концов сожгут до бесследного исчезновения (XVII, 16). Это будет по воле Бога, во исполнение Его единого неизменного решения о передаче всего царства самому зверю женой-блудницей, которая представляет великий город, царствующий над земными царями (XVII 17–18). Ранее (XVII, 5) говорилось, что на челе жены было написано: *«Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным»*. Отнести все это к Вавилону историческому или его повторению – едва ли возможно при всяких напряжениях, и мы опять должны возвратиться к принципиальному толкованию в смысле всеобщего генетического центра для всемирного языческого прелюбодейства отпадений от христианской светлости в самый постыдный мрак всевозможного извращения в помыслах, словах и делах. Все это понимание достаточно отвлеченно и не конкретно, но вполне подходит ко всем предшествующим образам в речи о суде над великой блудницей. Именно здесь мы

должны с абсолютностью согласиться, что никакие фактические сближения просто невозможны и неприемлемы для обыкновенного здравого смысла, ибо тогда, действительно, темные и таинственные фразы апокалиптического текста оказываются прямо странными, невероятными и нелепыми (напр., в том, что зверь есть восьмой из числа семи, XVII, 11). Все экзегетические и критические ухищрения не в состоянии устранить той универсальной истины, что нельзя разъяснить и спасти непонятное превращением его в наглядную абсурдность, которая всегда бывает изобличением внутреннего бессмыслия. Надо примириться с тем, что в разумеемой сфере мы не видим даже зеркалом в гадании (1Кор. 13:12) и должны довольствоваться общим научением, чтобы готовиться к самой действительности и проникать верой в неведомую тайну божественного миропромышления. И вот в этом отношении мы получили, что земные антихристианские бойцы отступают безвозвратно, и выходит на бой сам их вдохновитель и вождь – зверь, со всем своим богохульным аппаратом.

Что же это предвещает в историческом применении? Тайнозритель созерцает (XVIII, 1) сходящего с неба Ангела великой силы и такой сияющей яркости, что от славы его осветилась вся земля. При этом громогласно провозглашается, что Вавилон как всесветная блудница не только пал, но уже стал прибежищем для всякой демонической, отвратительной нечисти (XVIII, 2). Его всемирно-развращающая роль кончилась, и он опустел и загдох за отвращением пресыщенных развратников и неизбежным исчезновением богатевших посредников (XVIII, 3). Все дошло до последнего погибельного края, требующего только предостережения насчет смертельной опасности. Иной голос с неба – видимо, Самого Бога – приглашает, чтобы Его народ, в составе всех званых и избранных, вышел из этой проклятой сферы, дабы по своему присутствию там не попасть под удары обрушивающихся на нее язв за грехи, дошедшие до неба и вызвавшие божественный гнев (XVIII, 4–5). Наоборот, нужно со своей стороны идти навстречу карающему суду Божию. Следует рассчитаться с блудницей вдвое и угостить тоже вдвое (XVIII, 6). Это – не акт

злой мстительности, не свойственной никому из заинтересованных действующих лиц формулированной заповеди, а необходимое свойство самого суда, который не может быть попустительно-соизволяющим и должен быть справедливым в своих воздаяниях. Но последние всегда таковы, что совершенное неисправимое зло не просто привлекается к ответственности за свои деяния. Этого мало, потому что оно все-таки сохранило бы тогда свою губительную энергичность, хотя бы в отношении других. Посему необходимо уничтожить его самого для совершенного избавления всех. Демоническая блудница долго пользовалась крайним терпением, однако от этого нисколько не образумилась и лишь ожесточилась в своей сатанинской самонадеянности (XVIII, 7). Прежняя царственность владычества и преклонения сменится крайним уничтожением и отвращением. Суд Божий всеми казнями посылается на нее (XVIII, 8), и прежние приверженцы по разным блудодейственным интересам будут скорбеть единственно о том, что столь великий и неподобный город опустел в один час (ср. XVIII, 19), лишив их и наживы, и всех удовольствий, для которых он располагал деспотически даже и телами и душами человеческими (οὐδεὶς ἀγοράζει οὐκέτι... καὶ σωματῶν, καὶ ψυχὰς ἀνθρώπων)⁹⁰ с люпанарной сквернодейственностью и безумной, скотской готовностью (XVIII, 9–13 и сл.). *Suum cuique* это неизбежный закон и моральное удовлетворение. Последнее тем возвышеннее и шире, чем огромное по силе и размерам самый суд, который в данном случае захватил все пререкаемые отношения земного противоборства с небесной христианственностью. Этот предмет спора между обеими сторонами порешен окончательно к торжеству неба и к радости приготавливавших к нему святых Апостолов и возвещавших необходимые следствия христианских пророков (XVIII, 20).

Все совершилось вполне и безвозвратно, во свидетельство чего сильный Ангел сбрасывает в море большой камень с грозным приговором Вавилону, где не будет уже никакой жизни, ибо раскрылось, что все народы были просто введены в заблуждение и очарованы разным волхвовством (XVIII, 21–23),

имевшим огромное религиозное применение для физически-магического воздействия на божества (ср.: Гал. 5:20). В самом городе была найдена кровь предвестников Божиих, святых членов Церкви Христовой и всех убитых на земле (XVIII, 24) по этим антихристианским мотивам, как и вообще в древности широко распространялись и практиковались человекоубийства даже ради чисто религиозных потребностей (в человеческих жертвоприношениях). В рассматриваемом нами случае все это совершилось по антихристианскому богоборчеству, принципиально нетерпимому, и наполнило самый центр, до края, мученической кровью, которая, естественно, вопияла к небу и взывала к возмездию, по крайней мере, прекращением бесовской активности. С этой стороны, конечный приговор абсолютного осуждения является неизбежным и справедливым, но в подготовительном течении встречаются некоторые существенные неясности. Речь идет о заслуженной гибели злочестивого и богохульного Вавилона, – но она рисуется не просто длительной, а и крайне непоследовательной процессуально. Уже много раньше было удостоверено Ангелом (XIV, 8), что *«пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы»*. Далее читаем менее определенное свидетельство (XVI, 19), что *«и Вавилон великий воспомянут пред Господом, чтобы дать ему чашу ярости гнева Его»*. По всей видимости, воспоминание Божие в том и состояло фактически, что грозная чаша была теперь выпита со всем содержанием и действием, так как город великий распался на три части и города языческие пали. Значит, предшествующее заявление было несколько преждевременным. Потом показывается суд над великой блудницей (XVII, 1), имеющей на себе надписание *«Вавилон великий»* (XVII, 5) и символизирующей *«великий город, царствующий над земными царями»* (XVII, 18): ее приспешники *«возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне»* (XVII, 16). Тут утверждается уже нечто будущее, пока только еще предполагаемое к непременно осуществлению, а никак не что-либо минувшее или происходящее. Наконец, сильный Ангел, повергший в море

большой камень, решительно констатирует (XVIII, 21), что «с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его» (Οὕτως ὀρμήματι βληθήσεται Βαβυλὼν ἡ μεγάλη πόλις, καὶ οὐ μὴ εὕρεθῇ ἔτι.), – но пока еще есть и его можно отыскать. Во всех этих категорических свидетельствах, одинаково обладающих небесной авторитетностью, замечается немалое взаимное несоответствие, граничащее чуть не с прямым противоречием. Последнее трудно допустить, для здоровой головы, в последовательном рассказе об общем для него предмете, который просто лишь констатируется при непосредственном наблюдении. Отсюда возникают ожесточенные попытки устранить этот вопиющий дефект, принимая, что писал не один человек, а отдельные фрагменты были слиты вместе без малейшего соображения с их фактическими данными и... с обычным повсюдным смыслом. То же получается при догадке о разных первоисточниках для разнородных показаний или с путаницей авторских листов, вопреки их правильному расположению. По сему поводу создаются многочисленные реконструкции, поражающие беспримерным упорством, возможно, научного построения, но ничуть даже не остроумные по самому замыслу. Пусть будет несомненна обсуждаемая дисгармония, – однако сам писатель или позднейший собиратель, намеренно стремившийся к рациональному систематизированию материала, – неужели не понимали различия между «было», «есть» и «будет» и сознательно поставили прошедшее «пал» раньше грядущего «будет повержен»? Ведь подобные абсурды допустимы разве у ненормального субъекта, а никто не считает таковым Апокалиптика, который, напротив, отличается тонкой и рассудительной рассчитанностью в употреблении глагольных форм, например, в отношении к Господу Богу: Который есть ὁ ὢν καὶ ὁ ἦν καὶ ὁ ἐρχόμενος (I, 8). Церковь, правда, не благословила Апокалипсис для общецерковного чтения, но знала то, что защищала от ранних нападений даже внутри ее самой и одобрила вопреки объективно-авторитетным возражениям, для нее не менее веским и важным, чем позднейшие критические атаки. Разве обе стороны не могли

заметить очевиднейших диссонансов, а Церковь не сумела сгладить и устранить их, хотя бы специальными научными трудами своих писателей? При таких условиях мы обязаны согласиться решительно, что в Апокалипсисе не предполагалось инкриминируемых противоречий, а усматривалась достаточная внутренняя солидарность. Можно ли найти примирение на этом пути, который, во всяком случае, должен быть исследован прежде всего, потому что нельзя рекомендовать разные радикальные ремонты без наличия неисправностей. Действительно ли последние – и в какой степени – налицо? Нам сообщается (XVI, 19), что «*Вавилон великий воспомянут пред Господом*» (ἐμνήσθη ἐνώπιον τοῦ Θεοῦ). Значит, уже до этого с ним было дело, пока отложенное и как бы преданное забвению. Посему между двумя свидетельствами – не механическая коллизия, а взаимная связь предположения вторым первого. Выражено это не совсем обычно для нашего сознания, но Библия свободно говорит и о забвении (Пс. 9:13, 19, 33, 12:2, 76:10; Ис. 40:27, 49:14; Иер. 23:39; Ам. 8:7; Плач. 5:20; Ос. 4:6), и о воспоминании (Быт. 8:1, 19:29, 30:22; Исх. 2:24; 1Цар. 1:19, 15:2; Иов. 14:13; Пс. 97:3, 108:14; Иер. 44:21; Плач. 5:1; Апок. 18:5) Божиим для антропоморфического оттенения той идеи, что тягостное для людей определение Божие как бы забывается по верховному снисхождению ради исправления и спасения человеческого, а за отсутствием ожидавшегося раскаяния и улучшения – воспоминается и приводится в действие. Эта разница между принципиально несомненным тезисом и его обусловленным фактическим применением принимается и для разбираемого случая у св. Андрея Кесарийского о Вавилонской каузе ὥς ἐκ ληθῆς διὰ μακροθυμίας εἰς μνήμην ἐλθούσης. И нельзя не видеть, что в словах о падении Вавилона (XIV, 8) упоминается лишь о наступившем суде (XII, 7) и нимало не утверждается его прямой реализации, которая для зверопоклонников относится к будущему (XIV, 10–11). Ясно, что предрешенное осуществление откладывается для второстепенных факторов, но этого не могло быть при немедленной активности центральных причин. Посему и в последних должна быть известная задержка. Тогда дальше

мы обязаны ожидать ее устранения и сопутствующего приступа к фактическому применению. Но если принципиальное определение может быть приостановлено, то осуществление, по необходимости, становится постепенным, так как, будучи мгновенным, оно повело бы только к моментальному всеобщему уничтожению, хотя, не менее своего производителя, оно должно быть сколько справедливым и карающим, столько же благодетельным и вразумляющим. Во всяком случае, формулируется (XVI, 19) несколько неопределенно, что *«Вавилон воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его»*. Воспоминание делается ради упоения и фактически исчерпывается им, но тут ничуть не подчеркивается, что это будет немедленно и все сразу. Напротив, отмечается, что готовые чаши гнева Божия ниспосылались на землю (XVI, 1) с известной последовательностью (XVI, 3, 4, 8, 12, 17) и не скоро обрушились на самый престол зверя (XVI, 10). Должна была совершиться некоторая предварительная работа, чтобы падали поддерживающие подпоры в систематическом порядке и, наконец, валился самый верх. И это было тем более неизбежно, что поражаемые противились, хулили Всевышнего и совсем не вразумлялись (XVI, 9), а милосердие Божие безмерно и до самого крайнего конца искало спасительного раскаяния (XVI, 11). Наряду с этим возникали новые вражеские помощники, не очень долголетние по своему владычеству, но сплоченные совершенным единомыслием, непреклонной решительностью и царственной властью (XVII, 12–14). С другой стороны, и развитие зла требовало предварений (XVI, 12) и должно было идти в обосновывающей прогрессии, дабы открывалось для всех с ясностью, что мировой кризис протекает обусловленно, ответственно и необходимо, как неотвратимый результат того, что погибающие обольщаются за отвержение спасительной истины, за преданность лжи и неправде (2Фес. 2:10–12). Все это должно задерживать процесс, связанный земными отношениями, до тех пор, пока он не окажется достигшим такой степени, что произойдет окончательное и безвозвратное разрушение и всецелое истребление всякого зла, со всеми проявлениями и разветвлениями.

Мне кажется, что подобное толкование вполне рационально и достаточно устраняет главнейшие трудности, которых мы не можем не ожидать в чисто и строго апокалиптическом изображении неведомого будущего, где так непостижимо переплетается небесное с земным и отражается в последнем с вынужденными отклонениями, замедлениями и повторениями, чтобы не стать деспотическим и насильственным, противным человеческой свободе и Божественной благодати. Это понимание, во всяком случае, проще и приемлемее всех критических экспериментов и фантазий и дороже для подлинной науки, ибо удовлетворительно объясняет и резонно охраняет для нее драгоценные памятники христианской действительности в вере и надежде. Оно лишь утверждает то, что ожидается и непременно должно случиться.

Начинается последняя борьба, а обе стороны не чувствуют себя обессиленными и раздавленными. Необходимо предполагается длительность сражения со всяческими перипетиями, которые неизбежны и даже естественны, когда процесс происходит в земной обстановке, при строгой сообразности с ее ограниченностью и моральными законами возмездия. Этого требуют и правда человеческая, и милость Божия. Разумеется, уже очевидны неравенство сил и вероятность исхода, но в эти именно моменты борьба и бывает более затяжной и напряженной по упорству слабейшего, которому нечего терять и все равно погибать, – но только не трусливым рабом и жалким изменником, а гордо, с мечом в руках. Особенно это естественно при столкновении столь крайних противоположностей – абсолютного добра и принципиального зла – в споре за обладание условными и колеблющимися величинами, которые своим участием вносят свойственную смуту и хаотическую осложненность. Если бы беспредельно осуществлялась сразу беспощадная воля Божия, то все исчерпано было бы немедленно, но поскольку это устроялось среди и ради ограниченных разумных существ, то тут акт ожидания непременно должен быть медлительным, если и самое искупление тянулось долгое время. Надо было использовать все спасительные пути и никого не оставить без

доступных возможностей – даже дьявола, который, рассуждая теоретически, мог бы внутренним преображением чрез покаяние возвратиться на небо, откуда низринулся по своему антибожественному настроению.

Если все предшествующее вероятно, то мы получаем, что дело дошло до конечной черты и дальше двигаться нѣкуда и нѣкому. Все враждебные стихии обезврежены и уничтожены, и остается лишь один Вечный Бог в Своем праведном человеколюбном суде, наказующем зло и восстанавливающим царственное добро. Это уже безграничный триумф торжествующего Собора и Церкви первенцев, написанных на небесах, при сыновнем единении с Судиею всех Богом (ср.: Евр. 12:23). Ничего больше теперь не требуется и не ожидается. Конец скорбям и гибель гонящим, победа добра и радость страждущих! Нормально, что за сим слышится Апокалиптику громкий голос как бы многочисленного ликующего народа, возглашающего победный священный клич «Аллилуйя», молитвенно воспеваемый небожителями и, конечно, прежде всего ангельскими воинствами небесными. Созерцая это непредвиденное, вполне величайшее таинство всемирного избавления, они восхваляют совершенное спасение, превозносят славу, величают и воспевают честь и силу Господа как своего Владыки, царствующего над всеми ангельскими чинами с божественным превосходством (XIX, 1). Это – не просто восторг от победы и разгрома, ибо суды Божии фактически вынуждены и юридически праведны, поскольку осуждена великая и неисправимая блудница, растлившая всю вселенную своим любодейством богоотвержения, и поскольку взыскана мученическая кровь рабов Божиих. Посему во второй раз возглашается «Аллилуйя», а дым сожигаемой преступницы будет восходить во веки веков, поскольку она воплощала и олицетворяла принцип вечного и неизменного зла (XIX, 2–3). К сему возглашению присоединяются двадцать четыре старца, Церковь спасенных и четыре **выразителя жизненной мощи во вселенной, и кланяются Богу вседержителю с тем же исповеданием «Аллилуйя», которое безусловно истинно: «Аминь».** Одинаковое подтверждение раздается и от

престола Божия: ныне все рабы Господа и боящиеся Его, искони преданные и позднее привзошедшие, великие и малые, должны восхвалять Бога, Который является нашим для говорящего (вместе с приглашаемыми) и, следовательно, соприсущего величию Божью Ангела. Наряду с этим разносится голос как бы многочисленного народа, как бы каскад многих вод и треск громов сильных, с торжественным воззванием «Аллилуйя», на том основании, что уже «воцарился Господь Бог наш Вседержитель» (XIX, 4).⁹¹ Теперь царство Божие стало действительностью нашего обладания и дает о сем знать достойным его гражданам в лице прославленных членов торжествующей Церкви. Для них, чрез победу Христову, сделался собственным уже Сам Всевышний Бог, потому что Он – Вседержитель, Великий в творении, промыслении и достижении окончательного триумфа в деле Христовом, так как последнее было и истинно Божиим по божественному единству Его Совершителя. Поэтому все и приглашаются (XIX, 7) внутренне радоваться и внешне веселиться в соответственных проявлениях, воздавая славу Богу, всегда Преславному и Достойному вечных восхвалений, в частности и за то, что брак Агнца-Христа наступил фактически, ибо невеста приготовлена разделить этот брачный союз и облечена в светлый виссон, сияющий своей незапятнанной чистотой. Это – просто тонкий лен, но в данном случае – праведность святых (XIX, 8: τὸ ὑὰρ βύσσινον τὰ δικάϊώματα τῶν ἁγίων ἐστίν). Следовательно, жена окружена этими святыми столь близко и плотно, как одежда облегает человеческое тело. Ясно, что они ближайшие ее члены, всецело прилепившиеся к ней в достоинстве Невесты Христовой, уже уготованной своему Небесному Жениху и соответствующей Ему своей неомраченной яркостью. Эта чистота Церкви переносится на всех прославленных христиан и, очевидно, должна состоять в церковном совершенстве. Последнее будет точной реализацией всех обязательных для сего норм, которые в своем осуществлении оказываются точными воплощениями. В этом случае, царствующая в Церкви правда Божия, необходимая в нас по самому оправданию

нашему, переходит в праведную религиозно-нравственную практику, и выражается в τὰ δίκαιώματα, или в праведных делах. В смысле объективных актов, это не раскрыто во всей глубине и широте, и мы не много слышим о специальных праведных деяниях со стороны «святых». Но они были непреклонны в своей самоотверженной вере и абсолютной преданности ей до исповедничества и мученичества. Здесь – источник всякой праведной деятельности христианской, во всех конкретных отражениях, ибо они там уже содержатся динамически и правильно называются для успокоения христианской совести, которая должна искать не только обилия праведных актов и подвигов, а наипаче сокровенной глубины непоколебимой и чистой веры, не омраченной никакими посторонними примешениями. В этом смысле и сказано Апокалиптику (XIX, 9), внушено его Ангелом-руководителем (XVII, 1, 3, 7, 15), что блаженны все подобные лица, которые, будучи призваны на брачную вечерю Агнца, испытывают внутреннее удовлетворение и внешнее торжество. Это касается всех таковых служителей Христовых и бывает увенчанием их предшествующего подвижничества, не предвещавшего столь сладостный конец. Последний является, по-человечески, несколько неожиданным, но совершенно несомненным и потому требовал высшего удостоверения для всей земной скорбной борьбы и заключительного радостного результата. Ради сего Ангел и прибавляет верховную санкцию, что все эти слова, раздававшиеся на протяжении всех небесных видений и откровений – суть слова Божии, истинные (Οὗτοι οἱ λόγοι ἀληθινοὶ τοῦ Θεοῦ εἰσιν), которые передают фактически бывшие божественные речения и воспроизводят их со всей безупречной точностью. Чрез Ангела говорит как бы Сам Вседержитель, и со стороны содержания тут нет ни малейшего различия. Если здесь не Сам Бог, то, несомненно, Его вестник, ближайший и доверенный. Объятый этой великой мыслью, сладостной и страшной, Тайнозритель невольно падает к ногам Ангела в чувстве религиозного почитания (ἐπεσα ἔμπροσθεν τῶν ποδῶν αὐτοῦ προσκυνῆσαι αὐτόν, XIX, 10 ср.: XXII, 8). Это ничуть не было обожением тварного существа, а лишь воздаянием в лице

его чести Самому Богу. Но Ангел не мог принять этого, поскольку ему усвоилось единственно и исключительно принадлежащее Богу (ср.: I, 17; V, 8, 14; VII, 1; XI, 16; XIX, 4). Тут было безусловное преувеличение с недопустимым забвением Первоисточника всякого бытия и всего происходящего в мире. Естественно, что Ангел предупреждает, чтобы Апокалиптик был внимателен и соображал некоторую принципиальную недозволительность: ему, Ангелу, оказывается как бы божеское почтение, но фактически он, вместе со всеми совершающими, есть сослужитель всему обществу христианскому и каждому его члену. У всех их один Господь, а все они – лишь рабы Господни. Между ними не только связь равного механического порабощения, не предполагающего никакого внутреннего сродства, – напротив, преобладает именно последнее, почему у них и существует реальное взаимное братство, которое вовсе не исчерпывается простым наименованием, напр. «христианин». Оно во всех должно быть столько же реально, сколько и самое реальное братство, образуемое уподоблением всех друг другу. Независимо это не может быть достигнуто ими самими и по необходимости требует сплочающего начала в третьей, господствующей величине. А раз перед нами – христиане, то и примиряющий фактор непременно будет во Христе.

И вот с этой стороны констатируется, что все они имеют свидетельство Иисусово (XIX, 10: σύνδουλός σου εἰμι καὶ τῶν ἀδελφῶν σου τῶν ἔχόντων τὴν μαρτυρίαν Ἰησοῦ). Для реального звания таковое может быть строго реальным, не менее действительным фактически, чем самое братство, а для удостоверяющего акта в отношении братского положения тех или других лиц необходимо, чтобы искомое свидетельство реально давалось ими самими, а не получалось от вне, хотя бы и справедливо. Это уже дальнейший неизбежный момент, что братья признаются в этом состоянии общим для них Отцом, пока же нужно фактическое доказательство каждым своего одинакового христианского братства со всеми христианами. В таком случае, это – не свидетельство Иисуса о них, а, наоборот, свидетельство со стороны всякого верующего в пользу Иисуса и

равной для всех принадлежности Ему. Отсюда понятно и употребление имени Иисуса, которое напоминает нам о совершенном на земле искуплении людей и обязывает всех искупленных к сходному с Искупителем свидетельству в Его Духе и силе, т.е. непреклонному, даже до запечатления смертью. Но искупительно-мученическое свидетельство Иисуса было ради Бога и во исполнение воли Отчей, а потому все искупленные, братски объединяясь во Христе с Всевышним, должны исповедывать своим христианским поведением Господа Вседержителя как Первовиновника и Первоисточника их христианского, благодатно-братского бытия. Для сего Ангел и внушает Тайнозрителю: «Богу поклонись» (τῷ Θεῷ προσκύνῃς) и Ему всегда оказывай религиозное почитание соответствующими религиозными обнаружениями (ср. IV, 10; V 14; VII, 11; XI, 16; XIV, 7; XV, 4; XIX, 4, 10). Понятное по предшествующему, такое достоинство свидетельства Иисусова у христиан оправдывается и самым его фактическим характером: ἡ γὰρ μαρτυρία Ἰησοῦ ἐστὶν τὸ πνεῦμα τῆς προφητείας. Здесь лежит объективная причина (γὰρ) для формулированного вывода о поклонении только Единому Господу Богу. Но, видимо, это не было ясно само по себе, если вызвало некоторое недоразумение со стороны Апокалиптика, допущенного до созерцания величайших тайн Божиих. Значит, надо было раскрыть эту истину по живому, несомненному для всех, акту. А он состоял в том, что каждый верующий приносил свое свидетельство ради Христа и за Христа всей преданной жизнью, иногда (и даже у многих) увенчивающейся исповедничеством и мученичеством. Ограничиваясь этим простым наблюдением, мы должны бы принять, что тут констатируется лишь принадлежность Христу, пожалуй, как бы некоторое слияние с Ним по искупительному подвигу.

Однако мы нашли, что в этом подвиге скрывается нечто большее и высшее, уносящее нас к самому Богу, связующего каждого христианина с Ним по основной первопричине самого христианского бытия во всем его исключительном достоинстве. Тем не менее ничего подобного непосредственно не усматривается в самом явлении, и потому потребно особое

проникновение в реальную действительность с высшим, духовным усмотрением.

Последнее называется (XIX, 10) пророческим потому, что оно предвидит и предсказывает будущие факты, которые только тогда, в свое время, окажутся для всех очевидными, а пока могут созерцаться лишь духовным прозрением вдохновенного пророческого устремления. Это несомненно с самого начального примера в первомученике Стефане, который, *«будучи исполнен Духа Святого, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога»* (Деян. 7:55–56). И все христиане, по существу, ходят верою, а не видением (2Кор. 5:7), не имея здесь пребывающего града, но взыскую грядущего (Евр. 13:14) по пророческому откровению им и в них. Так, все земное чрез Христа в Духе было возведено к Богу и нашло в Нем совершенное примирение брачного союза с достойной Его невестой – Церковью святых. Это будет уже торжество, обеспеченной в царстве Бога и Отца христианской славы, благовестие о которой и дается в последней, третьей части Апокалипсиса (гл. XIX, 11 – XXII, 5), перед заключением его (гл. XXII, 6–20).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТОРЖЕСТВО ОБЕСПЕЧЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ СЛАВЫ В ВЕЧНОМ ЦАРСТВЕ БОГА И ОТЦА

Горизонт совсем очистился и все на нем стало ясно. Апокалиптик увидел отверстое небо, открытое для прямого наблюдения (XIX, 11), и там усматривает коня белого и сидящего на нем. Первое показывает, что единственным двигателем является теперь совершенная чистота в мотивах, влечениях, средствах и процессах. Это, конечно, относится и к сидящему, но о нем специально сказано, что у него название Πιὸς καὶ Ἀληθινός. Всадник верен, и на него во всем можно положиться, что сам он тверд в своей вере и, значит, верен по своему достоинству абсолютно и принципиально. Наше отношение доверия к нему обуславливается исключительно тем, что в нем несомненно всецелая и исключительная верность себе. Вместе с этим тут бесспорна и безупречная истинность полного соответствия у него фактического с идеальным, бывающего с должным. Это ярко раскрылось и во всей мировой истории, где Господь судил всегда и всех в обладании и применении всецелой правды (ἐν δίκαιουσύνῃ). По нормам беспристрастной справедливости, Он воинственно защищал только правое дело с неуклонностью Своей веры в окончательное воссияние добра. Очи у Него как пламень огненный – всюду проникают и все негодное пополают, и потому на голове Его много победных диадем за царственные подвиги. В результате у Него, естественно, и достойное имя, которое совмещало бы и выражало все свойственные возможности. Разумеется, такое необходимо предполагается для реального существа, настолько возвышенного, что даже картинное изображение судов Божиих в мире является таинственным и непроницаемым. Тем более все это неизбежно в отношении центральной личности и всех ее ослепительных излучений. Ее нам нельзя ни объять, ни понять, ни даже воспринять, если мы не можем смотреть на все яркое, горячее и пламенеющее. Очевидно, лишь Сам этот Primum movens знает Себя, Свои силы и доступные им возможности (XIX, 12). Это «имя

написано» должно было выражать Царственного Судию во всех действиях, но раз последние были непостижимы, то естественно, что название оставалось для людей неведомым, как своего рода эсхатологическая «тетраграмма» христианская, о которой нам известно только то, к Кому она относится. При этом Верный и Истинный рисуется нам облеченным в обгащенную кровью одежду. И тут (XIX, 13) дается *«имя Ему: Слово Божие»*, Христос выступает теперь исключительно как Икупитель, принесший Себя Богу кровавою жертвой. О ней дозволительно было думать, что она спасительна, однако не беспредельна, а ограничена жертвенным величием человеческой крови по сравнению с животною, т.е. по степени хотя бы и превосходной, но не безусловной. Поэтому и свидетельствуется точным наименованием, что это есть *«Слово Божие»*. Не думаю, чтобы так было сказано в техническом смысле выпененной Иоанновской логологии, едва ли тогда для всех читателей Апокалипсиса доступной, если даже и ясной самому описателю происходящего видения. Разумеется, он мог прилагать к нему свои избранные теологические термины, но было бы неосновательно употреблять их без соображения с восприимлющей средой. А внимание к ней заставляет решительно утверждать лишь одно – что тут собственная и специальная речь Самого Бога (Ὁ Λόγος τοῦ Θεοῦ), перешедшая в реальную действительность искупления совершенно так же, как начальное творческое *«да будет»* воплотилось в творении. Если в последнем случае изрекающим был Бог, то в первом мы, по аналогичности, должны принять эссенциальное Божественное Существо, хотя не в состоянии постигнуть Его и прямо обозначить. Тут не противоречие, а, скорее, истинная гармония, – что во Христе-Икупителе мы обязаны видеть неопишваемое и неизобразимое Божество.

За Ним следовали небесные воинства, руководимые благими намерениями свойственной им чистоты (XIX, 14), а Он Сам, пасущий разгромленные остатки уже не жезлом пастырским, но железным, поражает их по силе вынужденной ярости Вседержителя (XIX, 15) с таким успехом, что на одежде и на бедре украшен был надписаниями: *«Царь царствующих и*

Господь господствующих» (XIX, 16), как возобладавший над всеми властителями.

Дальше Апокалиптик видит Ангела, стоящего уже на самом солнце, и с этого центрального пункта мировой жизни назирающего всю Вселенную. Ангел созывает всех птиц небесных на великую вечерю Божию, уготованную Богом из трупов воителей и лошадей после окончательной битвы со зверем и лжепророком, причем они *«оба живые брошены в озеро огненное, горящее серой»*, а вся прочая многочисленная свита убита мечом, исходящим из уст Сидящего на коне (XIX, 17–21). Осталось немного для ликвидации вспышек, которые всегда являются наследием старого порядка после его упразднения. Сохранялся еще *«дракон, змей Древний, который есть Дьявол и Сатана»* (XX, 2). И сошедший с неба Ангел, имевший ключ от бездны и большую цепь в руке (XX, 1), сковал его и заключил в преисподнюю, чтобы он не прельщал народы, на тысячу лет, а после того был бы освобожден на малое время (XX, 3). Тут цифры, разумеется, условные и символические, и тысяча, по контрасту с малым числом, означает лишь великое множество в продолжение времени весьма и весьма длинного, но все-таки ограниченного предрешенным пределом. Поэтому и вообще нельзя говорить о каком-либо хронологическом тысячелетии, ибо речь идет просто о безмерной протяженности. Тогда все, пострадавшие за Имя, веру и исповедание Господа Спасителя, и неизменные в своей приверженности Ему, ожили и царствовали со Христом тысячу лет; прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится названная тысяча лет (XX, 5). Это – первое воскресение, тем более важное, что все участники его, будучи внутренне уже блаженными и всецело светлыми по существу, избавлены от смерти второй, которая не имеет над ними власти; они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним (*καὶ βασιλεύσουσιν μετ’ αὐτοῦ*) тысячу лет (XX, 4–6).

Как это понять и представить в приемлемой форме? Первое воскресение, очевидно, предполагает и соответствующую, тоже первую, смерть. Но в ней продолжают пребывать прочие из умерших, которые не ожили (XX, 5: *οἱ*

λοιποὶ τῶν νεκρῶν οὐκ ἔζησαν ἄχρι τελεσθῆ τὰ χίλια ἔτη) как вышеназванные праведники, почему о последних надо думать, что они были в одинаковом состоянии и, следовательно, все находились в равном положении посмертного бытия по причине неизбежной для всех физической смерти. Термин «прочие» (οἱ λοιποὶ) в таких комбинациях всегда означает однородность по общей для разумеемых членов категории, например, «прочие от семени жены» (XII, 17: μετὰ τῶν λοιπῶν τοῦ σπέρματος αὐτῆς) или «прочие», кроме брошенных в озеро огненное зверя и лжепророка, но из их приверженцев и с равными качествами, потому что и они убиты мечом Сидящего на коне (XIX, 21). Ясно, что и там мыслятся тождественные субъекты с одинаковой для всех земной участью, а это, несомненно, есть смерть общечеловеческая или физическая, от которой никому из земнородных избавиться нельзя. Но судьба людей может быть разной. В этом убеждении утверждают и слова Апокалиптика о «смерти второй». О ней раньше сказано Ангелу Смирнской церкви (II, 11), что *«побеждающий не потерпит вреда от смерти второй»*, а первая, очевидно, свидетельствуется неизбежной и для нее, как гласят все данные Апокалипсиса о воинствующих праведниках, которые умирают не просто, но чаще всего – мучительной смертью. С внешней стороны земная судьба праведных ничуть не лучше, чем у грешников, но зато над ними смерть эта не обладает всецело и безгранично, ибо они будут жить со Христом (ср.: Рим. 6:8–9) в блаженном фактическом единении с Ним, совершенно бесспорно и не требуя для сего нового испытания. Они сидят на престолах как судьи, которым уже дано судить (XX, 4), только, конечно, из среды однородных с ними, как на земле непристойно было судиться у нечестивых, а не у своих, ибо всем должно знать, что святые будут судить мир (1Кор. 6:1–2). Апостолы уже имеют судить, вместе с прославленным Христом, двенадцать колен Израилевых (Мф. 19:28). Воскресшие облачаются такой властью при соцарствовании с Господом, когда явятся священниками Его, наравне с Богом (XX, 6), по равенству Отца и Спасителя-Сына, вполне достойными и способными для столь высоких функций – соработников Божиих активному служению Христу

как Владыке Вселенной⁹². Бесспорно, что эта честь не предоставляется для второй категории умерших, и в этом смысле они не сподобяются первого воскресения, и потому они подлежат возможности смерти второй. Но не говорится и того, что она непременно их постигнет со всей губительностью. Напротив, фраза (XX, 5) гласит только, что οἱ λοιποὶ τῶν νεκρῶν οὐκ ἐζησαν ἄχρι τελεσθῆ τὰ χίλια ἔτη. Тут назван точный предел, выше (ἄχρι) которого не будет длиться их теперешнее мертвенное состояние, так что последнее прекратится по истечении тысячи лет, когда всем – кроме первой группы – предстоит вторая смерть. Для почивших она, разумеется, будет простираться только на духовную сторону и, понятно, при конечной жатве, при которой допустимы с пшеницей плевелы, и наоборот, требуется своевременный тщательный разбор, чтобы до надлежащего срока не выдергать вместе с плевелами пшеницу, а при окончательной сортировке первые связками должно сжечь, вторую же собрать в житницу Божию (Мф. 13:28–30, 40).

То же предполагается по отношению к судьбам человеческим. Лишь отдельные части ясны по своему качественному достоинству, другие – нерешительны, сомнительны и подозрительны. Для них обязательно отчетливое выявление при последней жатве, которая, в духовной области, знаменует моральную классификацию по единственно мыслимым нормам награды и наказания, теоретически и эмпирически бесспорным и очевидным для каждого. И вот, по окончании тысячи лет, Сатана освобождается из своей темницы и выходит обольщать все народы, находящиеся на четырех углах земли, или по всему свету, равно Гога и Магога, которые прежде означали враждебные Израилю приэвксинские, скифские орды, а в позднейшем иудейском предании относились к антимессианским боговраждебным силам, а потому представлялись вождями безбожных языческих бунтов в крайнем напряжении и резком обнаружении. Очевидно, и теперь они олицетворяют все увлеченные Сатаной массы и, как главы их, ведут их на брань в бесчисленном количестве, вроде песка морского (XX, 7). Надвигаясь по земному простору с четырех

сторон, они, естественно, загоняют избранную рать святых исповедников Христовых и окружают и их, и самый город возлюбленный, т.е. Иерусалим со священным Сионом. В первом случае – Церковь воинствующая, стройными отрядами шествующая к своему небесному отечеству, во втором – уже победоносная по обеспеченному обладанию небесных обителей. Но подобное святотатственное торжество необходимо сопровождается божественным поражением: как будто с неба, падает от Бога огонь и пожирает всех злочестивых бунтарей, а обольститель их, диавол, повергается на непрерывные вечные мучения в озеро огненное и серное (XX, 9–10), где уже находятся его вернейшие служители – зверь и лжепророк (ср.: XIX, 20).

Тогда открывается великий белый престол, символизирующий абсолютную чистоту, почему Сидящий на нем настолько сиял ею, что от блистающего лица Его убегали небо и земля, – просто исчезали пред Ними в своей ограниченности, не имея опоры для своего существования (XX, 11). Теперь земная ликвидация доведена до последнего конца и ожидаются итоги ее, которые должны быть определены со строгой точностью по отношению к тем, кто подлежит ответственности. Собираются все умершие для отчета по делам их, не просто припоминаемым, а пунктуально зарегистрированным как бы на законном юридическом суде (XX, 12). Для сего море возвращает поглощенных, и смерть и ад отдадут своих пленников и узников и, оставшись без содержания и без надобности, сами повергаются в озеро огненное, куда попадают и все не записанные в «книге жизни» и лишённые залогов последней (XX, 13). Это и есть смерть вторая (XX, 14: οὗτος ὁ θάνατος ὁ δεῦτερός ἐστιν). Ближайшее определение предполагается вероятным дополнением ἡ λίμνη τοῦ πυρός и вполне натурально констатирует, что вечное мучение и есть эта вторая смерть в собственном смысле, поскольку человек духовно предназначен для блаженной жизни и без нее неизбежно оказывается мертвым по существу, ибо мучения – не жизнь, но хуже самого небытия. Мы должны согласиться, что Апокалиптик рисует нам окончательный небесный суд над миром, после которого не

будет ни смерти, ни хранилища для ее жертв – ада; останутся лишь вечно блаженствующие праведники и непрерывно мучающиеся грешники. Так будет вскоре по истечении тысячи лет, и, следовательно, эта цифра обнимает все время миробытия до Страшного Суда⁹³. Этот период открывается торжеством исповедников христианства и для каждого начинается смертным часом и тянется до скончания века. Посему это не есть тысячелетие ни хронологически, ни символически, а просто лишь неопределенно данный промежуток между двумя смертями, из коих первая уславливается обстоятельствами человеческой жизни, вторая же скрывается в таинственных глубинах судеб Божиих с неведомыми нам «временами и сроками» (Деян. 1:7). В силу этого нельзя говорить о каком-либо собственно тысячелетии, но столь же неосновательно экзегетически считать его и называть земным царствованием праведников. Нам решительно свидетельствуется, что там идет речь о сидящих на престолах, о тех, которым дано было судить, и (именно) о душах пострадавших мучеников христианских. Ничего земного в них не усматривается по их посмертному положению и фактическому состоянию, поскольку первое было отрешением от земли, а второе – соцарствованием у Бога со Христом и являлось для них первым Воскресением. Если прочие умершие не имели последнего, то этим утверждается не более того, что царственного оживления они не получили и окончательная участь их, хотя и не безусловно злосчастная, остается не решенною до Страшного Суда. Напротив, и в небесной Церкви, продолжающей вечное служение Богу во Христе со Святым Духом, нормальны категории членов – призванных, избранных и превознесенных. Для третьего разряда это открывается сразу по их подвигам и по завершении достойной христианской жизни, а для двух предшествующих необходимо ближайшее рассмотрение. Правда, при них выдвигается другая картина соучастия земных человеческих стихий, но тут лишь вулканическое извержение освободившихся скованных сил, а суд каждого по их деяниям требует привлечения земных данных и мирских условий человеческого бытия, в котором и с которым

они присутствуют, – ибо дела человеческие неотлучно следуют за людьми в вечность (ср.: XIV, 13).

Естественно, что теперь трактуется не только о человеческой судьбе, но и о ее обстановке со всеми земными элементами, условливающими человеческую жизнь и конечный исход. Посему с радикальной переменой в человеческом положении необходимо исчезнут все прежние мировые стихии и комбинации, приспособленные к тогдашнему состоянию и совершенно непригодные к новому положению. Вторая смерть знаменует уже уничтожение самой смерти, а с нею и всего смертного со всею тварною и тленною вселенной. С обновленным человечеством должно быть все новое (XXI, 5).

В предшествующем изображении мировой истории мы находим ее окончательное достижение. Понятно, что последнее не может быть оторвано от своего предварения и необходимо вызывает его при своем совершении и описании. Посему тут невольно привлекается и вспоминается и нечто раннейшее, которое отражается или концентрировано, или отдельными соприкосновенными звеньями. Но это лишь рефлексy, иллюстрации, объяснение и оправдание, а не возобновление или повторение. Напротив, нам дается прямое продолжение рассказа о достигнутом торжестве в его обеспеченном утверждении. Естественно, что происходят последние схватки, но – по идеологии Апокалипсиса – они бывают только вариациями вечной борьбы зла против добра. Поэтому с нечестивой и безбожной стороны мы усматриваем много сходного, а с божественной – все неизменное. Там – кипящая ярость, здесь – спокойная правда; там – саморазрушающиеся взрывы, здесь – уверенная сила. В этой комбинации вполне естественны общие совпадения при разноцветности деталей, однако при строгом единстве в основном движении, предусмотренном у Тайнозрителя в постепенном возобладании добра. И на этой стадии непременно предполагаются взаимная связь и преемственный прогресс. Первая удостоверяется известиями насчет сопротивных демонических факторов, о которых упоминается раздельно, что сначала разбиты и повержены второстепенные – зверь и лжепророки (XIX, 20), а

потом бросается и главный, Сатана-диавол, в то же озеро, куда попали на вечное мучение и те. Эта последовательность говорит и о прогрессивном течении, которое несомненно по согласному с ним результату. Разрозненное становится объединенным, продолжающееся – непрерывным, временное – вечным. Земная история исчерпана, и гарантирующая прелюдия брака увенчивается самым брачным пиром.

Пред Тайнозрителем открываются (XXI, 1) новое небо и новая земля (Καὶ εἶδον οὐρανὸν καὶ γῆν καὶ νῆν) в совершенно готовом виде, ибо прежние ушли (ἀπῆλθαν), а море исчезло и более уже не существует (καὶ ἡ θάλασσα οὐκ ἔστιν ἔτι). Тогда – по апостольскому предречению (2Пет. 3:10), – *«небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят»*. Подобно водной стихии – прекратились в своем бытии небесная и земная, но после них не оказалась абсолютная пустота, так как место их заступили другие элементы. Это не значит, что новоявленное было несродно прежним (νέος), или просто служило преобразованием их, раз они окончательно прекратились. Новые небо и земля принадлежали не к иной категории, но имеют совсем другие качества, которые не сходны с прежними по достоинству и содержанию, однако никто не назовет их какими-либо необычными именами. Нет, для всех созерцающих это суть небо и земля, но без бывших свойств и ограничений, составлявших тогда конкретные их определения. Ясно, что улетучилась вся раннейшая реальность, а с нею и ее высшее украшение – «город возлюбленный» (XX, 8), который, сохранив свое название, духовно стал Содомом и Египтом (XI, 8), как люди, которым Господь не оставил семени (Ис. 1:9; Рим. 9:29). И здесь опять наблюдается, что приходит заместитель пропавшего, – новый Иерусалим (XXI, 2), хотя и одинаковый по принципиальной сущности (καὶ τὴν πόλιν τὴν ἁγίαν Ἱερουσαλὴμ καὶ νῆν εἶδον). Это в равной степени город, у которого с самым наименованием сочеталась та отличительная особенность, что он был и оставался по природе «святым Иерусалимом», а иначе – с потерей своей моральной квалификации – утрачивал бы и самое свое название. Теперь этот город уже качественно

новый (καὶνὴ) по объективному обладанию самою святостью ввиду его происхождения, как сходящего от Бога с неба, где всегда пребывал и обитает Вседержитель. Созидателем его тут может быть только Всевышний Творец неба и земли, а у Него немыслимы ни малейшие дефекты, для которых нет и внешних условий приспособления по изменении всего миробытия. Естественнo, что в этом небесном сооружении все совершенно, как у невесты, украшенной для своего мужа. Такое сравнение не просто вызвано мыслью о браке, но и указывает, что ныне произойдет истинное сожитие Бога с человеком. Отсюда и в громогласных небесных глаголах (XXI, 3) упоминается уже скиния вместо храма. Последний был назначен для служения Богу, и для сего отводились все его отделения, но центром единения с Иеговой оставалось собственно таинственное «Святое святых», где Всевышний входил в ближайшее общение с людьми. Такова была по цели и, частью, по устройству первоначальная скиния, сделанная по небесному образцу (Евр. 8:5), а в храме все расположение более точно выражало, что еще не открыт путь во святилище, ибо там в первое отделение входили лишь священники, во второе проникал только первосвященник, да и то однажды в год (Евр. 9:6–8). Везде были узаконенные преграды, которые совсем немыслимы в новом строе непосредственного Богообщения. Для него требовалась скиния истинная (Евр. 8:2), большая и совершеннейшая, куда вошел Христос со Своею кровью для вечного искупления (Евр. 9:11–12). Чрез Господа Спасителя там будет единение с народом Божиим, и Бог при Христе, возведшем человечество к богосыновству, будет Богом спасенных и святых людей, у которых невозможно что-либо скорбное и ленное, поскольку все прежнее миновало (XXI, 4: τὰ πρῶτα ἀπῆλθαν) подобно старым небу и земле (ср.: XXI, 1). И Сам Сидящий на престоле решительно провозгласил (XXI, 5), что Он все делает новым (ἰδοὺ καὶνὰ ποιῶ πάντα), в чем нет ни малейших отражений минувшей ограниченности и случайности. Это было окончательным запечатлением мирового переворота, заслуживающим вечного и всецелого памятования. Посему Апокалиптику и было внушено (вероятно) Ангелом-

руководителем, чтобы он записал сказанное свыше, ибо те слова верны по своему точному осуществлению и в нем истинны по совершенному соответствию своей божественной норме (XXI, 5). В таком случае понятна высочайшая санкция особым свидетельством Божиим (XXI, 6), что все слова Божии «совершились» в адекватных делах Божиих и окончательно исчерпаны до всеобщей очевидности, что Бог есть начало всего бываемого и завершение всего бытия, как Альфа и Омега в алфавите, обнимающем всю совокупность человеческих звуков. Дальше – ничего постороннего, а все от Бога и с Богом, Который всякому жаждущему даром дает от источника воды живой, всегда и всецело напоющей, а достойный победитель (XXI, 7) в состязаниях за небесную истину непременно станет полноправным наследником всего подлежащего достояния, потому что Вседержитель будет ему Богом, а тот для Него – сыном. При таком абсолютном господстве отечески-сыновних и взаимно-братских отношений для всех иных связей фактически там никакого места не бывает. Прочие же – не прямо безбожники и хульники, но все-таки не принадлежат к небожителям, поскольку трусливы и изменчивы, не верны, скверны по своей натуре и практике, склонны к участию в разных убийствах, особенно христиан, к злодейству прямому и косвенному, чародейственным актам влияний на разные божества, к идолослужительству; это – всякие лжецы, любящие и творящие ложь (ср.: XXII, 15) в вере и в жизни. Им нельзя проникнуть в чуждую для них компанию. В новом строе существуют лишь царство вечно блаженных живых и узилище неисправимо-грешных мертвецов, лишенных земного обитания и недостойных небесного. Понятно, что их участь – в озере, горящем огнем, и это для них – смерть вторая, отнимающая всякие шансы на новое бытие, между тем как прежнее навлекло одно непрерывное мучение без возврата к минувшему земному существованию (XXI, 8).

Так в небесном строе исчезает и устраняется все несродное и несходное, а в целом небесном Иерусалиме преобладает свойственная ему святость. В нем и должен совершаться и продолжаться брак Агнца с избранною женою-невестой. О

первом несомненна без слов Его эссенциальная святость, относительно же второй является с разъяснениями один из семи Ангелов с семью чашами последних язв, которые прекращались за их пролитием, открывая ясные горизонты, не угрожаемые ни малейшими бедами. Значит, все названные Ангелы были не просто карателями пагубного прошлого, но предвестниками и удостоверятелями безболезненного нового. В этом качестве Ангел и приглашает Тайнозрителя пойти с ними, обещая показать увенчанную невесту (XXI, 9). Видимо, оба они – при сближении – находились в низших сферах по сравнению с областью пребывания брачующихся. Оттуда сошел Ангел и туда должен возвратиться, чтобы дать Апокалиптику видеть тамошних обитателей непосредственным созерцанием. И вот он возносит своего путника «в духе» на великую и высокую гору, чтобы показать великий город, святой Иерусалим, который сходит с неба от Бога (XXI, 10). Следовательно, Ангел уже не на небе, но вместе с тем и не на земле, ибо обоим зрителям приходилось подниматься, чтобы видеть нисходящее к ним свыше. Наряду с этим показывается вместо невесты святой Иерусалим, который, значит, и был этой женой, как «скиния Бога» с людьми (XXI, 3), достойными брачного союза с Агнцем в качестве сынов Божиих чрез Христа-Искупителя (ср. XXI, 7). Город имел славу Божию (XXI, 11) от всеприсутствия там Бога со Своим народом (ср.: XXI, 3) и сиял блеском своего светила, точно от драгоценного камня. Кругом его – большая и высокая стена с двенадцатью воротами (по три с каждой стороны), со всеми сооружениями, обеспечивающими вход и исход (πυλώνας по сравнению с πύλη), и на них двенадцать Ангелов (XXI, 12: καὶ ἐπὶ τοῖς πυλώσιν ἄγγέλους δώδεκα). Возможно допускать, что они были выгравированы в отличие от написанных имен, но ближайшая и естественная противоположность – начертанного с живущим. Да и гораздо понятнее, что входные приспособления должны были иметь верных вратарей-хранителей и блюстителей. По изгнании прародителей из рая Бог поставил у сада Едемского херувима с пламенным обращающимся мечом, чтобы прекратить им доступ к древу жизни (Быт. 3:24), а раньше, очевидно, всякое движение

было свободно. Теперь у небесного рая сладости имелось уже двенадцать дверей с одинаковым количеством бодрствующих Ангелов и, конечно, для удобного введения внутрь, ибо враждебных вторжений ниоткуда не предусматривается. Отовсюду проникновение в город открыто широко и с опытными путеводителями. *«На воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых»*. Это, несомненно, израильтяне, верные богооткровенным заветам Божиим и потому преданные мессианским библейским идеалам в лице Иисуса Христа (ср.: VII, 5–8). Они удержали исконное божественное достояние (ср.: VII, 4), пронесли его чрез все века, установили органическую связь прошлого с настоящим и вошли в него со всеми священными сокровищами, предуготовлявшими, предвещавшими и воспринимающими вечное царство Божие. Все эти ценности и владельцы их были вполне достойны пребывания в новом Иерусалиме и заслуживали ангельского охранения, становясь членами небесного братства в торжествующей Церкви Христовой. Кроме ее общества спасенных там никого нет и никто туда не может проскользнуть, а потому и праведный Израиль воспримется в Сионские обители лишь с ней и в ней (ср.: Евр. 11:39–40). Ясно, что эта Церковь должна быть основана и фактически воплощается в триумфальном граде Божиим, который вне ее теперь не бывает. Искупленная спасительной жертвой Христовой, омытая и засвидетельствованная мученической кровью и непрерывным подвигом страдания и терпения своих исповедников, – Церковь Христова переходит в царство Божие и является истинною его оградой и сооружением. Но исторически сама она создана на земле апостольским служением, которое воздвигает дом Божий и открывает всем достойным верным доступ, определяет и всегда держит его твердо и безопасно. По ведомым нам данным, ничуть не ограничивающим абсолютное милосердие Божие, в эту священную среду не может быть ни входа, ни опоры без Церкви и помимо ее. Посему стена города имеет двенадцать оснований, а на них написаны двенадцать имен Апостолов Агнца (XXI, 14), обеспечивающих наличность и содержание всего града. Соответственно сему надо

представлять, что основания эти рисуются над воротами, как и действительно, Апостолы «обновили путь» в предреченное пророками Израиля царство Божие.

По апокалиптическому изображению, в нем осуществилось все божественное в человечестве и нашло свое идеально-реальное завершение. Остается узнать расположение и распределение всех частей в этих «многих обителях» Отчих (Ин. 14:2) с точки зрения взаимной пропорциональности и достаточной вместительности. Для измерения столь великой, небесной драгоценности и выступает говоривший с Тайнозрителем (ср.: XXI, 9) небесный Ангел, с соответственной предмету золотой тростью (XXI, 15), по самому своему материалу не способной ни сжиматься, ни удлиняться; но эта мера ангельская была по своей протяженности совершенно такую же, как и человеческая (XXI, 17), принятая среди людей, и совпадала с нею по цифровым данным и вычислениям. Оказалось (XXI, 16), что город был расположен равнобедренным четвероугольником, почему необходимо, что длина и ширина вполне одинаковы, а фактическое измерение констатировало, что город имел до 12 000 стадий. Если принимать каждую стадию в 184–185 метров, то получается около 2 208 000–2 220 000 метров, или около 2 208–2 220 километров. Величина совсем фантастическая для города, но она должна быть уменьшена для ширины и длины вчетверо, а пожалуй, и в восемь раз, поскольку дальше сказано, что *«длина, и широта, и высота его равны»*, т.е. каждая стена была по 582 метра или по 276 метров на длину и высоту каждой из четырех стен. Это, конечно, слишком много по сравнению, например, с Вавилоном в 480 стадий кругом и со стеною в 50 локтей широты и 200 высоты, или с Иерусалимским храмом в 20 локтей ширины, 60 длины и для притвора – 120 высоты (2Пар. 3:4–5). Все-таки подобная цифра более подходяща для тогдашних величайших городов и пропорционально даже вполне вероятно ввиду помещения в новом Иерусалиме громаднейшего населения. С этим достаточно примиряется и дальнейшее указание (XXI, 17), что по человеческой мере стена имела сто сорок четыре локтя, но для нее три протяжения были отмечены

раньше, и потому, в данном случае, нужно разуместь ширину не столь удивительную и скорее соответственную необъятности грандиозного города. Однако для символичности не бывает ничего фантастического, которое лишь открывает внутренний ее смысл. И вот с этой стороны мы видим, что царственный город имел правильный куб, где 144 стадии на все измерения слагались из 12 x 12, каковые цифры содержат особое значение во всем описании. В нем 12 отмечает полноту и совершенство избранного населения в Израиле ветхом и новом и в высшей небесной охране. Поэтому мы должны согласиться, что для избранных граждан был всецелый простор с крепкою для всех оградой, которая опять же заключает 144 локтя (или 12 x 12) ширины. При этом общем понимании, без преувеличения каждой мелочи, мы находим безусловно разумное и солидарное с другими данными свидетельство, что для всего многочисленного народа святых было достаточно «обитателей Отчих» для удобного пребывания. Но это – достойные избранники, и в этом пункте им соответствовали все частности сооружения. Например, для устройства стены (ἡ ἐνδῶμησις τοῦ τείχους) употреблен яспис (XXI, 18), который и был ее единственным материалом, обработанным для этой цели, а *«город был чистое золото, подобное чистому стеклу»* (XXI, 18), столь прозрачное, точно оно было стеклянное, одинаково и блистающее, и просвечивающее. Все там было лучшим и из лучшего. Разумеется, это относилось к городским зданиям и учреждениям, которые были чисты и прозрачны, потому что назначены для чистых людей и дел, не нуждающихся в сокрытии. Но то же истинно и для других главнейших частей, изработанных из драгоценных материалов. Весьма соблазнительно найти для последних фактические параллели, чтобы чрез них определить для всех апокалиптических комбинаций символическое знаменование. Естественно, что в этом направлении продолжают производиться многочисленные попытки ближайшего сопоставления и точного изъяснения; но, к сожалению, все они проблематичны и спорны, хотя нередко остроумны и увлекательны (напр., сближения с камнями на первосвященническом наперснике судном). Кажется, как будто и

сам Апокалиптик не держался строгой пунктуальности, ибо говорит (XXI, 19), что «*основания городской стены украшены всякими драгоценными камнями*» (οἱ θεμέλιοι τοῦ τεύχους τῆς πόλεως παντὶ λίθῳ τιμίῳ κεκοσμημένοι), а дальше отмечается из «всяких» камней лишь двенадцать, но они вовсе не «все» по количеству и не «всякие» по категориям представляемых качеств. Было бы еще поучительнее сближение каждого камня с известным лицом из всех двенадцати исторических Апостолов, но мы не имеем в Апокалипсисе их последовательного порядка, чтобы провести конкретные параллели и сделать некоторые принципиальные выводы. Приходится довольствоваться общим наблюдением, что драгоценный город с драгоценною стеною утверждался на двенадцати драгоценных основах, какими в духовном смысле были все двенадцать благовестников Христовых и основоположников града Божия. В согласии с этим и последний сиял славою Божией и блистал солнечною чистотою святости (ср.: XXI, 11). Понятно, что подход туда должен быть одинаково совершенным для всех вступающих, почему каждые из двенадцати ворот были из одной цельной жемчужины, мимо которой никому нельзя было проскочить внутрь незамеченным; улицы же города представляли чистое золото, просвечивающее подобно прозрачному стеклу (XXI, 21), а от этого и самый город весь казался именно таким (ср.: XXI, 18). В этом виде рисовался новый, святой Иерусалим, но – в отличие от земного – тут не было самого центрального сооружения в специальном храме (XXI, 22). Последний назначался и употреблялся для общения людей с Богом, чего нельзя было найти ни в каком другом месте на земле, которая по своей испорченности уже не могла быть первозданным раем, где ходил и беседовал с прародителями Господь Вседержитель (Быт. 3:8 и сл.). В новом Иерусалиме восстановлены первичные нормальные отношения в наисовершеннейшей степени, и в нем еще менее, чем в Эдеме, уместен особый храм, ибо там везде присутствует и все наполняет Сам Бог, как Отец со Своими детьми (ср.: XXI, 7), которые, естественно, имеют непосредственное сыновнее общение со своим Владыкой и не нуждаются в разных условных приспособлениях. Напротив,

последние предполагали бы неременную взаимную отдаленность и немыслимы, принципиально и фактически, в царстве прямого богообщения. Таковое само по себе недоступно для тварного и поврежденного человечества, но туда избранные введены преобладающим там равнобожественным (ср. XX, 6) Агнцем, омывшим Своею кровью, возродившим и украсившим небесными качествами. Где Бог, тут и Его храм; где Агнец, тут и люди Божии. Недаром же и новый Иерусалим имел кубическую форму, как святое святых в храме Соломоновом (20 локтей в длину, ширину и высоту: 3Цар. 6:20) и, следовательно, весь служил для непосредственного богообщения людей, которые уже целиком были исключительными священниками Божиими. Все низкое и морально дешевое было бы здесь ограничением и стеснением, невероятным для царства Божия. Оно превышает всех космических реальностей и возможностей, и в своей высшей сфере не нуждается ни в солнце, ни в луне для своего освещения, поскольку в нем сияет немерцающая слава Божия (ср.: XXI, 11), которая служит внешним выражением неприступного света и в нашем случае ярко и соответственно концентрируется в Агнце (XXI, 23), как в божественном светильнике, светящем истинным светом (Ин. 1:9) всем, иже в храме суть (Мф. 5:15). Тогда фактически излишни всякие дополнительные светочи, если все спасенные народы имеют для верного хождения божественный свет в самом городе, куда принесут свою видимую славу, вызывающую внешнее почитание, цари земные (XXI, 24), чтобы не оставаться со своим временным мерцанием, а вечно блистать во Христе и со Христом. Он всем неизменно и доступно для каждого обращающегося вещает (Ин. 6:37): *«грядущего ко Мне не изжену вон»*, потому ворота нового Иерусалима всегда открыты, ибо при свете Христовом не бывает ночной темноты (XXI, 25) и нет никакой нечистоты или мерзости, способной на всякие покушения, а пребывают со своею славою и честью все народы и только те из людей, которые написаны у Агнца в «книге жизни» (XXI, 26–27), т.е. одни лишь избранные и достойные.

Теперь совершенно отчетливы небесные обитатели Божии, во всем их устройстве, а равно и самые обитатели по их количествам и качествам. Дальше желалось знать о тамошней жизни и об источниках для нее. И тут прежний Ангел-руководитель (ср.: XXI, 9) показывает Апокалиптику чистую и светлую, как кристалл, реку, которая и на земле содержит один из важнейших жизненных элементов человеческого бытия. В нашем случае называется «вода жизни» (XXII, 1: καὶ ἔδειξέν μοι ποταμὸν ὕδατος ζῶντος). Здесь замечательно и выразительно подчеркивается, что вся вода была одинаково жизненная и совсем не имела сомнительных примесей, а отличалась тем свойством, что она была «жизненная». Ею не производилась и не создавалась своя жизнь, ибо последняя существовала там с самого начала нового Иерусалима. Значит, эта вода поддерживала и питала во святых насельниках святого града обеспеченную за ними вечную жизнь, как в Эдеме для земной исполняло ту же миссию «древо жизни». Вечная жизнь утверждалась и гарантировалась Богом, а тогда и питательный источник должен быть именно там и распространяться оттуда. Посему категорически говорится, что «вода жизни» проистекала от престола Бога и Агнца. Оба, совместные по общему Божеству, удостоверяют, что вода имеет божественное происхождение и достоинство, но она даруется от Бога для искупленных и, следовательно, чрез Икупителя-Агнца.

И раввинизм соответственно мечтал, что все небесное «течет» от небесного престола, однако он не мог обосновать отдельное непрерывное бытие. По раввинским воззрениям, все существует только чрез Бога и в Боге, а вне Его непременно гибнет, в силу чего и ангельский поток из-под престола Божия несется постоянно, но при постепенном отдалении немедленно исчезает⁹⁴. Христианство дарует своим наследникам вечного царства и вечную жизнь, потому что оно награждает их вечною неразрывностью с Богом, как сынов Божиих во Христе Иисусе.

Среди широкой улицы города и протекающей по этой средней линии реки, с той и с другой стороны ее, имеется древо жизни, подобно воде, постоянно сохраняющее последнюю в неистощимой активности (XXII, 2). Конечно, указывается лишь

сорт, а дерево вовсе не одно, поскольку тогда оно не могло бы быть разом на двух берегах, как невероятно и невообразимо, чтобы это чудное растение стояло и посреди улицы, и посреди реки; допустимо лишь одно, что это было посредине улицы и именно посредине протекавшей тут реки – даже так, что срединная линия той и другой совпадали между собою. Живительность дерева поясняется для человеческого восприятия тем, что оно приносит двенадцать плодов своих в год, по одному плоду в каждый месяц и, очевидно, доставляет изобильную питательность. Естественно, что при этой плодоносящей жизненности непрерывно сохраняется зеленою листва, которая у животворного древа бывает тоже живительной и служит для врачевания народов (XXII, 2). По уподобительному описанию, все небесное население ограждено во всех отношениях для нескончаемой жизни, если даже допустить, применительно к земным условиям, что и там могут быть некоторые жизненные дефекты. А сверх всего *«всяка анафема не будет ктому»* (καὶ πᾶν κατάθεμα οὐκ ἔσται ἔτι – XXII, 3). Параллельно своей противоположности это будут непременно объекты, получившие уже приговор проклятия и тем самым обреченные на неизбежное уничтожение. Ничего подобного там совсем не ожидается и не бывает, но фактически существует еще только единый престол Единого Бога и Агнца с добровольными и преданными служителями, которые будут иметь прямое лицезрение и носить на челах имя Господа Бога (XXII, 4) – контраст земному начертанию имени зверя у нечестивых. Для такого созерцания не потребуется особого освещения искусственными светильниками или света солнечного за совершенным отсутствием ночи и при непрерывном свете Господнем (XXII, 5 и ср.: XXI, 23–25). При всех изложенных данных вполне нормально, что отовсюду огражденные, снабженные и устроенные Богом небесные праведники, как истинные члены вечного царства Божия, будут царствовать там во веки веков (XXII, 5), или бесконечно.

В результате – пред нами вечный Бог и вечно блаженствующие с Ним избранные в небесном Иерусалиме; что должно ожидать дальше, кроме нескончаемой

продолжительности, ибо ни с которой стороны не предвидится ни малейшей возможности каких-либо изменений? Нужно лишь особо и окончательно удостоверить предшествующее и сделать необходимые практические выводы в Эпилоче.

ЭПИЛОГ

(глава XXII, 6–21)

Судя по способу выражения (ср.: XXI, 15; XXII, 1 и 6), в первом случае является говорящим тот же Ангел-руководитель, но уже в тоне высшего и непреложного авторитета, который вскоре и открывается. Этот Ангел опять повторяет (ср.: XIX, 9; XXI, 5), что все сообщенные речения божественного слова и соответствующего дела верны и непреложны, так как они пунктуальны и объективны (XXII, 6). Ручательством всего служит то, что ангельское посредничество имеет верховное полномочие, исходящее от Господа духов святых пророков. Речь идет о таинственном, хотя и несомненном будущем, которое недоступно человеческому наблюдению, доколе не наступит реально. А предвидеть и предсказывать отдаленное – это специальная миссия пророков; но и они не могут созерцать непосредственно еще не бывшее и, следовательно, пока не существующее. Правда, все это бесспорно в совершенной реализации по божественному предрешению, однако и для сего нужно особое прозрение, которое, при данных условиях, мыслимо лишь очами веры или духовно. Тем более это необходимо при конкретном представлении долженствующего, как уже совершающегося фактически. И если для каждого отдельного акта надобно было возведение «в духе», то для всего целого обязательна уже эссенциальная сила и способность в духовном предвидении и провидении у пророков. В этом смысле уместно и вероятно чтение τῶν πνευμάτων τῶν προφητῶν по сравнению с τῶν ἀγίων τῶν προφητῶν. Оно констатирует, что открытое Апокалиптику было согласно сказанному пророками в качестве обладателей именно пророческого духа, зрящего подлежащую будущность и направляющего к ней своими вещаниями. И вот Господь и Владыка этих компетентных и специальных провидцев послал Ангела Своего для раскрытия и санкционирования всего эсхатологического созерцания, чему подобает быть вскоре (XXII, 6) – или хронологически безотносительно, или по сравнению с

мировой скоротечностью. Когда все это было представлено со всею достоверностью и воспринято видевшими и слушающими с благоговейною покорностью, тогда совершенно естествен глас Самого Божественного Жениха, ибо без Него не могло наступить обещанное «вскоре», а вместе с последним должен быть и Он Сам. И действительно, Икупитель Христос наиторжественно свидетельствует, что грядет «скоро» (XXII, 7) в означенном выше смысле и согласно изложенным апокалиптическим видениям, которые, будучи небесными откровениями относительно мирового завершения, служат спасительною пропедевтикой к нему и для исполнителей гарантируют достойное соучастие в нем. А там предрекается истинным праведникам Христовым блаженство царства Божия, и потому готовые к нему, по божественным предначертаниям, заранее обеспечивают себе это величайшее преимущество и принципиально уже владеют им. И поскольку все подобное сообщено в настоящей книге пророческих прозрений и конкретных созерцаний, то надо хранить и соблюдать ее божественные слова (XXII, 7) не только умом и сердцем, но волею и действием, так как реальное получение реального наследия Божия требует реально пригодного и способного восприемника. Тут практическое хранение (τήρησις) становится и неперменным, и важнейшим, поскольку без него будет лишь невнимание и презрение к ясному божественному обетованию и светлому призыву вечной блаженной жизни. Надо только, чтобы они были изображены достоверно и точно.

За это ручается сам Тайнозритель, который видел и слышал сие чрез посредство показывающего Ангела (XXII, 8). Ближайшим образом это относится к непосредственно предшествующему, но имя Иоанна отсылает нас к началу книги, где читается (I, 1–3): *«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел. Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего, и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко»*. Согласно

этим двум заявлениям по смыслу, и даже по словесной форме, убеждает, что выраженное там вначале простирается на все последующее, а тогда и в конце предполагается все раннейшее, почему в обоих случаях разумеется один и тот же Ангел, как божественный руководитель Апокалиптики и как бы заместитель Самого Христа, которому Бог поручил Откровение для передачи его рабам Своим. Отсюда более понятно, что Иоанн опять (ср.: XIX, 10) почувствовал благоговейный трепет перед Ангелом и пал к ногам его, чтобы поклониться (προσκυνῆσαι) не просто с благодарностью и почтением, но и с религиозным возвеличением. Это естественное проявление со стороны человека, который не теоретически только допускал, но и фактически слышал за словами Ангела голос Самого Христа (ср.: XXII, 6 и 7), вторично (ср.: XIX, 10) остановил говоривший Ангел по тому догматическому убеждению, что лишь Богу принадлежит истинное религиозное почитание, а он – только близкий к Господу конфидент, выступающий в специальном деле сослужения всем пророкам христианского будущего и достойно приготавливающимся к нему (XXII, 8–9). Между ними разность лишь в степени при исполнении общего служения, и тут нормальны просто взаимные отношения братского почитания и содействия. Со стороны Ангела здесь не упрек и даже не запрет, а радостное удостоверение, что ближайшие к Господу небожители являются и ближайшими помощниками спасенных сынов Божиих. В этом своем двустороннем достоинстве Ангел и заповедует Иоанну, чтобы он не запечатывал свои свитки, ибо близко время их осуществления (XXII, 10), поскольку Христос всегда стоит при дверях у истинно верующих избранников и стучит, чтобы войти для самого теснейшего общения (III, 20). Значит, теперь не имелось и остатка для запечатления, как было у Даниила, поскольку его видения относились к отдаленным временам (Дан. 8:26), а здесь говорится уже о получении наследия, для чего полномощное завещание должно быть заранее вскрыто и ведомо всем, которые могут участвовать в восприятии при доказанной фактически правоте своей и принципиально лишатся всякой надежды в случае своей нечестивой активности

недостойных и нераскаянных блудных сынов. Необходимые требования теперь для всех общедоступны: пусть каждый выбирает по своему собственному добровольному желанию и независимому усердию, зная, что кто чем страдает, тем и наказывается (Прем. 11:17). Посему неправедному, если он не хочет исправиться, остается лишь вести свою пагубную политику, результат которой бесспорен по несомненному суду Божию. Тоже предоставляется скверниться и нечистому: равно и всякий праведный и святой располагают свободой преуспевать в своих подвигах, не менее точно квалифицированных в неизменных божественных таблицах (XXII, 11). Но надо спешить, ибо мы всегда живем под сенью суда Божия, и Судья уже грядет, чтобы судить по вышеназванному масштабу, или согласно делам (XXII, 12), насколько они выполнены, согласно правам, преимуществам, обязанностям и силам их, по свойству сынов Божиих. А после уже не будет ни защиты, ни перемены, ибо Христос, Единый с Богом по существу в искуплении и промышлении, выступит как последний рушитель в суде Божиим, т.е. как Сам Бог, Который во всем бытии есть Альфа и Омега, Начало, раньше коего ничего не существовало, и Конец, не имеющий продолжения или повторения и, значит, самый первый и последний (XXII, 13). Он обнимает все во всех направлениях и отношениях: кто тут может вмешаться, когда все захвачено и нет ни малейшей щелочки? Посему блаженны те, которые в помышлениях, словах и делах соблюдают заповеди Господа в благодатно-органическом единении с Ним, чтобы иметь право на древо жизни и – для всегдашнего пользования им – войти в великий город заслуженно, – воротами (XXII, 14). Правда, последние не будут запираяться даже ночью, но при них будут строгие охранители и бдительные контролеры, мимо которых никто, кроме избранных, не может проскользнуть туда, где нет ничего нечистого (ср.: XXI, 27), или проклятого (ср.: XXII, 3). Вне же городских стен место только для неверных созданий («псы»), покушавшихся на все могущество и независимость Бога («чародеи»), разные преступники и нарушители закона Христова по активной любви к неправде всякого рода и вида (XXII, 15). Слово такого

вершителя – прямое и окончательное; но то же бесспорно и касательно Ангела-руководителя, потому что он послан Иисусом-Искупителем засвидетельствовать в церквях все сие (XXII, 16), начиная с апокалиптических писем, обращенных к самой церковной кафоличности во всей ее божественной сущности. И, следовательно, это с благою промыслительною и спасительною для людей целью предупреждения, научения и приготовления, поскольку теперешний Судья ныне выступает там не просто как «*жезл из корене Иессеова*», а как самый корень Давида (XXII, 16), откуда произошло все, что Библиею, верою и иудейским преданием связывается с именем этого великого царя Израилева и предвестника Божественного Царя правды, мира и истины, возродителя человечества и космоса. И здесь Он есть начало и конец таинственного и спасительного мирового процесса, и в этом смысле всегда и для всех был ярко блистающим руководителем с самого раннего момента человеческого бытия, как светлая утренняя звезда всего земного дня (XXII, 16). Ангел-руководитель и благовеститель получил все из самого божественного первоисточника, пригодного для всего существующего нормально и предназначенного течения. Тут все абсолютно достоверно и удобоприемлемо для всех из уст Искупителя – Богочеловека Иисуса.

Ожидается прямой ответ от призываемых и осведомляемых. А тут были церкви, к которым был послан Ангел, и все кто там (ср.: XXII, 16). Но Церковь пока живет верою, а не видением, питается и водится духом пророческого упования и прозрения. В этом духе – эсхатологическая природа каждой церкви Христовой, и в Нем все поместные церковные организации неразрывны между собою, почему «дух» выражает эссенциальные чаяния всей вселенской Церкви, которая, проявляясь там всецело, констатирует, что это – ее дух и что он именно таков. В этом союзе взаимной любви, веры и надежды, дух и невеста и взывают вопрошающему (XXII, 17) «Прииди!» и желают, возможно скорее, чтобы наступил вечный блаженный брак, в полноте благодати и истины, показанного со всей наглядностью царства Божия. Конечно, призыв Церкви

простирается и на всех ее членов, которые должны слышать сладостный голос Божий. Как видно по всем апокалиптическим изображениям, нельзя ручаться за весь внешнецерковный состав, и в нем предполагается срамное, бунтовское, безбожническое брожение, при котором многие (если только не большинство) погибнут. Но для всех одинаково и открыто спасительное движение, в силу чего всем внушается, чтобы каждый от глубины верующего сердца воззвал тоже: «Прииди!» Все равно желают истинной правды и томятся жаждой ее, если кто-нибудь не осатанится совершенно. И вот для них доступно и свободно искомое достижение, чтобы они приходили невозбранно и брали воду жизни беспрепятственно, кто сколько хочет, по своим потребностям.

Все соучастники теперь исчерпаны и из группы открывающего, и из среды зрящих. За сим дальше остается слово лишь для избранного посредника, показывающего божественные картины суда и царства славы. Со стороны небесной уже была засвидетельствована божественная несомненность всех апокалиптических Откровений. Требуется еще разве только голос человеческий, передававший людям божественные вещания. По этому естественному ходу мыслей и действия я возвращаюсь к тому старому распространенному мнению, что теперь говорит (XXII, 18–19) сам Тайнозритель⁹⁵ с обычной апокалиптической решительностью о характере и достоинстве своей книги всякому слышащему, а это всего скорее предполагается при чтении в церковных собраниях, для чего опять же был пригоднее и соответственнее не авторитет отдаленный, хотя бы высший, но непосредственно сообщающий всему своему братству и влиятельный для него поручитель, если ради него собрались все члены и внимают ему (ср.: I, 3), а таков был сам Иоанн. И вот он удостоверяет всякому слушателю, что в книге содержатся только слова пророческие, которые происходят от истинного пророческого духа и заключают пророческие Откровения.

Но первый присутствует в Церкви Христовой не иначе как дух Христов, дух истины и любви, а последние должны быть объективно правильны, или они будут совсем не пророческими

и обратятся целиком в простое обольщение. Дух требует согласное с ним откровение, которое, как таковое, предполагает – в свою очередь – равного ему духовного открывателя. Обе эти стороны неразрывны и эссенциально и фактически – вроде того, что без света ничего не увидишь, а без глаза ничего не узнаешь. Их надо принимать совместно и всецело, поэтому Тайнозритель и внушает со всей твердостью и властью пророка Церкви, что если кто приложит что к сказанному им в своей книге, на того наложит Бог прописанные там язвы (XXII, 18), потому что это есть нечто законченное, сопровождаемое лишь реальным совершением, естественно бесспорное и обязательное. В этом отношении всякая прибавка была бы покушением на божественную всеобъемлемость и авторитетность. Это был бы тягчайший грех против Бога, а о подобных дефектах веры и совести, по всему Апокалипсису несомненно, что они непременно навлекают страшные язвы. С другой стороны, не менее понятно, что если кто отнимет что от слов книги пророчества сего (XXII, 19), тот обнаружит свое верховенство над ним, позволяющее расценивать и перетасовывать все части по-своему. Но этим свидетельствовалось бы, что у него нет ни малейшего творческого созвучия, а имеется одно демоническое надмение, которое злонамеренно все перепутывает и закрывает всю небесную перспективу вечного царства Божия, с приступами и выходами. И по самому злодейскому умыслу, и по фактическому результату неизбежно, что для таких дельцов пропадают все обетования и наследия, которые они столь дерзновенно и нечестиво попирают. Посему Бог отнимает у них участие в «книге жизни», а выброшенные оттуда ни в каком случае не войдут во святой град (ср.: XX, 15) и не воспользуются находящимися там благами (XXII, 19). У Апокалиптики мы имеем последний завет Божий, огражденный безусловно по подобию завета первого у пророка и законодателя Моисея, обеспечившего также (Втор. 4:2, 12:32) возвещенное им слово Бога, служащее щитом уповающим на Него (ср.: Притч. 30:5–6).

По всему изложенному является понятным и определенным желательный ответ с земной стороны, причем все

предупреждены и отдают себе ясный и строгий отчет, что нужно соглашаться на всецелом и пунктуальном подчинении божественному призванию, без малейших сомнений и отклонений. Допустима теперь только санкционирующая печать свыше от этого Первосвидетеля, которому было показано Откровение для передачи чрез Ангела рабам Божиим. И на зов веры и надежды о пришествии своего Господа Он отзывается словами полной готовности (XXII, 20): «Да, Я приду скоро! Аминь» – ибо тут бесспорная истина. В заключение Апокалиптик, преподав благословение, чтобы спасительная во век благодать Иисуса Христа, как Господа нашего, неотлучно пребывала со всеми святыми и праведниками Его (XXII, 21), от лица всей Церкви восклицает:

«Ей, гряди, Господи Иисусе!»

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ОБОЗРЕНИЮ АПОКАЛИПСИСА

Насколько согласны мы с этим достойно венчающим заключением, в каком смысле и до какой степени?

Вся драма апокалиптических видений закончена, – что мы в ней находим и к чему она приводит? – В начале книги, в семи посланиях, лишь частью апокалиптических по изложению (напр., о сторонниках Валаама и Николаитов, о жене Иезавели, о ходящих в белых одеждах), а в большинстве – пророчески-дидактических, формулируется основной зиждительный принцип христианский, – что вера, благодатно соединяющая людей со Христом, непременно обязана выражаться в пламенной любви и всесовершенной преданности Господу Спасителю, приводящему нас к Богу как Своих братьев и Его детей, и должна сохраняться в первоначальной чистоте и возвышенности до самого жизненного конца, хотя бы на земле приходилось нести за нее крест исповедничества или мученичества. Эта живая любовь, наполненная верой, реально, всей жизнью, органически связывает нас со Христом, и вместе с Ним непременно приведет в царство Божие. Следовательно, эта любовь веры есть залог будущего в настоящем и потому является решительным отрицанием последнего, которое, естественно, станет упорно бороться в интересах самосохранения и непрерывно нападать со всей яростью для устранения своего опаснейшего врага, который, в свою очередь, старается победить и привлечь обаятельной или сокрушительной силой своего величия. Ни одна сторона, по своему существу, не могла сдаться и подчиниться, а отсюда необходимо развивается грандиозная мировая трагедия постоянно сталкивающихся исконных противников, с ужасающим грохотом потрясающих вселенную со всем ее содержанием. Очами чистой веры христианин должен и может предвидеть конечный исход, но ему нужно соблюсти пророческую зоркость, приобретаемую неизменным возрастанием любви, которая постепенно достигает

наглядности прямого созерцания. С этой стороны Апокалипсис есть венец Нового Завета⁹⁶, завещающий и освещающий все богооткровенное промышление его последним и высшим проявлением, без которого наше познание апостольского века было бы несовершенным⁹⁷, а будущее – сколько страшным, столько же и темным, просветляемым у Апокалиптики лишь духом Откровения⁹⁸. В этой книге истинное пророчество⁹⁹, являющееся ключом всего Писания¹⁰⁰. В ней рисуется два плана в космической трагедии: вверху – непрерывное и жестокое столкновение основоположительных факторов мироздания и миробытия; внизу – соучастие или отражение среди людей. Они никоим образом не могут оставаться индифферентными наблюдателями, потому что дело касается их конечной судьбы и решается в определенном смысле лишь собственными заслугами в этом роковом ратоборстве. Пусть у них пребудет вера, но среди катастрофических ужасов она должна проявить всю свою живительную энергию первой любви, которую мы *«перешли от смерти в живот»* (ср.: Ин. 5:24) и достигнем эсхатологического предела в вечном спасении, чтобы эта вера не была лишь формой без соответственного содержания, но всегда находилась в органическом единении со Христом, Икупителем и Спасителем нашим.

С одной стороны – небесная брань за чистую истину пребывания всех с Богом, с другой – земная борьба ради любви к Богу. И обе они условливающе связаны между собой, ибо без второй первая могла бы окончиться во мгновение, а без первой вторая сразу была бы безнадежна. Отсюда взаимное переплетение обоих планов, из коих небесный часто уходит фактически дальше земного, едва постигающего и догоняющего своего небесного верховного союзника, который и по исполнении является для него будущим, взыскуемым чрез повторные и даже многократные напоминания и видения по требованиям божественно-спасительной педагогики. Однако принципиальные линии проходят яркими чертами через весь этот космический хаос, в котором мы уже замешаны, хотя, *«уши имущие, не слышим»* (Мк. 8:18) и тяжело воспринимаем (Мф.

13:15; Деян. 7:51) по духу усыпления нашего (Рим. 11:8). В этом направлении и раскрывается все апокалиптическое изображение с внутренней стройностью, при единстве стиля, настроения и содержания¹⁰¹ и даже с внешней ритмически-строфической выдержанностью.¹⁰²

Прежде всего нам рисуется Господь Вседержитель и Творец всяческих, Которому, нормально, все подчиняется по бытию и спасению с непрестанным славословием (гл. IV). Но видение книги с семью печатями показывает, что если искупление людей Агнцем безусловно, то земная судьба их по пути к вечности покрыта густым покровом (гл. V). В здешнем бытии ожидают человечество тяжелые испытания (гл. VI), но Господь хранит Своих избранных (гл. VII), преданные молитвы которых вызывают мировые потрясения (гл. VIII) и навлекают на греховный бунтующий мир жестокие казни (главы VIII-IX) вплоть до всеобщего исчезновения всего нечестивого и недостойного (гл. X). Сами люди выходят со свидетельством своей веры и упования, но своими силами гарантируют лишь принципиально светлые возможности, а фактически побеждаются или погибают (гл. XI) настолько, что самый святой род спасаемых подвергается смертельной опасности (гл. XII) уже от вмешательства высших демонических сил, которые покоряют, соблазняют и увлекают до совершенного подчинения (гл. XIII). Однако это было лишь временным торжеством для испытания всецелой преданности людей и не может изменить результатов последней божественной жатвы (гл. XIV) и окончательного господства правды Божией в самом человечестве (гл. XV). Надо только оставаться верными своему исповеданию и непреклонными до мученичества при всех сатанинских нападениях (гл. XVI), ибо мироправящий Владыка неба и земли сокрушит сатанинское зло в самом центре (гл. XVII), до такой степени наглядно и ярко, что весь мир должен видеть этот заслуженный ужас и поучаться подобными бедствиями (гл. XVIII), что спасение бывает единственно во Христе, со Христом и от Христа (гл. XIX) по соучастию с Ним и по Его праведному суду (гл. XX), когда всем святым Божиим, как

чадам Господним, будет даровано вечное и славное блаженство (гл. XXI-XXII).

По всему видно, что христианская жизнь связана с большими трудностями и преткновениями, но она не может быть иною в мире возобладавшего зла и обязывает лишь к тому, чтобы подвигами любви по вере Христовой приобщить его и совсем покинуть для небесных чертогов, уготованных Христом в доме Отца Своего. Потребуется жестокая борьба, но зато все победившие получают не просто отличие, а заслуженный дар. И поскольку первое – во всецелом мировом перерождении немыслимо, а второе – вполне несомненно, то каждый верующий, сохраняя свою чистую любовь, должен всегда стремиться к блаженному концу и непрестанно взывать со всею Церковью:

Ей, гряди, Господи Иисусе!

POST SCRIPTUM

В качестве личного исповедания должен сказать, что труд об Апокалипсисе принципиально задуман не позднее начала нынешнего столетия, когда постепенно определилась задача экзегетически представить Евангелие Христово в трех аспектах, как 1) Евангелие христианской свободы, 2) Евангелие христианской святости и 3) Евангелие христианской славы. Но другие работы и хлопотливые попечения отклоняли меня от предположенного решенного исполнения, но я упорно готовился к сему, привлекая к этому делу своих учеников (напр., Н.А. Гамолко, В.В. Четыркина), старательно собирая и систематически изучая соответствующую литературу в обычном для меня масштабе, хотя это напряжение приносило мне гораздо более истощения и разочарования, чем удовлетворения и пользы. Но замечательно, что насколько я подвигался в научной подготовке относительно Апокалипсиса, настолько слабее становилась моя решимость, переходя постепенно в некоторую робость. Если Послание к Евреям смущало огромностью работы, то Апокалипсис пугал меня каким-то мистическим страхом заглядывать в вечность, к чему не призывает нас и Церковь наша, не благословившая книгу Откровений для богослужебных чтений. Преимущественно по этой причине, еще в 1928 г. 23 апреля/6 мая, при окончании переработки своего сочинения о Послании к Галатам, я не питал надежды даже приступить к истолкованию Апокалипсиса и как-то инстинктивно отодвигал этот срок, благовидно создавая себе новые подготовительные обязанности, которые казались мне моральным долгом ввиду таинственной грандиозности предприятия. Но жизнь моя продолжалась и сокращалась, и я почувствовал нравственную принудительность взяться за дело, «со страхом Божиим». Однако и 6/19 сентября 1934 года, принимаясь в г. Сремских Карловцах (Югославия) за работу, я испытывал какую-то душевную беспомощность, должен был сделать огромное усилие над собой и – по велениям совести – собрать всю исчезающую энергию, – а когда начал писать, то

постепенно и незаметно увлекался до непрерывного пафоса (сдерживаемого лишь писчим спазмом руки), ибо чем дальше, тем яснее слышал «в духе» ответный голос Господа, благостно приготовившего это утешение для моей старости сладостными словами:

«Ей, гряди скоро. Аминь».

Примечания

¹ - О всех теориях насчет состава и происхождения нашей книги Откровения – см. подробно у В.В.Четыркина: Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова, исagogическое исследование. Петроград, 1916 (стр. 56–70; 71–126; 127–140; 140–182; 183–261). – Die Einheit der Apokalypse gegen die neuesten Hypothesen der Bibelkritik verteidigt von Pfarrer Dr. Matthias Kohlhofer. «Biblische Studien». Herausgegeben von Prof. Dr. Bartenhewer, Band VII, Heft 4, Freiburg iBresgau, 1902.

² - Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit: eine religionsgeschichtliche Untersuchung über Gen. I. und Apok. Joh. XII, von Hermann Gunkel mit Beiträgen von Prof. Heinrich Zimmermann. G ö ttingen, 1921.

³ - См. † Prof. Wilhelm Bousset: Der Antichrist in der Überlieferung des Judenthums des neuen Testaments und der alten Kirchē ein Betrag zur Auslegung der Apokalypse. Güttingen 1895, S. 169–173.

⁴ - Сравн. именно для XII главы Апокалипсиса и Archdeacon R. H. Charles: A Commentary an the Revelation of St. John I, p. 311, 313, что там нет ни вавилонизма , ни парсизма.

⁵ - Последнее нужно сказать в особенности о разысканиях Franz Boll' я Aus der Offenbarung Johannis: hellenische Studien zum Weltbild der Apokalypse. Berlin, 1914, где автор привлекает перенасыщенным ориентализмом эллинистические представления, в частности для «космически-астрологических элементов в Апокалипсисе» (стр. 128), но все это – лишь крайне натянутые параллелизмы для заранее перетолкованных апокалиптических текстов и указывают только, что была некая заранее подготовленная почва для своеобразного восприятия апокалиптических откровений.

⁶ - Это, напр., мы видим у The Rev. Douglas: New Light and the Revelation of St. John the Divine. London, 1923. Отмечаю лишь некоторые, наиболее характерные места. «The author was not necessarily confined to Hebrew sources» – «the last hand work over the apocalyptic material, to us, – the most important. He is no

clumsy Redactor, but the prophet. He is no clumsy ubra have the mystic tradition of the 9 reacohave semitic border – the Christian Lives in which we have it» (P. 48). Посему «with the mecoveny of the earlier model of Revelation we are able to follow the process of evolution in apocalyptic science fairly completely and... the results are of far – reaching importance» (P. 123), что «Revelation is a Synthesis of mystic speculation, not the worn of any single man but the result of a growth covering centuries and proceeding a definite, quasiscientific line. – First, we have the ancient cosmic System of the Apocalypse of the Thiane, existing certainly, in a fairly complete state, at least as early as the time of Everrieb, and probably formed the common stock of Canaanita theology in the days of the Kingdoms of Israels and Judah. – Later this cosmic apocalypse was given a secondary application to the sacrificial System of the Sanctuary (or Sanctuaries) of the one God. It is not safe, in our present state of knowledge, to decide whether this specialization was exclusively Jeuruh or wether ayam it was common Stocks. The question is, however, not of immediate importance in studying the ultimate Christian prophecy, because the ancestry of the last must have been in the Hebrew rather than in any Gentils, in the combination of the Thiane and of the Sanctuary – with definite relation to the Jerusalem Temple and probably with an eschatological or Messianic twist. – Lastly, the whole concept was spiritualized (for the) purpose of the rejection of the bloody sacrifices. The result is the Apocalypse of the Lamb and the incorporation of this in the old body of tradition gives exactly the Revelation of St. John the Divine». Apart from the preface and epilogue, the following texts are all that could not naturally have been part of the teaching of the Baptist (P. 146–147), которого С. Е. Douglas и считает составителем нашего Апокалипсиса. Но, в таком случае, что же остается и имеется в нем независимо и специфически-христианского по происхождению и по природе?

⁷ - Напр., утверждаются интерполяции в I, 4, 8; VIII, 7–12; XIV, 3, 4, 15–17; XX, 13 и др., вносится XVII, 14 вместо интерполированного XIX 9–6-10, допускаются перемещения в XVIII главе, ставятся XVI, 5–6-7 после XIX и XVI, 15 после III, 3, а XIV, 12,13 и XVII, 15 – перед XIV, 1 и XVII, 1.

⁸ - См. для поучительного примера типический этюд престарелого патриарха по части библейско-текстуальных критических операций превращения и насилия, Prof. Wekhausen'a: *Analyse der Offenbarung Johannis*. Berlin, 1907.

⁹ - Так. R. Н. Charles порицает «a highly hazardous proceeding», когда нечто в X главе усвояют одному автору, а иное – другому (I, стр. 257, 261, 263), но со своей стороны утверждает, что Апокалипсис – труд незаконченный и не пересмотренный, так что, напр., XII, 14–16; XVIII, 4 представляют в 95 году (I, стр. 315) бессмысленные (meaningless) пережитки старых, давних чаяний, а редактирован он каким-то неспособным учеником (I, стр. 153), который восполняет всегда ошибочными прибавками (II, стр. 203), а «his manipulation of the text» (II, стр. 6) «so badly attested readings» (III, стр. 339, 616), а сам R. Н. Charles возобновляет первоначальный оригинал, «by a happy conjecture (I, стр. 237), хотя (напр., в XX главе) » the best authorities support the abnormal (по его мнению) text» (II, стр. 237) и даже так, что (в XIV, 18 и XIX, 12) стиль – авторский (II, стр. 31) и «though the dictum is Johannine, – the clause appears, to be interpolated» (II, стр. 132).

¹⁰ - См. у доцента А. А. Жданова в речи перед защитой диссертации 4 июня 1891 года в «Прибавлениях к творениям св. Отцев», XLVIII, Москва, 1891, кн. III, стр. 264–270–275)

¹¹ - Из старых см. напр.: *Die Offenbarung des heiligen Johannes für solche die in der Schrift forschen, erläutert von Prof. Dr. E. W. Hengstenberg*. Bande I–II, 1–2, Berlin, 1849, 1850, 1851; из новейших – *Die Offenbarung des Johannes ausgelegt von Prof. Dr. Theodor Lahn* (1–2 Hälfte). Leipzig, 1924, 1926 в издаваемом им *Kommentar zum Neuen Testament*, Band XVIII.

¹² - См. Апок. X. 4 и ср. Rev. Prof. H. B. Swete *The Apocalypse of St. John: the Greek Text with Introduction, Notes and Indices*. London, 1907, P. 1266.

¹³ - Некую иллюстрацию сему мы имеем в судьбе нашего великого писателя Н. В. Гоголя, «религиозное сознание которого было апокалиптично: земля горит, свиваются небеса, встают из

гробов мертвые, растут страшилища из семян наших грехов». — «Религиозное воззрение Гоголя эсхатологично, потому что наступают последние времена, срок рождения Антихриста; верные Христу потерпят великие муки; Антихрист и теперь уже рождается частично; он воплощается в людях, овладевая душами». См. у проф. К. В. Мочульского; Духовный путь Гоголя. Париж, 1931, стр. 33. Все это аналогично изображению Апокалипсиса, но, как известно, Гоголь не был понят «просвещенными современниками» и объявлен ненормальным...

¹⁴ - Пространный катехизис митрополита Филарета. Предварительные понятия. Москва, 1903, стр. 4.

¹⁵ - Cp. Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. CLXXII «it is not the purpose of the Apocalypse to teach Christian doctrine, but to inspire Christian hope».

¹⁶ - Это особенно несомненно, если «Свидетельствующий» в XXII, 18 и 20 есть сам Апостол Иоанн, написавший их по окончании книги Откровения, как мы допускаем.

¹⁷ - Поэтому и новейшие заявления (у Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes, S. 13), якобы ἐγενόμην, 10, констатирует, что при записывании апокалиптических видений Св. Иоанн находился не на Патмосе, не имеют теоретической вероятности, а указанная глагольная форма описывает не время вообще, но бытие и состояние созерцателя в период изображаемых в книге видений.

¹⁸ - Так, Prof. Theodor Lahn поларает(Die Offenbarung des Johannes, I, 8. 319), что« die Pause zwischen der ersten und der zweiten Vision von Johannes dazu benützt worden ist, das bis dahin Geschaute und Gehö rte aufzuzeichnen», как и вообще нельзя допустить, чтобы верховные повеления ὑράψων откладывались исполнением дольше необходимого по обстоятельствам времени, когда Иоанн не мог знать, последуют ли за виденными еще новые откровения.

¹⁹ - Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John. P. CXVIII; Rudolphus Cornely, S. J.: Introductio specialist in singulos

Novi Testamenti libros. Parisiis 21925, p. 700; Prof. Dr. Theodor Lahn: Die Offenbarung des Johannes, I, 53.

²⁰ - Prof. Adolf von Harnack: Die Apostelgeschichte. Untersuchungen. Leipzig, 1908, S. 2, 1: «Matthäus hat immer die Gemeinde vor sich und spricht liturgisch... er ein Lesebuch für den kultischen Gebrauch schaffen wollte»; это есть «Gemeindebuch, erstes liturgische Buch der christlichen Kirche, zunächst der palästinischen»; Prof. A. v. Harnack: Lukas der Arzt, der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte. Leipzig, 1906, S. 120). Сравни у меня в книге: Св. Апостол Лука, Евангелист и Деятели. София, 1932, стр. 120.

²¹ - Сравни и Post merit Selmar Keferstein: Die Offenbarung Johannes nach rein symbolischer Auffassung. G ü tersloh, 1907. S. 51.

²² - См. у Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John. P. 216.

²³ - Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John. P. CXXXV.

²⁴ - Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes. S. 14.

²⁵ - В таком только смысле и можно принять, что семь Асийских церквей имели притязание представлять самое первохристианство (Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes. S. 40).

²⁶ - Prof. Dr. Theodor Lahn: Die Offenbarung des Iohannes ausgelegt, II, S. 629.

²⁷ - Такие перерывы с подобной целью Prof. Dr. Theodor Lahn допускает не только между главами III и IV, но и в других местах (Die Offenbarung des Iohannes ausgelegt, I, S. 317, 319; XIV, S. 534 для XV, 5 сл. 614 для времени между 9-м и 10-м видениями).

²⁸ - См. у Prof. Ernst Lohmeyer; Die Offenbarung des Johannes. S. 39.

²⁹ - Говорится, что если бы потеряна была вторая часть Апокалипсиса (XII, 1 – XXII, 5), то это осталась бы незаметным

³⁰ - Ср. Post merit Selmar Keferstein: Die Offenbarung St. Johannes nach rein symbolischen Auffassung. G ü tersloh, 1907; См. в диссертации И. В. Бажанова; Характеристика четвертого Евангелия со стороны содержания и языка в связи с вопросом о происхождении Евангелия. Казань, 1907, стр. 322 и сл.

³¹ - О ней см. у И. В. Бажанова, предыдущее примечание.

³² - См. ниже, в трактате «О парусин».

³³ - Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes, S. 13.

³⁴ - Prof. Theodor Lahn: Einleitung in das Neue Testament, II. Leipzig, 2, 1907, S. 604; Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes, S. 189, 194.

³⁵ - Для них см. на русском языке магистерскую диссертацию доцента Московской Духовной Академии А. А. Жданова: Откровение Господа о семи Асийских церквах. Опыт изъяснения первых трех глав Апокалипсиса. Москва, 1891.

³⁶ - Ср. R. H. Charles: A commentary on the Revelation of St. John, I, p. 142, 348.

³⁷ - Об Ефесе во времена Апостола Павла см. R. P. R. Tonneau в Revue Biblique Internationale», XXXVIII, 1: 1-er Janvier 1929, p. 5–34.

³⁸ - См. о сем у А. А. Жданова: Откровение Господа о семи Асийских церквах, стр. 96, 97.

³⁹ - См. в Апокалипсисе VII, 1: Ангелы держащие четыре ветра земли; XIV, 18: Ангел имеющий власть над огнем; XVI, 5: Ангел вод.

⁴⁰ - См. у проф. А. А. Глаголева: Ветхозаветное библийское учение об Ангелах: опыт библийско-богословского исследования. Киев, 1900, стр. 372–80.

⁴¹ - Ср. у В. В. Четыркина: Апокалипсис св. Иоанна Богослова, стр. 179. – А. А. Жданов: Откровение Господа о семи Асийских церквах, стр. 107.

⁴² - А. А. Жданов: Откровение Господа о семи Асийских церквах, стр. 103.

⁴³ - D-r Friedrich Bleek: Vorlesungen über die Apokalypse. Herausgegeben von Lic. Th. Hossbach, Berlin, 1862, S. 167; Prof. P. Fr. Sales Tiefenthal: Die Apokalypse des Hl. Johannis. Paderborn, 1892, S. 143; Robert Kuebel: Die Offenbarung Johannis, für bibelforschende Christ zur Lehre und Erbauung übersetzt und erklärt. M ü nchen, 1895, S. 39.

⁴⁴ - Но ὁ λῆξις не указывает непременно на actuelle Verfolgung, см. у Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannis, S. 13.

⁴⁵ - Cp. Robert Kuebel: Die Offenbarung Johannis, S. 52.

⁴⁶ - Термин συναγωγή сам по себе не включает в себе ничего укоризненного, но легко мог получить такое применение, – иногда даже по религиозно-конфессиональному фанатизму, когда, напр., «Конгрегация пропаганды» и ее миссионеры нередко называли православные церкви «синагогами» (как и кальвинские). (Проф. Е. Ф. Шмурло: Римская Курия на русском православном востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928, стр. 34,134).

⁴⁷ - Cp. Selmar Keferstein: Die Offenbarung St. Johannis, S. 44; Dr. Friedrich Bleek; Vorlesungen über die Apokalypse, S. 172.

⁴⁸ - Tertullian: Adv. gnosticos. Mignë Patrologiæ cursus compl., série lat. II, 163.

⁴⁹ - Martyrium S. Polycarpis, cap. XII, 2; XIII, XVI, XVII, XVIII, 1.

⁵⁰ - Pr. Dr. Sales Tiefenthal: Die Apokalypse des Hl. Johannis, S. 166. предполагая тут даже речь «von einigen massgebenden Persönlichkeiten».

⁵¹ - Не совсем понятно, когда А. А. Жданов пишет («Откровение Господа о семи Асийских церквях», стр. 188), что «об иудейском элементе церковной жизни (Пергама) нет и речи», между тем иудеи там несомненно существовали (Jos. Flav.: Antiq. Jud., XIV, 10–22) и, конечно, старались оказывать разлагающее влияние в христианском обществе.

⁵² - P. Pleters: Analecta Bollandiana, XXXIX (1920), p. 50–64: Les traditions orientales du mot «Martyr », констатирует, что это слово, как только появилось на восточных языках, отмечает человека, который умер за веру; однако H. D (elacharge), ibid.

XXIX, Р. 20–49 заявляет, что значение «мученик» не удостоверено твердо в Новом Завете, и ссылается на Апокалипсис, XXIV, 20; но последнее показывает, что данный термин не утратил и своего первоначального смысла, усвоив и христиански-специальный характер.

⁵³ - И в Ветхом Завете всякое отступление от Бога называлось «прелюбодеянием». Ср. В. В. Четыркина: Апокалипсис св. Иоанна Богослова, стр. 339. – См. и у А. А. Жданова: Откровение Господа о семи Асийских церквях, стр. 222; См. Privat Dozent Gustav Staehlin: Skandalon («Beiträge zur Förderung der Christlichen Theologie», herausg. von Privat Dozent A. Schlatter und D. W. Luetgert), Gütersloh, 1930, S. 168: «In dem Wleam-Beispiel scheint es sich um Verführung zur Hurerei, vielleicht zur sacraler Prostitution, wie sie mit dem εἰδωλόθυτα φαγεῖν verbunden gewesen sein mag, zu handeln... Das πορνεῦσαι im thatsächlichen Sinn war nur Mittel und Weg zu dem schlimmeren πορνεῦσαι im übertragenen Sinn (ein Treubruch) zu begegnen».

⁵⁴ - Так сказано в письме Лионской и Виенской церкви (стр. 45 у Евсевия, Церковная история, V, 1: καὶ ἐγίνετο πολυλὴ χαρὰ τῇ παρθένῳ μητρί).

⁵⁵ - Ο σκάνδαλον как Veranlassung, Verführung zur Sünde selbst, – у Gustav Staehlin, Skandalon, S. 164,166,168.

⁵⁶ - Так даже у Prof. Theodor Lahn: Einleitung in das Neue Testament, II. Leipzig, 1907, S. 616. – Robert Kuebel: Die Offenbarung Johannis, S. 59; См. о сем у А. А. Жданова: Откровение Господа о семи Асийских церквях, стр. 210, 213, 214.

⁵⁷ - Cp. P. Fr. Sales Tiefental: Die Apokalypse des Hl. Johannis, S. 185

⁵⁸ - А. А. Жданов («Откровение Господа о семи Асийских церквях», стр. 220) говорит: «Иезавель уклонилась в язычество, утратила чистые понятия о христианской нравственности, самовольно присвоила себе звание пророчицы и собрала кружок последователей, которые служили ее безнравственным похотям». Но тогда подобная особа слишком обнажилась бы по своему отпадению в прежнее языческое состояние и не могла

бы иметь ни малейшего авторитета в христианском обществе, где «последние дела твои больше первых» (Апок. II, 19). Иезавель оказывалась бы просто архицинической блудницей, увлекавшей необузданной развращенностью, но она фактически считалась и почиталась учительницей.

⁵⁹ - Ср. Robert Kuebel: Die Offenbarung Johannis, S. 61.

⁶⁰ - Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannis, S. 29.

⁶¹ - По самой ассоциации ясно, что нет никаких оснований соотносить это название с Вавилонскою Иштар и в II, 28 Апокалипсиса разуметь Духа Святого, как делает проф. Ernst Lohmeyer (Die Offenbarung des Johannis, S. 28); скорее аналогичное выражение Исаии XIV, 12 о царе Вавилонском, ярко блиставшем на тогдашнем горизонте: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!»

⁶² - Tertullianī De resurrectione carnis, 19.

⁶³ - Robert Kuebel: Die Offenbarung Johannis, S. 61.

⁶⁴ - Privat-Dozent Gustav Staehlin: Skandalon: Untersuchung zur Geschichte eines biblischen Begriffs. «Beiträge zur Förderung der christlichen Theologie», herausg. von Proff. A. Schlatter und W. Luetgert, 2. Reihe, 24. Band. G ü tersloh, 1930, S. 169, 2".

⁶⁵ - А. А. Жданов: Откровение Господа о семи Асийских церквях, стр. 135; Prof. Theodor Lahn: Einleitung in das Neue Testament, 12, S. 270–73; Pr. Dr. Sales Tiefenthal: Die Apokalypse des Hl. Johannis, S. 153–54, 170, 173; Dr. Friedr. Bleek: Vorlesungen über die Apokalypse, S. 172–73; Selmar Keferstein: Die Offenbarung Hl. Johannes, S. 44.

⁶⁶ - Pr. Dr. Sales Tiefenthal: Die Apokalypse des Hl. Johannis, S. 153– 54; Dr. Friedrich Bleek: Vorlesungen über die Apokalypse, S. 173.

⁶⁷ - Ср. у А. А. Жданова: Откровение Господа о семи Асийских церквях, стр. 134–35. Иудейский характер представляется вероятным и для обличаемого в первом послании Иоанна лжеучения (см. у меня в «Христианском Чтении» 1904 г., № 6, стр. 867–870).

⁶⁸ - Prof. W. Bousset (yH. Amg. Wilk Meyer XVI): Die Offenbarung Johannis. Göttingen, 1906, S. 206; Prof. T. Lahn: Einleitung in das Neue Testament, 112. S. 111,15,17, 623; Prof. E. Lohmeyer; Die Offenbarung Johannis, S. 20.

⁶⁹ - Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. XXXIII «it is of nature of apocalyptic literature to be involved in some measure of obscurity; and this is not the least notable of its characteristics, for it affords an escape for the Christian judgement». CXIII, 18; XVII, 9.

⁷⁰ - Archbishop E. W. Benson: The Apocalypse, an introductory study. London, 1900, p. C; Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. XLI; R. H. Charles: The revelation of St. John, I, 348; Apocal. XIII, 2. «the figure is wholly fantastic and plastically conseivable».

⁷¹ - Беру пример из совершенно другой области. В отчете о «посмертной книге А. Я. Левансона» о балетном артисте Сергее Лифаре князь С. М. Волконский пишет: «Есть, по случаю упоминания ранних годов Лифаря в Киеве, описание хаоса – это замечательная страница в образах, но без фактов, выше фактов. Эта страница напоминает картину М. Шагала, где человеческая фигура несется по небу выше домов»

⁷² - Jaques de Lacretellë Les aveux étudiës. Paris, 1934 и по поводу этой книги статью: «Портреты», г-жи Ю. Сазоновой, в «Последних Новостях», Париж, 1934, № 4832 за 16 июня.

⁷³ - R. H. Charles: The Revelation of St. John, I, p. 142: «The Apocalypse deals with ideas not with plastic conceptions. The terms used have become for the most part purely symbolical and metaphorical». – Post emerit Selmar Keferstein: Die Offenbarung St. Johannis nach rein symbolischen Auffassung. G ü tersloh, 1907.

⁷⁴ - Некоторые (см. Rev. Prof. H. B. Swete : The Apocalypse of St. John, p. 75; R. Prof. E.– B. Allo: St. Jean Apocalypse. Paris, 3,1933, p. 82–3: «ce livre doit avoir la me d'un rouleau non d'un codex; et d'un rouleau

⁷⁵ - См. Prof. W. Bousset: Der Antichrist in der Überlieferung des Judenthums, des Neuen Testaments und der alten Kirche. Ein

Betrag zur Auslegung der Apokalypse. Göttingen, 1895, S. 112–15 (Der Geburt des Antichrist aus Dan).

⁷⁶ - Иудофильствующий профессор Иван Гаврилович Троицкий писал в трактате «К вопросу об отношении Талмуда к христианам» (журнал «Христианское Чтение», 1917 г. Петроград, книга 1-я, № 1–2, стр. 26–27): «День христианский, по словам Рабби Измаила Таннай, 2-й генерации Ишмаэль-бен-Элиша (П-го века), во веки запрещен». Abboda Zaraf, 6, по Венецианскому изданию Вавилонского Талмуда, а по Мюнхенской рукописи: «христианин (или христианский), – по словам р. Измаила, во веки запрещен, т. е. запрещены деловые сношения иудеям с христианами не только перед праздниками и в самые праздники, но и после праздников». Как при том, так и при другом чтении в словах р. Измаила выражается отрицательное, почти нетерпимое отношение к христианам.

⁷⁷ - Во всех видениях небесными возвестителями являются именно Ангелы, и потому едва ли вероятно, что совсем неожиданно оказывается здесь «орел», который мог вноситься из апокрифической символики, чуждой в этом пункте Апокалипсису. А об Ангеле, летящем по середине неба, см. XIV, 6, где он называется «другим» (Καὶ εἶδον ἄλλον ἄγγελον πετόμενον ἐν μεσουρανήματι).

⁷⁸ - Из новых времен мы знаем, что в 1929 году, в Алжире, около 50 000 гектаров земли были захвачены саранчой, которая угрожала всему урожаю. Правительство мобилизовало до 60 000 человек на борьбу с таким опасным вредителем, снабдив эту армию огромным обозом специальных «военных» приспособлений и средств. На эту борьбу было ассигновано 12 миллионов франков, и в случае неудачи этой обороны предполагалось двинуть эскадрильи военных аэропланов. Нечто подобное было и в 1890 году. См. парижские «Последние Новости», № 2900 от 30 апреля (вторник) 1929 г.

⁷⁹ - В древнем предании обычно предполагались Енох и Илия, как изобличители антихриста: Prof. W. Bousset: Der Antichrist, S. 134–39.

⁸⁰ - Это слишком напоминает иудейские обычаи злорадствования над побежденными врагами, как было во времена празднования Пурима (Есф. IX, 22): 14 и 15-го Адара иудеи обязывались ежегодно праздновать «как такие дни, в которые они сделались покойны от врагов, и как такого месяца, в котором превратилась у них печаль в радость, и сетование – в день праздничный, чтобы сделали их дня-

⁸¹ - Посему нельзя согласиться с Prof. Th. Lahn: Die Offenbarung des Johannes ausgelegt, II, S. 608, что «вторая смерть» означает у Апокалиптики совершенное уничтожение самого бытия.

⁸² - См. Dr. Ferdinand Weber: Jüdische Theologie. Leipzig, 18972, S. 162 ff., и у нас: «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу». I, СПб., 1905, стр. 383, 804; II, СПб., 1910, стр. 208, 485, 807, 1002, 1254, 117 – о трех, четырех или семи небесах.

⁸³ - По этой связи в движении мыслей мне не кажется вероятным (ср.: XIII, 1 и 1), чтобы в XIII, 1 надо было читать: «И он (дракон) стал на песке морском», как утверждает проф. S. Godet: Bibelstunden, deutsch bearbeitet von J. Kalgī zweiter Teil: zum Neuen Testament. Hannover, 1892, S. 230.

⁸⁴ - См. Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. 171–72.

⁸⁵ - Ср. S. Keferstein: Die Offenbarung St. Johannis rein symbolischer Auffassung. S. 132.

⁸⁶ - Ср. Herm æ Pastor. Sim. IX, 13: αἱ δὲ παρθένοι... ἅγια πνεῦμα εἰσὶ.

⁸⁷ - Так Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. 1810.

⁸⁸ - Sallust et Catil. XXXVII, 5: Romam sicuti in sentinam confluxerant; Tacit. Ann. XV, 44: Urbem... quo cuncta unitique atrocita aut pudenda confluunt celebranturque ; Juvenal: III, 62, S. 99, говорит, что в «Селевкии Сирийской ежегодно садился на суда рой развращенных существ, порождения вековой гнили, налетавших заразой на Рим».

⁸⁹ - См. «Православный Палестинский Сборник», вып. XXXIV: Путник Антонина из Палестины, конца VI века. Издал, перевел и объяснил проф. И. В. Помяловский.

⁹⁰ - Продававшихся рабов в древности считали «телами» (σώματα). Ефес славился тем, что иногда в один день распродавалось до десяти тысяч «тел и душ человеческих». См. Rev. Prof. H. B. Swete The Apocalypse of St. John, p. 234–35. Сочетание двух последних терминов указывает не просто на рабское употребление, но именно на всецелое, когда и самая душа приносилась в жертву телесным сладострастиям.

⁹¹ - Примеч. Издателя: Часть текста, заключенная между знаками , имеется и в другой редакции, которую мы приводим здесь, в примечании: «... четыре животных, павших ниц пред Богом, сидящим на престоле (XIX, 4).» Далее следует непосредственно текст: «Теперь царство Божие стало действительностью... » и т. д. По состоянию оригинальной рукописи невозможно установить, какую из этих двух редакций имел в виду для печати автор.

⁹² - Ясно, что ожившие и царствующие со Христом тысячу лет живут и являются в состоянии прославленности, хотя могут находиться до второй смерти при наличности прежних космических условий – до нового неба и новой земли (XXI, 1 и сл.) на земле, так как там при плевелах будет существовать и пшеница. Посему соучастие со Христом и этих избранных праведников разумеется не реальное, но принципиальное и ничуть не непременно фактическое. Этим достаточно разрешаются недоумения Robert Kuebel'я о пребывании «прославленных» на «непрославленной» земле, почему первых, уже при начале тысячелетия, он всецело переносит на небо (Die Offenbarung Johannis, S. 290–292), а это едва ли столь вероятно до фактического открытия судов Христовых над всем миром и человечеством.

⁹³ - Посему нельзя непременно говорить, что тысяча лет, означающая очень долгое время, начинается даже не от воплощения Христова, а от второго пришествия Господня, как утверждает у Dr. Friedrich Bleek: Vorlesungen über die

Апокаypse (herausgegeben von Th. Hossbach). Berlin, 1862, S. 81, 77, 78.

⁹⁴ - Dr. Ferdinand Weber: Jüdische Theologie. Leipzig, 1897, S. 166.

⁹⁵ - Prof. Theodor Lahn: Die Offenbarung des Johannes ausgelegt. II, S. 628–629; Prof. W. Bousset: Die Offenbarung des Johannes, у H. A. M. Meyer, XVI, S. 459; Prof. Ernest Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes, S. 178–179.

⁹⁶ - Rev. Prof. H. B. Swetë The Apocalypse of St. John, p. XI.

⁹⁷ - Op. cit. p. CL XXIII.

⁹⁸ - Op. cit. p. XXX.

⁹⁹ - Op. cit. p. XXXII.

¹⁰⁰ - Dr. Sales Tiefenthal: Die Apokalypse des Hl. Johannes, S. 91–92.

¹⁰¹ - Для последнего ср.: Prof. Ernst Lohmeyer: Die Offenbarung des Johannes. Tübingen, 1926, и его же Die Offenbarung des Johannes übersetzt (mit Nachwort.), S. 69–83, Tübingen, 1926. В частности, отмечается художественная конструкция: А. А. Жданов в «Прибавлениях к творениям св. Отцев» XLVII, кн. 3, Москва, 1891, стр. 267, – и поэтическая форма в виде искусных параллелизмов (Rev. R. H. Charles : A Commentary on the Revelation of St. John, I, p. XIV), мастерской руки (I, p. 333; II, p. 733) артиста и религиозного мыслителя (I, p. CVIII), который, будучи импрессионистом (I, p. CLVI), даже в своих символически-фантастических изображениях бывает столь пластичен (I, p. 142, 348), что, напр., дает чудный портрет великих противобожественных фигур (II, p. 87); автор – сознательный стилист, хотя для него это было делом второстепенным (II, p. 88).

¹⁰² - Prof. Wilhelm Bousset: Die Offenbarung Johannes в Kritisch-exegetischer Kommentar über das Neue Testament von H. A. W. Meyer. 6. Auflage. Göttingen, 1906, S. 129; Prof. Adolf Juelicher: Einleitung in das Neue Testament. 5. Auflage. Tübingen, 1913, S. 249; Ср.: F. Boll: Aus Offenbarung Johannis. Berlin, 1914, S. 128.